

Аркадий Лapidус

Обратная ЭВОЛЮЦИЯ

Байки

о вкусной и здоровой

жизни

1

*Светлый образ
одного из персонажей
и главного героя книги жизни
автора*

СОДЕРЖАНИЕ

Послесловие-предисловие	3
Пролог	4
Дитя свободной любви	12
Торговец связями	16
«Золотая» молодёжь	24
Неугомонный эскулап	31
Гений	37
Вампир	41
Сюрпризы	49
Санитар природы	58
Вопрос, которого нет	62
Зеркала	73
Коррида	81
Цветущая неврастения	95
Взвейтесь кострами синие очи!	108
Вуаля!	121
Удар в печень	126
Убийцы при исполнении	131
Кошмары	137
Милости просим!	153
Вам тараканы не нужны?	178

ПОСЛЕСЛОВИЕ-ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь прогрессировала. Всё чаще и чаще мне казалось, что я – Бог, а Богу, что он – это я. Был ещё и третий, который только посмеивался. В моём последнем повествовании он косил под моего двойника из параллельной действительности, а здесь...

– Что значит «косил»? – врзался в мои мысли двойник. – Я – это ты, а ты – это я.

– И вы – это трижды я, – добавил Бог.

– Почему трижды, когда дважды? – поправил я.

– Дважды – вы это я, и одиножды – я отдельно.

Один плюс два – три! – блеснул своей математической мыслью Бог.

Мда-а... Весёленькая компашечка...

Сегодняшняя наука не исключает существование Создателя. Впрочем, и в атеистическом вчера некоторые научные гении, обнаруживая какую-нибудь ошеломляющую закономерность, втихаря крестились или восхищённо произвольно выкрикивали «Барух а Шем!» или «Аллах акбар!». А такие ненаучные товарищи вроде меня, которые не всегда могут до конца и безапелляционно объяснить «Почему? Отчего? Откуда? Зачем? Для чего?» и так далее, но чувствуют, что то, что видят и о чём говорят – правильно, верно, благоприятно, вкусно и перспективно, всегда с уважением относились к природным шедеврам и их проявлениям.

– Опять бросил! – воскликнул Бог и, выпрыгнув из меня в виде традиционного старца, подбежал к очередному прохожему.

Выдернув из-под его ног окурок, он, молча, отнёс его в близстоящую урну.

– Бестолку! – сказал двойник и неторопливо тоже полез из меня.

Отодвинув огалу (тележку с пахом (ведром) для мусора), он развалился на скамейке рядом со мной.

Я не шелохнулся.

– Бедный Булгаков! – сказал Бог, располагаясь тут же. – Вашего дьявола моими функциями пытался наделить. И что получилось? Получилось “Не за жизнь!”, а “За смерть!”. Вот и молятся «За жизнь!», а голосуют «За смерть!». Ну, чего расселся? – толкнул локтём он двойника и подозрительно игриво подмигнул мне. – Пах полный!

– Ты свисни – тебя не заставлю я ждать. Приду я дерьмо от тебя убирать! – вяло огрызнулся двойник.

Он вытащил из паха сакит (полиэтиленовый мешок) с мусором, лениво завязал его и понёс к контейнеру.

Я потянулся и уставился в голубейшее небо. Впервые в Израиле работа была для меня сплошным удовольствием. И это не потому, что практически всю её выполняли собранные после написания книги воедино, а теперь опять расщеплённые мои «Я». Физически уставал я к концу рабочего дня точно так же, как и раньше, но морально...

Ах, как мне было хорошо! Никто не следил за каждым моим шагом, не выскакивал неожиданно из-за угла, чтобы уличить в безделии и нерадивости, не подгонял и не унижал.

Мне доверяли!!!

– Какие у вас противные самодовольные рожи! – сказал Бог, когда двойник вернулся. Что толку от жизни, если никто её не улучшает!

– Как это никто? А мы? – возмутился я.

– Вот именно! Сам пью, сам гуляю, сам стелю и сам лягаю! Кайф! – ухмыльнулся двойник.

– Идиоты! – пробурчал Бог и побежал к следующему прохожему...

ПРОЛОГ

Труп улыбался.

Ему было хорошо.

Вокруг суетились, кричали, роняли стулья, а ему всё это было до лампочки. Он готов был даже расхохотаться, но позволил себе это только в морге.

– Раз мы родились, то обязательно умрём. Поэтому нет никаких оснований для пессимизма, – сказал кто-то, и труп расхохотался ещё громче.

Этот смех и разбудил меня. В окно светила круглая и нахальная, как дурак, Луна. Справа всхлипывала во сне некрасивая от хронического переутомления и недосыпа жена. Слева посапывала и вздрагивала счастливая в своей животной свободе и потому беременная бог знает от кого собачка Чуча-Божий Подарок, а за стеной свистела и хрюкала вечно живая и неистребимая тёща.

– Израиль – родина для слабых. Для сильных это транзит! – хмыкнул тот же кто-то, и я вскочил с кровати.

Натыкаясь на стулья и косяки дверей, я дошёл до туалета, а после него завернул на кухню. За круглым железным дачным столиком сидел мужик с невыносимо знакомой рожей и пил мою любимую на сегодня смородиновую водку.

– Тс-с! – сказал он и, пьяно качнувшись, приложил к губам палец. – Я ненадолго.

– Да ладно. Сиди уж, – пробормотал я и налил себе тоже.

И в Алма-Ате моя квартира была больше похожа на проходной двор, чем на крепость, и здесь двери не запирались ни днем, ни ночью. Время от времени какие-то люди входили и выходили. Иногда кушали. Иногда пили и пели. Иногда ночевали и оказывались знакомыми моей жены или дочери. А некоторые даже совершенно откровенно намекали на то, что неплохо было бы им здесь и остаться.

– Ты извини, брат, перепутал я “виллу”. Мой сарай такой же прямоугольный и мерзко серый, как твой, – продолжил гость. – Всю ночь пью. Тёща совсем затрахала.

– О! – обрадовался я. – Знакомая тема. Вчера сказал своей, что всякая невзаимность – извращение, и поэтому я не люблю её с той же силой, с какой она не любит меня.

– Так и сказал?

– Ну да. Пока жены не было.

– И что?

– Обиделась, конечно. Зато лицемерия поубавилось.

– Психолог!

– Да уж!

– Попробовать, что ли, тоже... – задумался гость и... исчез.

Я протёр глаза и уставился на бокал, в котором ещё колыхалась водка. Ни удивления, ни досады, ни паники в душе не было. Работа выматывала до такого отупения, что реальность и сон смешивались и сон был чаще намного ярче и интересней, чем то, из чего он формировался. А вкалывал я в это время в супермаркете никайонщиком. Никайон – это уборка, и если бы это было только так, то это было бы благо. В действительности же в том

супере, где я радовался очередной возможности хоть что-то заработать, чтобы расплатиться за съёмную квартиру и счета, – так вот, в этом супере, да и, по слухам, почти во всех других тоже, никайонщик был чем-то вроде “опущенного” в тюрьме. Петушиная суть проявлялась в том, что все кому не лень могли в любой момент наплевать тебе в душу и любое другое место и заставить вкалывать вместо себя. А не нравится – лех а байта! (иди домой!): за воротами толпы престарелых “чёрных” нелегалов, которым сумма пособия по старости – как смертный приговор с растянутым на годы исполнением.

И всё-таки я был счастлив. Во-первых, потому, что жив и не так сильно покалечен морально и физически, как некоторые, а во-вторых, потому, что, при всей своей неординарности, создал в своё время и сохранил по сегодняшний день семью, что тоже удаётся немногим подобным.

Да что там далеко ходить: недели две назад отошла в мир следующий (или в этот по новой!) Мирьям. Романтик, лирик и вообще близкий мне по духу человек. Ну, отошла – и отошла! Все мы в своё время, слава богу, это сделаем. Но плохо то, что она лежала на полу уже остывшая и совершенно неэстетично увеличивалась в объёме три дня, пока полиция не выломала дверь. Не было никого рядом, кто смог бы вовремя подать лекарство или вызвать скорую помощь, а может быть и похоронную команду. Одиночество, как ни крути, состояние совершенно противоестественное на этом свете, и целесообразие его, кроме как в творчестве, очень сомнительно.

Что такое?

Я протёр глаза.

Гость опять появился.

Это становилось интересным.

– Сказал? – спросил я, гадая, сплю я или нет.

– Сказал, – вздохнул гость. – Такая реакция, что я опять к тебе.

– Ну, давай ещё по рюмочке. За успех нашего предприятия.

– Давай!

Мы чокнулись, выпили, и я уже с откровенным любопытством уставился на него. Брюнет, но нос – точно мой. Две борозды на переносице и... “индикатор”! На носу точно такая же, похожая на тлеющий уголь, точка, как...

– Да это же... я?

Последнюю фразу я произнёс вслух, на что гость только усмехнулся.

– А ты только сейчас заметил? – сказал он. – Я уже давно это понял. Как и то, что “вилла” не случайная. Только не я – ты, а ты – я. Впрочем, скорее всего, и то и другое

одновременно. Судя по одежде и по масти, мы каждый сам по себе, а судя по сути – одно целое. Вполне возможно, что наши грубые бранные части спят сейчас каждая в своей супружеской кровати, а тонкие нетленки пьют водку на нейтральной между двумя зеркальными мирами территории.

– Ого! Хороший сон! Как же ты успел и спать, и одновременно к теще смотаться?

– Спроси что-нибудь полегче, – сказал гость, конечно же, из параллельной, а не зеркальной реальности.

Фантастику я любил, поэтому сразу понял, что к чему. “Индикатор” у него пылал на той же левой стороне носа, что и у меня. И то, что со временем и пространством, да и со всеми остальными законами и явлениями природы происходят иногда какие-то метаморфозы, – факт. Однако гипотезу о том, что мы спим, стоило поддерживать. На всякий случай! Во избежание лишних стрессов и разочарований.

– Ну, спим, так спим, – сказал я. – Оно, может, и к лучшему. А то что-нибудь пропадёт, а я на тебя подумаю.

– Верно! – рассмеялся гость. – Давай сюда рукопись. Что уставился? Роман давай! Я свой потерял. Думал, сдохну от расстройств.

– Так – нет!

– Чего – нет?

Того и нет. Как-то искал, да плюнул.

– Та-ак... Это наши жёны...

Я обмер. Точно! Моя ненаглядная давно обещала выбросить все мои писульки, накопленные почти за сорок лет, в помойное ведро. И как женщину – хранительницу очага я её понимаю и не осуждаю. Доходу от результатов бессонных ночей и зачумленных дней не было никакого. А в издание автобиографического сборника повестей с первым названием “Любимец Израиля” – про себя, родимого (такой я “любимец”, что удивляюсь, как до сих пор жив-то!), – ушли все наши жалкие накопления и даже часть годовых, таких же жалких, подработок студента-сына. Тем более что некое вчерашнее СССРовское, а сегодня русскоязычное писательское светило Израиля очень презрительно-брезгливо и даже возмущённо отзывалось на днях по московскому телевидению о тех, кто издаёт сам себя на свои деньги без высочайшего благословения признанных, именитых, заслуженных и бюрократически узаконенных. Как будто бы это с жиру! Как будто бы есть другой, более быстрый, путь дойти хоть до какого-нибудь непредвзятого читателя, не имея ни послужного списка, ни имени, ни знакомств, ни счастливого случая!

Ну, бог с ним! У каждого свой счёт в занебесном банке! И зря думают некоторые, что это поповские сказки. Оторвитесь от мертвечины вещей и суеты ради этой мертвечины. Вспомните, что вы пока ещё вроде бы живые и вроде бы люди и вещи для вас, а не вы для них. Приглядитесь внимательнее: проценты с этих счетов на каждом шагу, и не только у меня

или у тебя, а у целых народов, стран и даже всей нашей матушки Земли, а может быть, и вселенной. И я счастлив тем, что пусть кровью и жесточайшими ограничениями себя во всём, но написал то, что хотел и как хотел, и смог издать написанное, ни под кого не подстилая ни себя, ни Бога!

Не сговариваясь, мы одновременно потянулись к бутылке, и в это время потолок треснул точь-в-точь, как в рассказе одного из героев романа. Мы уставились в трещину. Из неё показалась дёргающаяся голая волосатая нога в кроссовке. За ней – вторая. Зрелище было жуткое. Как будто бы кто-то выкарабкался из завала от взрыва или землетрясения.

Схватив стулья, мы взобрались на них и, уцепившись за ноги этого кого-то, попытались ему помочь.

Не тут-то было! Несчастный застрял напрочь, и его дрыганья всё больше походили на агонию.

Наконец, лягнув моего гостя в челюсть, а меня в плечо, он замер. Мы дёрнули ещё пару раз и слезли со стульев.

– Кончился, – сказал двойник, и в это время тело застрявшего начало вытекать из щели.

– Ай-я-яй!..

Подхватив бедолагу, мы уложили его на пол и отшатнулись. Ни лица, ни головы не было, а на том месте, где всё это должно было располагаться, плавало в воздухе что-то... очень похожее на распавшиеся ошметки дымного кольца с тёмным пятном посередине.

– Дырка от бублика! – растерянно ляпнул двойник, и тело дёрнулось.

Мы отскочили.

– Правильно! Догадались-таки! И я – дырка, и вы – то же самое. По образу и подобию. И всё и вся из дырки и в дырку. Аминь! – раздалось из-под соединившегося в одно целое кольца.

– Господи, что это? – вырвалось у меня.

– Я это! Я! – зевая, заскрипело из центра тёмного пятна, которое начало очень динамично сжиматься и разжиматься в такт словам, словно рот. – Опять вирус в программе... Куда голова делась?.. А, пропади оно всё пропадом! В конце концов, в Начале было Слово, и Слово было у меня, и Слово было – Я!

Тело раздулось, как воздушный шарик, поднялось и, закачавшись из стороны в сторону... лопнуло!

Мы упали на пол, и я всё понял, а как потом узнал, это же понял и двойник. Финальная часть рассказа одного из героев романа “Цирк! Цирк! Цирк!” материализовывалась, но в обратном порядке, в другом варианте и на более высоком уровне. Новый гость, от которого

остался только плавающий в воздухе дымный круг с пятном, был не Иисусом, а Богом-Отцом. И когда мы очухались от страха и дрожащими руками разлили уже в три рюмки оставшуюся водку и выпили (причём третья рюмка опрокинулась прямо в дырку от бублика), то поняли, что если это и сон, то очень уж необычный, яркий и масштабный. Впрочем, насчёт любых масштабов и их относительности у меня, да и у моего двойника, было своё особое, диссидентское мнение.

– Вот что, ребятки, – уже не скрипя, а вполне нормально и буднично, да ещё и тёплым голосом наших покойных отцов сказал Бог. – Вы писали “Все права сохраняются за автором и Господом Богом ”?

– Ну, – сказали мы.

– Баранки гну! – передразнил Бог. – Считайте, что я на правах соавтора прибрал рукописи и, как всё в этом мире, сделал это опосредованно, то есть через помойное ведро.

– А-а, – вздохнули мы облегчённо.

– Два! – опять передразнил Бог. – Можно подумать, что вы что-то поняли.

Мы переглянулись.

– Вернуть ничего нельзя. Таковы установленные мной законы и программы некоторых миров. И не смотрите на меня так. Закон божий – и для Бога закон. Иначе опять хаос и всё по новой. Вернуть рукописи я не могу, но быть им в новом варианте в конце концов. И не думайте, что я это делаю только для вас. Если бы не мой шкурный интерес, так бы вы меня и видели!

– Что за чушь? – вырвалось у двойника.

– Сами вы – чушь! – снова передразнил Бог. – Ни слуха ни ритма нет, а на скрипках наявивают. Сто слов на иврите выучить не в силах (иврит твою мать!), а вирши на земле израильской катают. Мозги куриные, а думают, что думают, и даже пытаются что-то понять. Диву даюсь, глядя на вас! Впрочем, это-то и подвинуло меня к вам. Похоже, что... А, ладно! Всё равно не поймёте...

– Да ты что? – возмущённо воскликнули мы. – С одной рюмки закосел?

– Ну вот, уже и тыкают, – покачал пятном Бог. – Разгильдяи! Беспредельщики! Да дай вам волю Божью – вы всю вселенную похерите. С вашим нищенско-хапальным мировоззрением, моё – моё и твоё тоже – моё, вам надо в тюрьме сидеть с цепью на ногах и в колодках, а не с Богом разговаривать. У меня тоже всё не чужое, но ведь не хапальное же, а родное!

– Что правда, то правда, – съязвил я. – В тюрьме самое место и время с тобой лясы точить.

– Убогие вы. От убогости и хамите, – так же спокойно и по-отечески сказал Бог. – Скажите спасибо, что вы не там. Когда без меня свои шедевры царапали, тюрьма по вам плакала горячими слезами. Слава мне и программе: мы вовремя подключились.

– Ну, спасибо, братан! То есть, извини, – пахан! – съязвил теперь уже двойник. – Как после этого не любить тебя!

– Вот и любите, авторы хреновы. Что вы там наворотили? Кто вам позволил лезть в святая святых? – уже совсем дружелюбно и даже как-то радостно сказал Бог.

– А это ты у себя спроси, – опять съязвил я. – Я, например, когда писал, иногда сам не понимал, откуда что берётся, зачем и про что. Да и близнец вон кивает.

– Мда... – хмыкнул Бог. – Ну, ладно. Чёрт с вами! Тьфу! То есть я, конечно, с вами, что, в общем-то, для вас одно и то же.

Мы снова переглянулись.

– Вы далеко не ум, совершенство и средоточие вселенной, хотя, безусловно, часть её. Так?

– Так, – согласились мы.

– Ну вот. Отсюда и получается, что если некоторые, особенно нахальные, думают, что поймали меня за бороду, которой в действительности нет, не было и никогда не будет, и, находясь в наркотической нирване, могут без конца и предела дёргать из неё волшебные волоски, то это скорее печально, чем преступно. Согласны?

– Ещё бы! – так же в голос выпалили мы.

– Вот и мотайте на ус, раз согласны. Нелегко понять чужую кровь: я ненавижу читающих бездельников! Читаем “Отче наш” – и поехали! И на всякий случай запомните, что молитва действует как транспортное средство только после непосредственного контакта со мной.

– Куда поехали-то? – изумились мы.

– Туда! Во время действия. Будете сами материализовывать (не без моего участия, конечно!) из киноленты вашей памяти новую реальность в реальности, уже состоявшейся по вашей вчерашней писанине. Ну что глазами лупаете, мыслители? Каждое мгновение вашей жизни и всё, что вас окружало в это мгновение, – в вас. Всё фиксируется и складывается. Всё! Конечно, вы ещё не научились воспроизводить и материализовывать всё, что в памяти, но какие ваши годы! Время назад – плёвое дело! Реальность состоялась и улетает во все стороны, как свет звезды. Двигаемся по лучам времени в обратную сторону и попадаем в любую точку пространства прошлого. И это только один из вариантов. Ну-ка, напрягите свои куцые мозги. Вспоминайте пролог. Работайте, работайте!

– Пожалуйста, – начал я обиженно. – Не такие уж мы и куцые. Шёл тысяча девятьсот восьмидесятый год от рождества Христова. Закат псевдосоциализма знаменовался пышным фейерверком московской Олимпиады и похоронами.

– Конечно, перед смертью все равны, но перед жизнью – совсем другое дело, – подхватил двойник. – Что значит наша кончина по сравнению с кончиной Этого... или Того... или даже Самого?..

– И вдруг смерть какого-то пьяницы и “так называемого” поэта-барда всколыхнула страну, – уже веселее продолжил я. – Вся знаменитая официальная сволочь сначала удивилась, потом возмутилась и лишь после этого, пережив пароксизм лютой зависти, начала изображать из себя покровителей и чуть ли не благодетелей почившего поэта. При жизни никто из них не поспособствовал даже напечатанию в официальной прессе хоть одной его строчки, хотя их папки, мамки, детки, дядьки, тётки, сватья и знакомые издавали тома своих, никому не нужных, поэм. Жизнь ещё раз посмеялась и показала, что месть в конце концов – прерогатива Бога и только Бога, а исполнение приговора почти всегда как бы случайно, и что крупное может оказаться ничтожным, а ничтожное – крупным, и шовинизм в любом его виде – самое разрушительное зло человечества. Умер...

– Владимир Высоцкий! – присоединился двойник.

– Впрочем, почему умер? – уже почти радостно подправил я. – Разве Пушкин умер?

– Или Лермонтов! – подхватил двойник.

– Догадались-таки! Всё, что жизнь, – продолжается! – резюмировал Бог и зевнул. – Я вас любил: любовь ещё, быть может, в душе моей угасла не совсем! Отче ваш, Иже еси на небесех! Да святится имя мое, да придет Царствие мое; да будет воля моя яко на небеси и на земли...

– Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого, – закончили мы.

– Вот именно! Избави вас и меня от лукавого, которого вы же и материализуете своей верой в то, что он есть, – опять зевая, добавил Бог, и кухня растаяла, а мы, подхваченные песней Олега Митяева, тут же оказались посреди базарной толпы, слившись в единое целое сначала с героем, а в дальнейшем и со всеми остальными:

Жизнь замечательных людей

Не замечательней нисколько

Собственной жизни или дней

Памятных нам самим и только...

ДИТЯ СВОБОДНОЙ ЛЮБВИ

Молодой человек не был грузином, хотя и обладал фуражкой-аэродромом с необъятными полями и маленьким отверстием для головы. Не был он и одним из сыновей или внуков Остапа-Сулеймана-Берта-Мария-Бендер бей Задунайского. Впрочем, кто его знает...

Несколько избыточная космополитичная улыбка молодого человека на столь же космополитичном по своей географии лице была той визитной карточкой, которая любому представителю как большой, так и малой нации и народности заявляла о своей лояльности и родстве.

Словом, в крови владельца фуражки-аэродрома бурлил и искрился коктейль из исторически выдержанных и характерных кровей.

– Всё своё лучшее несус с собой! – любил повторять он, видимо скрывая по гуманным соображениям, местонахождение всего своего не лучшего.

Не была грузинкой и тетка в базарном наряде сомнительного санитарного состояния.

Едва возвышаясь над огромным, туго набитым мешком, она продавала жареные семечки, а молодой человек стоял рядом и, щурясь от солнца, философствовал:

– Здесь я свободный гражданин, мамаша. Потому как не вы меня выбираете, а я вас. И мне нравится этот базар жизни! Учтите, мамаша, я не сказал «барахолка», я сказал – базар. Благородная легальность и гибкая конъюнктура цен! Сколько семечек помещается в этот напёрсток?

– Много, сынок, много. Братъ-то будешь?

– А как же! Много – это символ! Это флаг и маяк! Это конечная цифра человеческих стремлений! Сыпьте на все!

Новенький хрустящий рубль перепорхнул из кармана пиджака в маленький потайной межгрудный гаманок, и антисанитарный поток семечек зашуршал по кулькам

– Приезжий ты, хлопец, сразу видно...

– Все мы приезжие, мамаша! “Мы теперь уходим понемногу в ту страну, где тишь и благодать. Может быть, и скоро мне в дорогу бранные пожитки собирать”.

– Точно! В тюрьме особенно не нарадуешься. Мой зятёк давеча их мордобой описывал. Ужас!..

– Стоп, мама стоп! Я про тот свет, а вы про какой?

– Про этот...

Тётка растерянно заморгала.

– Мда-а! Университеты этого – не фонтан! Особенно гуманитарные. Адье! – весело козырнул молодой человек и растворился в гомоне и сутолоке.

Тётка вздрогнула и тупо уставилась в мешок.

В её голове формировалась вселенная.

– А ты образованием нам не тычь! – наконец вырвалось из неё. – С такими аэродромами, как у тебя каждый второй имеет судимость! Ишь, гуманитарий нашёлся! Шпана проклятая!..

Базар шумел и волновался.

Особенно сильный акустический эффект узаконенного свободного сбыта присутствовал в крытой его части.

Туда и направился молодой человек. Он не слышал последних слов тётки и потому продолжал смотреть весело и иронично.

Под стеклянными сводами сталкивались и рассыпались шёпот и вскрикивания, бормотания и споры, сопения и сморкания, жаркие страсти и тихие желания. А над всей этой какофонией величаво плыл бархатный голос диктора. Он отечески знакомил присутствующих с правилами торговли и поведения.

Никто не слушал диктора – все слушали только себя!

Обладателя же приятного баритона это нисколько не смущало, ввиду простого отсутствия, а в радиорубке шуршала магнитофонная лента и стукались стаканы с «белым крепким».

У мясных рядов было особенно весело. Несмотря на ещё вчера сумасшедшие цены, тут стояла толпа, в которой с трудом угадывалась некая змеистость, характерная для нормальной очереди.

– Как потопаешь, так и полопаешь, а как полопаешь, так и потопаешь! – сочувственно заметил обладатель фуражки-аэродрома, наблюдая тривиальную сцену избияния дюжим сытым мясником тихого голодного алкоголика, пригревшего за пазухой кусок неоплаченной говядины.

Чувство высокой нравственности теряло меру, и молодой человек сделал решительный шаг. Литая ладонь опустилась на плечо самодеятельно-махровой фемиды:

– Довольно, кацо! Так сильно не омрачай праздника!

Мясник дёрнулся, и его налитые святой справедливостью глаза уставились на фуражку.

Головной убор сработал. Отпустив жертву, мясник сплюнул и тяжело зашлёпал в свой призывно гудящий золотой улей.

– Грешно забывать классику! – обратился к алкоголику спаситель, помогая ему всунуть руки в сброшенный на пол пиджак. – У попа была собака – он её любил. Она съела кусок мяса – он её убил!

Зрелище затравлено трясущейся тени бывшего человека было до того жалкое, что из импортного кармана появился ещё один рубль, и жертва социального прогресса, ещё не до конца осознавая свалившееся на неё счастье, равномерно-ускоренно засемила к выходу.

– Мда-а! – ещё раз подытожил молодой человек и направился к фруктовым рядам, которые, понятное дело, благоухали витаминами.

Дородная дама, неопределенного интеллектуального уровня и возраста, важно прогуливалась вдоль этого изобилия, не оставляя без внимания ни одной фруктовой горки. Двумя пухлыми пальчиками, опоясанными, как и почти все остальные, бриллиантовыми изделиями, она брезгливо вылавливала невымытую ягоду или нарезанную для пробы часть фрукта и отправляла её в ярко раскрашенный рот. Её изысканный дегустационный вкус, видимо, не находил удовлетворения, и, задумчиво пожевав и отбросив надкусанное, дама переходила дальше.

Продавцы, загипнотизированные столь обильным ювелирным блеском, с беспокойством следили за ней.

Молодой человек находился тут же. Он остановился около торговца необычайно крупными персиками и с весёлой улыбкой наблюдал эту комедию:

– По второму кругу пошла. Ну, держись, торговая гильдия!..

Замечание попало в цель.

Горделиво возвышаясь над своим нежным товаром, торговец тут же освободился от ювелирных чар и с нарастающим негодованием наблюдал за приближающейся лакомкой.

Дошла очередь и до него.

Завороженная золотистым персиковым сиянием, дама не заметила горящего взгляда узбека. Её рука уже уронила тень на селекционное чудо, но тут над фруктовым раем рассыпались колокола орлиного клёкота. Это узбек ловил руками воздух, не в силах проглотить распирающий его комок возмущения:

– Это персик! Понимаешь? Персик! Особый сорт! А ты кто? Зачем лапаешь? Зачем кусаешь? Семь рублей килограмм! Понимаешь – семь! Есть деньги – бери! Нет денег – иди! Все ряды объела!.. Дизентерией заболеешь, холера тебя возьми!..

Дама побагровела.

Её глаза уже заалели зловещим индикаторным блеском и ближайшие торговцы напряжились в предвкушении роскошной корриды, но... вдруг всё пропало.

– Спекулянт! – презрительно-спокойно процедила дама и величаво отчалила на норд-вест, к призывно белеющим айсбергам полупотрошёных кур.

– Мда-а! – опять пропел молодой человек и, взглянув на часы, устремился к цветочным рядам.

Скупив почти все имеющиеся в наличии одурело пахнущие розы и изрядно взволновав этим продавцов, он поспешил к выходу.

– Счастливцев! - заметил кто-то и... ошибся.

Хотя на лице героя не меркла лёгкая, как солнечный блик, улыбка, на душе было пасмурно.

– У каждого человека горе – смерть близких! – без конца повторял он в последнее время, что было связано с преждевременной кончиной матушки.

И тут, несмотря на то, что человеческая память обладает счастливой способностью ярко высвечивать из прошлого всё лучшее и смягчать, а иногда и окрашивать в розовый цвет всё остальное, автор, в интересах истины, постарается быть предельно объективным – молодость матушки молодого человека не была обременена чугунными колосниками девичьей морали. К этому располагала её незаурядная привлекательная внешность и эвристическое воспитание.

Однако, в соответствии с неумолимыми законами природы, полные острых ощущений и захватывающих приключений творческие амурные искания на время приостановились с рождением очаровательного младенца.

Появившись на свет младенец не кричал, как все нормальные дети, а... смеялся!

Напуганная таким явлением, акушерка рефлекторно хлопнула его по попке, и, обиженный этой первой реакцией окружающей среды на здоровый природный смех, ребёнок заорал...

– Слава Богу – не асфиксия... – устало промолвила акушерка и показала дитя матери.

– Обаяшечка! – пролепетала счастливая мать и нарекла новорождённого в честь бога света, покровителя искусств и предсказателя – Аполлоном.

Редкое имя обязывало, и дитя свободной любви получило самое разностороннее и обширное образование. Аполлон пел, прекрасно танцевал, играл на множестве музыкальных инструментов, свободно рифмовал “кожу” с “рожей” и ударом ребра ладони раскалывал обожжённый кирпич...

Но вернёмся к базару!

– Поль! Поль! – пронзительно тонко раздалось у выхода из крытого рынка, и Аполлон попал в объятия солидного мужчины с лысиной, отороченной седым полумесяцем бывшей шевелюры.

– Наконец-то! А то я уже начал думать что мы разминулись. Быстро в машину! Тётушка ждёт нас на даче! – сказал обладатель природной тонзуры и, перехватив цветы, повел Аполлона к белой «Волге» с шофёром, брезгливо рассматривающим стоящий впереди «Запорожец».

ТОРГОВЕЦ СВЯЗЯМИ

Соломон умел ладить со всеми, и поэтому у него не было ничего своего – всё было государственное!

Конечно, костюмы были его личной собственностью, как и вообще вся одежда, ковры, хрусталь, огромный японский телевизор и весьма внушительные суммы не только на сберегательных книжках

Но всё это были мелочи.

Так себе!

Система минимального физического жизнеобеспечения.

Душа же принимала только государственное!

Занимая не очень большой пост, но имея очень большие связи, Соломон жил по самому большому государственному счету. И всё потому, что даже те, кто по своему служебному положению означали всё, всё достать не могли. Соломон же мог!..

Сейчас, сидя в зашторенной «Волге» рядом с племянником со стороны жены, он тяготился мыслью о том, что же будет просить тот. Тренируя свою способность угадывать желание клиента на полувздохе, Соломон перебирал в уме всё, что могло бы иметь щемящую ценность для двадцатидевятилетнего холостяка.

– Мне ничего не надо, дядюшка – у меня всё есть! – как бы услышав его мысли, сказал Аполлон. – И вообще, я приехал не работать, а трудиться. То есть преодолевать естественные трудности, а не быть рабом их.

Дядюшкины брови поползли...

– Я вообще противник всякого рабства в любом его виде и под любым соусом. Даже “раб Божий” – унижение и пришибленность, а не достоинство и тем более не образ и подобие Божие. Ни одной секунды своего сознательного существования я не работал – я трудился.

Свободный труд свободной личности! Вечный субботник, вечный праздник раскрепощённого труда! – Аполлон с досадой всосал краем рта воздух. – Нельзя ли раздвинуть эти жёлтые занавески и взглянуть на мир широко раскрытыми честными глазами?

Не дожидаясь ответа, Аполлон отдернул тряпочные лоскутки.

– Шутник ваш племянничек... – заметил шофёр.

– Я Аполлон – бог света! Да здравствует свет и да сгинет тьма! А тем паче – серость!..

Видимо, последняя фраза была принята шофёром на свой счёт, так как всю остальную часть пути он хмуρο молчал...

Дачный коттедж представлял из себя эклектическое чудо. Претенциозная фантазия восточного заказчика соединила в этом скромном государственном домике (по сравнению с другими хоромами) разные архитектурные эпохи и даже прозрения в будущее. Дворец графа Воронцова, находящийся в богатом Крыму, имел бы весьма пристыженный вид рядом с этим дачным пирожным. Подсвечиваемый изнутри ни в чём не повинными россыпями лампочек Ильича, вкрученных в венецианского хрустала люстры, коттедж, как сказочный фрегат, плыл в необъятном садовом аромате, отгороженном от посторонних любопытных глаз глухой бетонной стеной.

Вечерело.

На веранде, за белым роялем, сидел облачённый в махровый халат свежевывытый Аполлон.

Он вяло музицировал.

В тиснёных кожаных креслах финского гарнитура из карельской берёзы возлежали дядюшка и тётушка. Посасывая через пластмассовые трубочки гранатовый сок, они мирно переругивались.

– Ты стал недалёким человеком, Соломон!

– Я? Недалёким? Хм...

– Да-да – ты! Это другим можно втирать очки, а я-то тебя вижу насквозь. Меня не обманешь! Ты вот так живёшь и думаешь, что это хорошо.

– Ну да – это плохо!

– Плохо, Соломон, плохо! Ты отупел, зарос жиром, перестал видеть людей и уж тем более понимать их. А ведь у тебя был талантище! Я помню, когда мы с тобой впервые встретились, ты сразу сказал, что я – это всё! Ты был провидец! А теперь ты стал похож на этих вурдалаков...

– С кем поведёшься, кисонька. С кем поведёшься...

– А ты не водись! – тётушка капризно оттопырила мизинец.

– А ты в финские кресла не садись! – в тон ей усмехнулся дядюшка.

– Чем эти упыри будут сидеть, так лучше уж я. И вообще – мир хижинам, война – дворцам! – тётушка причмокнула, всасывая очередную порцию сока.

– Правильно, о моя хижинка! – рассмеялся Соломон и дребезжащим голосом тоненько проблеял: «Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой!».

– Слышу звон бубенцов издалёка! Может, подыграть? – тут же откликнулся Аполлон и взял несколько мажорных аккордов.

– Ты сильно изменился, Поль, – вместо ответа заметил дядюшка. – Мне кажутся несколько странными твои мысли...

– И изречения! – закончил племянник.

– Да-да! И потом, что это за маскарад был на тебе сегодня? Кепка... Какой-то сумасшедший лапсердак... У тебя же должен быть прекрасный вкус!

– Шоковая одежда, дядюшка! Дорожно-шоковая! Скучно мне! Невыносимо скучно! Тоска разъедает, как ржавчина! Собственно, поэтому я здесь и сижу... в вашей благословенной Алма-Ате! Днём сердцебиения... страхи какие-то... а ночью... Вчера во сне я разрубил топором голову маме... Освободил от боли... Она так молила меня об этом!.. Так молила!.. Вот!.. Опять началось... – Аполлон схватился за пульс и побледнел.

– Соломон, ты изверг! У нас такое горе! – тётушка отставила стакан и всхлипнула.

– Я понимаю, но надо держаться... Крепиться...

– А почему надо? Для кого? – прерывисто откликнулся племянник. – Кому нужен этот театр масок? Нет, господа, сам не испытываешь – другого не поймёшь!..

Аполлон склонился к роялю и, нервно наигрывая «К Элизе», продекламировал: «Что страсти? – ведь рано иль поздно их сладкий недуг исчезнет при слове рассудка; и жизнь, как согласишься с холодным вниманием вокруг, – такая пустая и глупая шутка...».

– Печорин! Вылитый Печорин! Бедный мальчик!..

Тётушка опять всхлипнула.

– А?... – просипел племянник и, неровно дыша, уставился в своё бледное отражение на крышке рояля. – Впрочем, конечно... намешано всякого... Наверное, есть и что-то своё, но что? Может быть, ты скажешь, о жрец самых честных местных правил? Ты же мудр, как твой библейский предок!

– Не знаю, Поль, не знаю...

– И я не знаю...

Бурные переливы аккордов ударили по хрустальным побрякушкам люстры, и Аполлон выдал на всю мощь своего великолепно поставленного голоса:

– «Передо мной веков бесплодных ряд унылый проходит. Властвовать Землёй наскучило. Без наслажденья я сею зло. Нигде ему не нахожу сопротивленья...». Нет, господа! Нет и ещё раз нет – зло я не сею! По крайней мере специально... И вообще, похоже, что я на грани... Моя мама не вписывалась в социально удобную женщину, но она была для меня и папой, и мамой, и бабушкой, и дедушкой. Я всем обязан ей! Всем! А она растаяла, как свечка... На глазах... Саркома, граждане! Злокачественное новообразование!.. И метастазы! Метастазы, чёрт бы их подрал!.. Она была тёплая, когда я её хоронил! Почему? Почему?.. Она не умерла! Она занималась йогой! Она умела отключаться! Это была каталепсия! Да-да – она не умерла! Я закопал её живую! Живую!..

У Аполлона задёргались плечи.

– Мальчик, дорогой, не надо... не надо!..

Тётушка подбежала к племяннику и, глотая слёзы, обняла. Дядюшка тоже растерянно заморгал и суетливо поднес стакан с соком:

– Ну, ладно... ладно... выпей... легче станет...

Страдалец сделал глоток и с досадой тряхнул рукой:

– Чёрт знает что! Зачем живём? Что суетимся? Что выигрываем? Все мы, как только родились, уже проиграли, потому как умрём!

Аполлон ещё раз тряхнул рукой, но уже более решительно:

– Впрочем, наше дурацкое мельтешение... Убери эту изжогу, дядюшка, и неси шампанское и ананас. Я на кухне видел это заморское чудо. Мама у меня была... Да что теперь говорить! Всё равно откапывать поздно... Тем более что она завещала...

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!

Удивительно вкусно, искристо, остро!

Весь я в чём-то норвежском! Весь я в чём-то испанском

Вдохновляюсь порывно! и берусь за перо!

Стрекот аэропланов! беги автомобилей!

Ветропросвист экспрессов! крылолёт буеров!

Кто-то здесь зацелован! там кого-то избили!

Ананасы в шампанском! – это пульс вечеров!

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском

Я трагедию жизни претворю в грёзо-фарс...

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!

Из Москвы – в Нагасаки! Из Нью-Йорка – на Марс!

Аполлон снова взялся за пульс и ещё нервно, но уже облегчённо вздохнул:

– Вот, пожалуйста! Отпустило! Вегным кугсом идём, товагищи!

Через несколько минут все пили шампанское и, смеясь, рассказывали друг другу анекдоты и весёлые, вполне правдоподобные истории. Слегка захмелевший дядюшка позволил себе даже посетовать на свою, весьма не хилую, судьбу:

– Деньги в наше время – ерунда! Что на них купишь? Нужны связи!

– Фройндшафт энд френдшип?

– Вот именно! Я всегда тонко чувствовал конъюнктуру. Сейчас все крепко повязаны друг с другом...

– Как в шайке-лейке!

– Ещё безобразней, Поль, потому как по мелочам. И вообще, не я породил этот бордель, а бордель породил меня. По своим способностям я мог быть вторым Плевако или первым дипломатом, но всё это не очень-то требуется и не очень-то оплачивается в наше время. На хорошее дело таланту путь неперспективен. В гробнице талантов мы живём. В гробнице! И тут уж, как говорится, спрос требует предложения, а для них... – дядюшка ткнул пальцем в люстру, – нужен я такой. Снабженец! Козырная шестёрка! И знаешь, Поль, у меня так называемых друзей почти столько же, сколько абонентов в телефонной книге, но случись что – все отвернутся. Впрочем, может быть, и не все, и то потому, что мне слишком много известно такого... – дядюшка брезгливо сморщил нос.

– Как вверху играют, так внизу и пляшут!

– Истина! Великая истина! Впрочем, что я тебе рассказываю. У тебя же самого богатейший опыт...

– Вот именно! Поэтому я и хочу не работать, а трудиться. А может быть, я хочу и чего-нибудь другого?.. Не знаю... Одно ясно – устал я ломать перед каждым подонком шапку своего ума и таланта.

Люди посланы делами.

Люди едут за деньгами.

Убегают от обиды, от тоски.

А я еду, а я еду за мечтами,

За туманом и за запахом тайги.

С завтрашнего дня я завкультмассовым сектором одного из ваших местных клубов!

Тётушка оторвалась от журнала мод и в ужасе всплеснула руками:

– Что ты! Бог с тобой, Аполлон! С твоим образованием! С твоими талантами! И потом, там же платят копейки!

– Искусство принадлежит народу, тётушка! Вот я и иду в народ. А деньги... Есть у меня... На ближайшие пять лет хватит.

– А что, забавно... Иди, Поль, а я посмотрю и, может быть, – за тобой! – дядюшка поднял бокал. – И не надо транжирить свои копейки. Пока ты здесь, – я твой меценат и спонсор. Ура, обеспеченным народолюбцам!

– Ура! – отвечивал племянник, и бокалы сошлись в хрустальном звоне.

– Что вы, сумасшедшие? Какой народ? Мальчику нужно идти в филармонию, оперный театр, эстраду. На телевиденье, наконец!

– Всё было, всё надоело! Не было самодеятельности. Кстати, прекрасное двухкоренное слово – «сам делаю»! Вполне совпадает с моим божественным предназначением. Ура первому самодеятельному творческому коллективу «Бог Саваоф и компания»!

В глубине дачи зазвонил телефон.

– Странно, кто бы это мог быть? – пробормотал Соломон и вышел.

– Я знаю, что тебе нужно, Аполлон. Тебе нужно жениться. Ты уже вполне, так сказать...

– Половозрелая особь, тётушка, половозрелая!

– Фу, Аполлон, фу! Я говорю дело. Пойдут детки – и сразу всё встанет на свои места.

– Что ты! Чур меня! Ты что, забыла? Я же пробовал! И вообще, любовь не только не картошка, а именно то стихийное яблоко, которое поранило лысину Ньютону. Ну а я...

Ей-богу, лучше в дым напиться,
Чем в молодых годах жениться!
Подумай только, что в жене
Хорошего? Уж при луне
С ней прятаться в садах не будешь,
Побед любовных вкус забудешь,
И говорить о них не смей
Ревнивой стражнице своей.
И днём и ночью твой покой
Нарушен хитрою пилой,
Что ранит очень постепенно,
Но к сроку сточит непременно
Мужское “Я” твоё, как дуб
На землю валит червя зуб.
И о бюджете разговоры
В твоём мозгу просверлят норы
И все былые кутежи
Там не оставят и межи.
А как начнут плодиться дети,
Так тотчас радости все эти
Семейной жизни в сотни раз

Умножатся. Печальных глаз
Тогда не оторвёшь от быта.
И будет молодость забыта,
И будешь, как прекрасный сон,
Ты вспоминать свой юный звон...
Нет, камня пусть ударит град,
Чем этот жуткий дантов ад!
Нет, петля лучше тигры злой,
Что называется – женой!

– Боже мой! – воскликнула тётушка.

– Да, тётушка. С эмансипацией и феминизацией перегнули палку. Забыли, что мужчина биологически ориентирован на цель и победу, а женщина – на стабилизацию и гармонию. Женщина, у которой одна из основных божьих программ – жертвенность и охрана семейного очага, должна многим жертвовать во имя гармонии и продолжения рода человеческого. В том числе, конечно, и взбрыкивая иногда и как бы ускользя, дабы азарт и восторг удачливого охотника в мужике не угасал. Но именно – как бы! А главное всё-таки – кормить и хвалить, кормить и хвалить!

– И быть всегда готовой к любви! – добавила тётушка.

– Ну, без этого вообще не о чём говорить! Кривой, косою, горбатый, безногий, большой, маленький, худой как щепка и толстый как бочка, бедный, богатый, удачливый и не очень – мужчина всегда должен чувствовать себя дома солнцем и главой. Вот как ты это делаешь. Ты хоть и подначиваешь Соломона, но всё время чувствуется, что в семье он – король, император и президент. Женщина – то окружение, которое делает либо короля и мужчину, либо раба и тряпку. И прежде всего – для самой себя! Или подвигает на подвиги, или загоняет в бутылку. Понимаешь, сначала задавят мужика, а потом его же и обвиняют в том, что он не мужчина. И плохо ведь самой бабе без стороннего мужского характера. Плохо! На том же биологическом уровне плохо. Скучно, в конце концов. Нельзя солнцу быть луной, а луне – солнцем!

– Бедный мальчик... – тётушка бережно поправила слегка растрепавшиеся джунгли роскошной шевелюры племянника.

Дверь веранды хлопнула.

Тётушка и племянник вздрогнули.

На пороге стоял дядюшка.

Глаза у него были круглые.

«ЗОЛОТАЯ» МОЛОДЁЖЬ

Жена ответственного работника уронила в унитаз бриллиант, и уже четвёртые сутки по всему дому грохотали очумелые сантехники.

– Не там ищите, дяденьки! – замечал каждое утро малец, сопровождаемый молодой мамочкой в садик. – Надо за голодом искать. В очистных союжениях!

– Не учи учёного! – мрачно парировал уже нетрезвый предводитель команчей и блудливо фиксировал свой помутневший стереоскоп на мамаше.

Видимо, устами младенца и на этот раз глаголила истина, так как бриллиант как в воду канул. Зато из подвала появился на свет разбуженный канализационной канонадой отпрыск потерпевшей. По его виду сразу было ясно, что очередная дружеская попойка опять не пошла впрок.

– Одно добро сплыло, другое всплыло! – с трудом уняв тошноту, заметила соседка.

Встряхнувшись, как пёс после купания, отпрыск прищурился и стрельнул в чистое голубое небо огненным глазом. Мелко задрожав от восторга, а может быть, и похмелья, он хрипло загундосил: «А русалка – вот дела! – честь недолго берегла и однажды, как смогла, родила!..”.

В тесном кругу тёплой компашечки ему был уважительно присвоен весьма козырный псевдоним – Бес, и поэтому всю свою сегодняшнюю жизнь он посвятил героическому оправданию столь высокого звания.

Итак, отпрыск одного из самых верхних звеньев партийных функционеров, закатив глаза и неритмично дёргаясь, самозабвенно пел.

То ли услышав, то ли уловив шестым чувством призыв родной крови из-за угла дома не замедлила появиться слегка растрёпанная наследница известного и очень уважаемого и в тех.., и в этих.. и прочих определённых кругах бандита-торгаша.

Полукриминальное дворянство и абсолютно криминальное купечество встретились!

Взаимопонимание было полное!

– Тебя ищет милиция! Ходят слухи, что ты опять проломил черепок какому-то студенту.

– Довысказывался... Интеллигент! – Бес презрительно сплюнул. – Ему, понимаешь ли, наше правительство не по вкусу пришлось. Ну, стукнул слегка... Дис-с-сиденты, мать твою!..

Судя по высказываниям, Бес был ярким патриотом существующего порядка. Его жизнь ему нравилась, и он крутил её на всю катушку. Иногда, правда, неожиданно для окружающих этот орёл начинал истерически плакать и одновременно хохотать, понося всех и вся и даже самого себя последними словами, но это почти всегда приписывалось излишне выпитому и странному, почти болезненному, увлечению философской литературой.

– Хлюпик-то отдал богу душу! – продолжила русалка.

Ни один мускул не дрогнул на помятой подушке физиономии Беса.

– А!.. Врачебная ошибка. Да туда ему и дорога! У нас таким не место. Треплют языками, треплют, а сало русское едят!

Последнюю фразу Бес взял не из Толстого или Бердяева. Это была любимая поговорка его далеко не русских предков.

– Ну, ты даёшь! – гордо восхитилось дитя торгового магната. – Но слюняй-то... Как ни крути – мокруха!

– Ерунда! Родаки (родители) высушат! Да и причём тут я, если медицина у нас отпадная? – уверенно успокоил «настоящий парень» и плотоядно почесал под ложечкой. – Пора вделять! Как с тугриками?

– Хоккей! – стандартно отреагировала подруга и шмякнула по сумочке одутловатой лапкой с брызгами крупных бриллиантов.

– Ну, поехали!..

Бес ещё раз, но уже с удовольствием, сплюнул и, приклеив свой верхний левый манипулятор к бедру торговой русалки, завихлял на опохмелку и кормёжку.

В отличие от Беса, Камиль не принадлежал к привилегированному сословию, а был потомком пролетариев умственного труда. Тут всё было проще, но опять же не без некоторой доли определённой философии. Протрудившись какую-то часть жизни на заводе слесарем и заочно осилив юрфак, глава семьи занимал одну из ключевых должностей в местной прокуратуре. Прекрасная же половина главы была воспитанницей детдома. Благодаря тоже упорному труду и полуголодному существованию она реализовала свою мечту и, закончив институт и аспирантуру, получила кандидатскую степень.

Теперь прекрасная половина преподавала в университете и, как все хорошие люди, была «козлом отпущения» на партийной и общественной работе.

И всю жизнь, находясь на пределе душевных и физических сил, изнурённые непрекращающейся и засасывающей всё больше и больше борьбой за престижное место под луной, родители искали в своём дитя реализацию всех своих неутолённых желаний и потребностей.

Результат сказался...

Сейчас их отрок сидел на голубом пуфике перед трельяжем и маникюрным пинцетом выщипывал брови. Испытывая не совсем приятные ощущения, но от скуки просто валяя дурака, он вполне музыкально цедил сквозь стиснутые в волевом напряжении зубы: «Кому это надо? Никому не надо!». За его спиной уже с минуту нетерпеливо переминался с ноги на ногу Марат – сотоварищ по классу. В руках он держал кассетный магнитофон.

– Дай-ка! – Камиль на секунду оторвался от своего косметического священнодействия.

Включив магнитофон и молитвенно поколыхавшись в религиозном трансе, он с чувством высек пальцами искру удовлетворения:

– Класс! Наконец-то что-то стоящее!

Из магнитофона стереофонически жирно вываливалась занудливая музыкальная каша...

В отличие от Камиля, Марат был овцой, по территориальным обстоятельствам прибившейся к чужому стаду. И начиналось это даже не со школы, а с того, что он жил в одном доме с Камилем.

– Ты чего это? – наконец не выдержал он.

– Не видишь, что ли? Бровки выщипываю... чтобы быть похожим на Мону Лизу!

– Чего-о?

– Ни чего-о, а на неё! А может быть, и на него! Никто этого не знает.

– Чушь!

– Наивняк! – усмехнулся Камиль и, отложив магнитофон, опять взял пинцет и вытянул шею, выбирая очередной объект для удаления. – Знаешь, что ответил Микеланджело, когда его спросили, как он творит свои шедевры? Он ответил: «Я беру камень и отсекаю от него лишнее. Получается скульптура». Вот ты от себя что отсечёшь для шедевра?

– Не знаю... Крайняя плоть уже ...

– Вот именно!

Выдрав пару волосков, Камиль завертел головой и закосил глазами, любясь на то, что получилось.

– Ну, как бровки?

– Слишком тонкие... Не мужские какие-то...

– Не тонкие, а элегантные. Как дела с импортными пластами?

– Боб обещал дней через десять достать.

– Боб не набоб, набоб не Боб. Трепло твой Боб! С тех пор, как он наколол меня с джинсами, я ему ни в грош не верю. Маг я твой забираю.

– Только через три дня чтоб вернул!

– Верну, верну! Не беспокойся! Перепишу и верну! Камиль развернулся и окатил Марата презрением: – И что это ты такой, какой-то серый-серый?

Корешам не доверяешь, костюм носишь немодный, за собой не следишь. Еще подумают, что ты мой друг!

– А что, не достоин? – голос Марата дрогнул.

– Конечно! Ты посмотри на меня! Джинсы – «супера», батник – японский. Дублёнка – и та французская. Скажи предкам – пусть приоденут, а то ходишь, как петух общипанный. Смотреть противно...

Лицо Марата пошло красными пятнами. Его уже пожилые родители работали в симфоническом оркестре и большими доходами не обладали.

– Ты... ты... ты... Барахло импортное натянул, морду начистил – уже пуп?..

Марата бил озноб.

– Чего-о? Да бери свое транзисторное дерьмо и проваливай! Ишь какой нежный! Барышня кисейная в мешковине. О твоей же пользе пекусь, дурило!

– Сам ты... О тройках пекись!..

Схватив транзистор, Марат направился к двери.

– Ой, не могу! Ха-ха-ха-ха! – Камиль нарочито захрюкал. – Букварь в стоптанных корочках! Да тройка, она же – птица! Птица! Понимаешь?

– Летай – летай!.. Мона Лиза!..

Входная дверь захлопнулась.

Камиль развернулся лицом к трельяжу.

– И что он взъерепенился?.. А бровки-то надо подровнять...

Пинцет щёлкнул, и из-за сосредоточенно стиснутых зубов снова донёлся стон столетнего шлягера...

Ущипнув себя за веко, Камиль понял, что утомился и пора переключаться. Перейдя в залу, он сразу же направился к своему расчехлённому универсальному стереофоническому орудию труда. Воронёный блеск импортного диска был нестерпим, и, нажав кнопку, творец вывернул регулятор громкости до отказа. Акустический удар в шесть сейсмических баллов и бог знает сколько децибел тут же перекарёжил этаж дома по горизонтали. Впрочем, и по вертикали тоже. Это по ощущению, граждане, а не по показателям приборов!

После первого толчка откуда-то из вечного холода и тьмы появился приближающийся с космической скоростью скрежет и истерические взвигивания очередной полупридушенной эстрадной бабочки-однодневки, а Камиль начал раскачиваться и упоённо подвывать, стараясь скопировать солиста или солистку. По голосу определить пол было невозможно.

– Оу-оу-оу! А! А! А! Оу-оу-оу! Ха... Оу-оуоу! А! А! А! Оу-оу-оу! Ха!..

В правую стенку комнаты начали стучать.

– А-а! Божий одуванчик!

Убрав громкость и продолжая конвульсивно подёргиваться, меломан заорал в правую стенку:

– Ну, чего стучишь? Могу я отдохнуть после школы или нет? Сам целыми днями из угла в угол шатается! Печень у него, понимаешь ли, больная – пенсионер несчастный! Рачок, понимаешь ли! Я, может быть, тоже больной, только пока этого не чувствую!

Стучать стали в левую стенку.

– Ну вот, ещё и эта кикимора подключилась.

Она-то откуда дома? Неужели её сопляк опять заангинил? И что за младенцы пошли дохлые – чуть что, и зашмыгали, и зашмыгали?..

Стук в правую стенку прекратился, зато левая начала вздрагивать от пинков.

– Да что ты пинаешься, дура! – еще сильнее заорал меломан. – Туфли разобьёшь! Обои отклеются!..

В правую стенку опять замолотили.

– И этот старый пень опять подключился. Квадрофонический эффект создают, болезные. А ну как мы их децибелами! Децибелами! А?

Камиль опять дал полное «форте» и, дико прыгая по комнате, торжествующе закричал:

– Ага-а! Получили-и! Вот вам!.. Жалуйтесь на меня в домоуправление! Пишите в милицию! Валяйте!..

Стук прекратился.

– Отпал один! А тут что?...

Камиль припал ухом к левой стене.

– Орёт сопляк вовсю... Ори, младенец, ори! Развивай лёгкие!..

Услышать телефонный звонок в этом аду было невозможно, но Камиль услышал:

– Это Боб! Боб, наверное!.. Аллэ! Аллэ! Говорите громче!.. Ой, это маман...

Резким рывком стереокомбайн был выключен.

– Аллэ!.. Да-да, теперь слышно... Почему такой шум был? Да так... музыку крутил... За хлебом? Нет, не ходил... По-моему, у нас ещё старого навалом... Нет? Мам, зайди сама в булочную – мне некогда. Я ещё уроки не сделал, а нам сейчас знаешь как много задают. Десятый класс, как-никак... Музыка мешает? Да ты что? Она способствует! Вам песня строить – нам жить помогает!.. Что? К деду больному съездить? Да ты же у него вчера была. Меня хочет видеть? А чего на меня смотреть – у него же фотографий моих навалом... Я чёрствый? Да ты что, маман? Я увлекающийся... Ну, ладно, ладно, зайду...

Камиль с досадой стукнул телефонной трубкой. – Надо же было ей позвонить – весь аппетит отшибла. И чего этому деду одному не сидится?.. Или нет, он уже, кажется, третий день с постели не встает... Надо же было так не вовремя слечь! Раз в году такие диски попались – и вот... А тут ещё эта чёртова учеба... У кого бы сдать математику и физику? У Кольки нельзя... У Вадьки... тоже не даст... Во, позвоню Маратке!

Камиль начал набирать номер телефона и, не набрав, нажал на рычаг.

– Нет! Этот тоже на меня обиделся... А что я ему, дураку, сказал?.. Надо бы с ним помириться, а то не миновать «банана» по матеше...

И Камиль набрал номер до конца.

– Аллэ! Мара? Это Камиль... Чего это не хочешь со мной разговаривать? Да подожди ты трубку вешать! Подожди, говорю! Я извиняюсь! Как это – нет прощения? Ты что, Фенимора Купера читаешь?.. Нет? Ну, тогда забегай ко мне, здесь поговорим, а то это не телефонный разговор... Ага... Ага... Извиняюсь я, извиняюсь!.. Ну, вот и хорошо. Пока!

Весело замурыкав, Камиль мягко вписал трубку в телефонный аппарат.

– Пусть только придёт, а здесь я его мигом обработаю! А к вечеру ресторанчик, Бес с козырными девочками!.. Человек, слава богу, слаб!

Восторженно потеряв руки, меломан ударил по куркам и затворам своего стереокомбайна и, извиваясь и дергаясь, снова громко и пронзительно загнусавил:

– Оу-оу-оу! А! А! А! Оу-оу-о! Ха! Оу-оу!..

Правая и левая стенки домашней дискотеки опять завибрировали от отчаянных стуков, что вызвало очередной торжествующий вопль индейца, вышедшего на тропу войны:

– Проснулись, травоядные! А мы вас децибелами! Децибелами!..

Регулятор громкости снова был выкручен до отказа.

– Валяйте! Стучите! Я вас научу любить современную музыку!..

Люди объединяются по интересам, и в этом есть свой железный смысл. За несколько минут до закрытия ресторана несколько смазливеньких «ласточек», Боб, Камиль и примкнувший к ним изрядно подпоенный Марат окружили Беса повышенным вниманием и заботой. Наперебой улаживая слух кумира дифирамбами и панегириками, они так старались, что душа преисподней широко распахнулась и обнажила свои недюженные способности и возможности. Отдавлив в сторону криво улыбающегося швейцара, Бес овладел служебным телефоном и, бурно посовещавшись со своими высокопоставленными предками, стандартно щёлкнул пальцами:

– Хоккей, дети мои! Катим на дачу! Фрахтуй две тачки, Боб!

Восторженно взбрыкнув своими лакированными копытцами, Боб нечленораздельно вскрикнул и ускакал ловить такси, а оставшиеся вассалы дружно испустили благодарный стон высшей степени обожания.

Если вы обладаете даже минимальной наблюдательностью, то без труда заметите, что в этом, весьма тесном, мире не счесть роковых совпадений и фатальных закономерностей. Обладая же наблюдательностью и дедуктивно-логическим мышлением Шерлока Холмса, можно даже прийти к почти религиозным выводам, определяя мир как тщательно запланированный и саморегулирующийся.

Непознанная закономерность случая и на это раз сработала чётко. Две плотно набитые легковушки, нервно тикая счётчиками, мчались именно на ту дачу, где на пороге стоял растерянный Соломон и невнятно мямлил что-то о необходимости срочного размещения иностранной молодёжной делегации и соответствующей собственной эвакуации.

– Народу всё ясно! Тут всё вокруг колхозное, тут все вокруг моё! – сказал Аполлон и, широко распахнув руки, торжественно пошёл переодеваться.

Странная процессия прошествовала минут через десять по залитым лунным светом аллеям. Впереди, перекинув через плечо роскошный махровый тётушкин подарок и держа в каждой руке по огромной кошёлке с продуктовым дефицитным содержимым, медленно ступал Аполлон. За ним семенил дядюшка, а за дядюшкой – тётушка. Дядюшка ёжился, а тётушка нежно прижимала к груди букет племянника и романтично косила глазом на луну.

Процессия миновала бетонное бункерное ограждение и вышла на шоссе.

– Изгнание из рая состоялось! Будем голосовать за кипение в гуще! – объявил Аполлон и шлёпнул кошелки на ещё не остывший асфальт.

Где-то внизу грохотала речушка и пахло целебными травами.

Природа отдыхала...

Свет фар ударил неожиданно.

Три руки дружно взметнулись к небу.

Сто восемьдесят по совокупности лошадиных сил с шахматными тавро резко затормозили, и визги тормозов и пассажиров слились в один салютующий какофонический аккорд.

Дверцы такси распахнулись, и из машин, тоже с сумками, полезли бледные тени «бесовской» свиты.

Сам предводитель, уже слегка поцарапанный, но в пьяном угаре не замечающий этого, вылез последним.

Матерно выругавшись, он подмял наманикюренное крылышко одной из «ласточек» и, страшно сопя, первым пересёк бункерную ограду.

– По-русски шпрехает иностранец-то! – весело заметил Аполлон, запихивая сумки в багажник такси.

– «Золотая» молодёжь! – с ненавистью откликнулся шофер и, сплюнув в сторону дачи, резко крутанул ручку таксометра.

Дядюшка сидел бледный и всю дорогу молчал...

НЕУГОМОННЫЙ ЭСКУЛАП

Утро было свежо и очаровательно!

По аллее шёл Аполлон.

В его одежде удачно сочетались изделия из натуральной кожи, батиста, вельвета и замши.

Всё было не крикливо, но подчёркнуто элегантно.

Аллея закончилась довольно быстро и одновременно со щитами рекламы бог весть когда шедших на экранах кинотеатров города фильмов, и перед героем вырос аккуратный и чистый фасад Дома культуры авторемонтного объединения. Здание примыкало к головному предприятию завода, но вход был отдельный и свободный. По бокам двери стояли на задних лапках две урны, выполненные в виде пингвинов. Их широко раскрытые клювы свидетельствовали о том, что здесь действительно, в санитарном отношении был полный антарктический марафет.

Поправив воротничок рубашки, Аполлон тронул отшлифованную народными притязаниями деревянную ручку двери.

На первом этаже в сине-зелёной прохладе вестибюля дремала старушка.

На втором этаже в кабинете директора сидел весьма пожилой смуглый сутулый мужчина с орлиным профилем, карими глазами, чёрными бровями и абсолютно белой головой. Погрузив пальцы обеих рук в дебри благородной седины, он, страдальчески морщась, рассматривал залапанную книгу приказов.

Войдя в кабинет и представившись, Аполлон положил на стол кипу документов и удивлённо заметил, что ещё вчера на этом же месте сидел товарищ помоложе. Старец согласно кивнул и, просмотрев предъявленные документы, поднял покрасневшие сосредоточенные глаза.

– Ну что ж... Ваше образование и послужной список – соответствуют! – сказал он. – Но культмассовый сектор при таком наборе – чистое расточительство. – Я предлагаю вам должность директора этого коллапсирующего очага культуры. Кстати, таково и мнение вашего предшественника.

– А... кто вы?

– Я дух этого учреждения! Что-то вроде внештатного исполняющего обязанности директора.

Старец вышел из-за стола и приглашающе простёр руки к ещё тёплому стулу:

– Прошу! Да вы не стесняйтесь! Это не бог весть какая высокая должность, не бог весть какой материальной ответственности и оплаты. А если что не так, так у нас же всё спишут. Страна жутко богатая. Жутко! А я не администратор – я врач.

– Врач?

Аполлону стало весело.

Старец ему нравился.

– Врач, врач! И зовут меня Наумом Аркадьевичем. А вас, если не ошибаюсь...

– Аполлон! А в честь солидарности с польской “Солидарностью” и для друзей – Поль.

– Да-да. Верно. Прекрасное имя! Да и “Аполлон” – “Союз” – это не только настоящее, но и будущее.

– Дай-то Бог!..

– Да-а... Такое имя требует определённого уровня. Большие заявки – большой спрос. А это любят немногие...

– Каждому – своё!

– А лучшее – всем! Я совершенно серьёзно предлагаю вам пост директора. Где надо – утвердим, что надо – напишем... Такой разносторонний специалист, с таким разноплановым стажем – это же божий подарок! Простите за идиотский вопрос – вы, случайно, может быть, ещё и партийный?

– Чего нет – того нет! – Аполлон красноречиво развел руками.

– Мда-а... Это усложняет...

Веселье нарастало...

Наум Аркаевич был личностью незаурядной. В разговоре с собеседником, внушающим доверие, он представлялся не иначе как беспартийной сволочью, видимо не исключая того, что попадаются ещё и партийные. Конечно же, сволочью он не был, а был по характеру и жизненной позиции Дон-Кихотом, а по профессии врачом. Больные уважали его за то, что он делал их здоровыми, а здоровые – за то, что он не делал их больными.

Надо сказать, что живых Дон-Кихотов не любили, не любят и, видимо, никогда не будут любить власть имущие, благополучные и бескрылые. Как смеялись они над ними, так и продолжают смеяться. А если смех не помогает, то их просто выдёргивают, как вылезший гвоздь из каблука, и швыряют в придорожную жизненную грязь, предоставив полную свободу для окисления.

Биография Дон-Кихота-доктора, так же, как и биография его литературного коллеги Ламанчского, была сложна, необычайна, полна мытарств и треволнений, падений и подъёмов.

Однако в данном случае результат не был трагичен. По крайней мере – пока! Доктор закалился, обрёл бойцовские качества, умел постоять за себя, и за других и, главное, научился побеждать.

Перед самой пенсией он осуществил вечную мечту странников поневоле: купил крохотный саманный домишко с садиком, построил огромную беседку, повесил в ней гамак и бросил свой трудовой якорь в медпункте авторемонтного завода, а в настоящем – объединения. Вот уже более двадцати лет доктор крепко держал здоровье заводчан в своих опытных добрых теплых ладонях, и когда считал нужным, группировал их в кулаки и бил по бюрократическим столам, без спросу повышая голос и совершенно не взирая на лица. В результате этого досрочно был построен профилакторий и роскошный физиотерапевтический

комплекс с лучшим отечественным и импортным оборудованием и заметно уменьшился поток больничных листов. Вся администрация объединения, включая инженерно-технический персонал и самого генерального директора, лечились только у Наума Аркадьевича и называя его профессором, а также главным звеном своего жизнеобеспечения, берегли доктора, терпя все его причуды.

Не хватало терпения только парторгу. В противоположность доктору, он был тучным грубоватым мужчиной с круглой, как глобус, бритой блестящей головой и отменным здоровьем. Практически парторг никогда ничем не болел, и хотя являлся, в сущности, неплохим мужиком, но доктора не понимал и никак не воспринимал. Первый же «фокус», который отчебучил эскулап, привёл его в полное замешательство. Сделав свои профессиональные дела и имея свободное время, доктор решил не на словах, а на деле совместить умственный труд с физическим. Надев спецовку, он встал у станка. Станок был, что называется, «револьверным». Нужно было только вовремя поворачивать ручку и ещё там чего-то – и деталь была готова. Казалось бы, что особенного? Но так как за станком трудился беспартийный врач, не освобождённый от своих прямых обязанностей, и не репрессированный, а доброволец, то своим шестым политическим чувством, строго лимитированным установками и циркулярами сверху, парторг воспринял это как вызов. Сам Семен Васильевич (так звали парторга) был «освобождённый» и, давно позабыв о своей основной профессии, с нетерпением ждал пенсии.

Вызывать доктора в кабинет он не стал, не без оснований подозревая, что тот может просто не прийти.

Семен Васильевич направился прямо к станку.

Перекрывая шум цеха, он раздражённо прокричал доктору в ухо:

– Ты эти свои левацкие замашки брось! Не коли глаза рабочим! Слышишь, что я тебе говорю: не коли!..

При сравнительно не очень большой возрастной разнице, да ещё и в данной ситуации, парторг считал нецелесообразным обращаться на «вы».

– Рабочим? – доктор повернул ручку и ещё там чего-то, и готовая деталь бодро выскочила из станка. – Изыдь! Мешаешь! Да изыдь ты, наконец!..

Эскулап тоже считал нецелесообразным отвечать на грубость вежливостью. Он ещё раз повернул ручку и ещё там чего-то, и ещё одна деталь выскочила.

Парторг явно не привык к такому бесцеремонному обращению.

Его затрясло.

И довольно сильно!

Доктор даже глазом не моргнул.

Он продолжал вкалывать...

Поняв, что аудиенция окончена и делать ему тут больше нечего, Семён Васильевич мутно повёл плохо видящим взором по цеху и, натыкаясь на станки и детали, направился прямо в кабинет генерального директора.

В этот день у него ничего не получилось.

Не получилось ничего и на другой день.

Но, как известно, капля камень долбит. А так как капля в данном случае была довольно весомая, то Семёну Васильевичу всё-таки удалось со временем, используя целую сеть административных и прочих санкций, оторвать эскулапа от станка.

Однако с тех пор покоя он лишился напрочь! И когда доктор решил провести очередной эксперимент с разделением зарплаты поровну между высшим и низшим персоналом, Семён Васильевич засел за личное дело Наума Аркадьевича, предоставив ему на некоторое время свободно и весьма успешно проводить свою внутриведомственную агитацию и пропаганду.

Дело было пухлое и основательно запутанное, как хорошо слепленный детективный роман. Особенно великолепно была трудовая книжка, превратившаяся благодаря многим вкладышам из тоненькой брошюрки в толстый томик, напоминающий карманную библию. Целую неделю Семён Васильевич изучал это чудо и думал, думал...

Озарение посетило ночью. Вскочив с кровати и прохрипев «эврика!», парторг радостно рассмеялся. Тот клапан, через который должен был вылетать пар творческой неуёмности доктора, был найден. Несколько записей в трудовом томике свидетельствовали, что доктор в какой-то отрезок своей жизни прерывал врачебную практику и не только руководил театральной самодеятельностью, но и работал в качестве актёра на сцене одного из крупнейших столичных театров.

Какие только таланты не обнаруживают человеки в экстремальных ситуациях, а также при личной кровной заинтересованности! В данном случае, в интересах стратегии, Семён Васильевич действовал только через подставных лиц и проявил такую кипучую энергию, которой хватило бы на организацию государственного переворота. В результате очень удачно был похоронен эксперимент доктора с зарплатой, а сам эскулап по уши увяз в бездонной трясине проблем культурной жизни заводчан. Тем более, что Семён Васильевич апеллировал к их сильно пошатнувшемуся духовному и нравственному здоровью, что, как известно, чревато и для физического.

Совершив свой очередной партийный подвиг, Семён Васильевич, с чувством глубокого удовлетворения, вернулся к примерно такого же плана делам, циклично и ритмично запланированным на всю оставшуюся до пенсии жизнь...

Завод же предоставил своему любимому эскулапу неограниченные полномочия в организации клубного дела, и доктор начал с того, что потребовал увольнения почти всех работников, вплоть до директора. Процесс был болезненный, с рядом безобразных склок, но другого пути Наум Аркадьевич не видел. Он был глубоко убежден в том, что любое дело

решают кадры и только кадры, и что каждый человек незаменим только в том случае, если он на своём месте. Поэтому доктор искал таланты, а, приняв на работу что-то похожее и убедившись, что это действительно так, тут же добивался их увольнения, так как эрзац и имитацию не переносил органически. Близоруко вглядываясь в дефицитное облачение Аполлона, Наум Аркадьевич и сейчас тоскливо думал о том, что, возможно, через месяц придётся увольнять и этого.

Однако улыбка обладателя престижного барахла была без претензий и это несколько успокаивало.

– Мда-а... – протянул ещё раз Наум Аркадьевич и, пройдя за стол, опять сел в директорское кресло.

– Да вы не расстраивайтесь! – сказал Аполлон. – Мне контора противопоказана. Мне бы в гущу! В массы! И вообще, труд для меня сегодня – арена самопознания, а не самовыпячивания!

– Ну и чудненько! – Наум Аркадьевич от удовольствия даже порозовел. – Занимайте должность – и полная свобода! Всё на ваше усмотрение! Кстати, должность предоставляет для этого самые широкие возможности. А всякие там бумажки-промокашки... Как-нибудь осилим... Да не отмахивайтесь – это нужно для дела. У меня от этих назначаемых директоров уже в глазах рябит. Только палки в колёса вставляют...

Дверь кабинета отворилась, и в помещение, не обращая никакого внимания на присутствующих, проник бледный худой юноша в помятой рубашке и таких же брюках. Всклокоченная причёска и подозрительно горящие глаза завершали картину первого впечатления, свидетельствуя о том, что в данной голове не всё в должном порядке...

Юноша подошёл к столу и бесцеремонно начал копаться в бумагах.

– Опять рукопись потерял? – доктор зазвенел ключами, открывая сейф.

– Да где-то здесь...

– На! И не бросай где попало! – доктор вынул из сейфа папку и протянул её юноше. – Кстати, познакомься – наш новый директор!

– Ещё один... – вздохнул юноша и протянул ладонь. – Гений! Я – гений!

– Я – тоже! – улыбнулся Аполлон.

– Иронизируете? А жаль. Улыбка у вас хорошая, – сказал юноша и неожиданно тоже улыбнулся.

– У вас тоже, – ответил Аполлон и не соврал: улыбка бледного юноши была светлая.

Минутой позже он узнал, что зовут его Федей, и он занимает должность художественного руководителя Дома культуры.

ГЕНИЙ

Так как гений, несомненно, понятие историческое, приобретающее свой истинно материальный вес далеко после физической смерти индивида, то будем считать название этого эпизода условным.

Есть категория людей, которые всегда чего-нибудь боятся, так как страх у них врождённый, сформированный где-то в период образования индивидуальной ДНК. Ещё не родившись и даже не предполагая, что это должно скоро случиться, они, сами того не зная, каждой клеточкой боятся, что не родятся.

Появившись же на свет, боятся, что не выживут. Когда выжили и уже начали кое-что соображать, вполне осознанно начинают бояться, что не доживут.

Когда дожили – что не сживутся.

Когда сжились – что не переживут.

Когда пережили – что вовремя не умрут.

Когда умерли...

Тут нам уже не дано знать, чего эти бедняги ещё продолжают бояться, хотя, опираясь на религии и собственное воображение и интуицию, предполагать можно многое.

И всё-таки если выстроить в одну шеренгу сто таких органических трусов, то можно и среди них найти одного, а может быть, и двух, способных совершить даже от того же испуга храбрый поступок. А если собрать в кучу тысячу трусов, то в этой толпе может обнаружиться и чужеродное тело смелого по природе и воспитанию зеваки, выясняющего причину скопления в одном месте такого большого количества трясущихся особей.

Так вот Федя был смелым человеком – он писал и говорил правду!

Естественно, что его никогда и нигде не печатали и всерьёз не воспринимали.

Это совсем не значит, что те, кого печатали, лгали. Просто их правда особенно глаз не колола и, обходя рифы социальных и природных закономерностей, шибко не тревожила. Даже профессиональные сатирики не решались поднять глаза вверх, против течения – к истокам, и смотрели лишь вниз – по течению, указывая на уже образовавшиеся заторы, а не на места, откуда несло мусор. Следствием этого было то, что не успевали благодарные труженики ликвидировать один затор, как тут же образовывался новый, и зачастую – в совершенно непредвиденном месте.

Сизифов труд народа благ стране не прибавлял, и некоторые литературные угодники чувствовали от этого дискомфорт. Неудобно становилось таскать на себе скафандр позорных связей и унижительного попрошайничества. На какие-то мгновения разум отключался и чего только не звучало... К их счастью, это случалось нечасто и в основном в кругу семьи. Да и то с оглядкой на жену, которая вполне могла оказаться стукачкой. Среди богемы ходили чёрные истории о спрятанных в холодильниках магнитофонах и вызовах на собеседование в КГБ.

Федя же всегда плыл и смотрел против течения, то есть вверх, и не понимал, почему выше министров ошибающиеся или бездарные смертные прижизненной гласной критике не подлежат. Сейчас он шёл вместе с Аполлоном по улице Космонавтов. Новоиспечённый директор с удовольствием вдыхал свежий, ещё не загазованный автомобилями кислород раннего утра и выдыхал не менее свежий СО₂, а художественный руководитель размахивал руками и, сильно сутулясь, что-то горячо доказывал. Он двигался наскоками и толчками, умудряясь при этом быть всё время рядом. На его буйной голове красовалась роскошная фетровая шляпа со старомодными широкими полями.

Миновав первую клиническую больницу и прямо за ней расположенный центральный городской морг, коллеги слышали нарастающий рокот человеческой говорильни и тут же попали в толпу снующих, стоящих и сидящих в пыльной придорожной азиатской траве размякших граждан с кружками в руках и бутылками водки за пазухой. Невесть каким доблестным поборником плана прямо к забору морга была прилеплена пивнушка с красноречивой надписью «Прохладительные напитки». Тут постоянно имелось свежее пиво и стабильный контингент клиентуры.

– Федя, уйми на минутку свой фонтан. Перед нами достопримечательность города! Мечта покойника – питейное заведение «У морга»! Заглянем? – неожиданно сказал Аполлон и, не дожидаясь ответа, врезался в толпу.

– Куда, куда, здесь очередь! – загудела потревоженная хмельная братия.

– Народный контроль, граждане, народный контроль! А ну, пропусти! Я тебе говорю, дядя, а не председателю месткома местной покойницей! Ну?.. А тебе, папаша, уже хватит. Да не падай, не падай, папаша! Держись! Твой час ещё не пробил!

Аполлон придал устойчивое положение запойному пожилому отцу семейства с безвольной улыбкой и двумя намертво вмурованными в узловатые пальцы кружками.

У самого окошка стоял мальчик лет двенадцати. В каждой руке он держал по пустому пятилитровому бидону.

– Отец, слышишь, рубит, а я отвожу? Так, малец?

– Чё-ё? – малец агрессивно выдвинул своё пролетарское плечико.

– Ничё!

– Чё-ё?

Малец начал наскокивать.

– Капчѐ! Свидание окончено! – Аполлон мягко отеснил пружинно сопротивляющегося подростка и просунул голову в пивной загашник. – Бонжур, камарад! Пару кружек – и живо!

Камарад – нахальный молодой брюнет с волосатыми руками – выпучил глаза:

– С Луны свалился, да? Нет кружек!

– Народный контроль, беби, народный контроль! Снятие сливок за счёт пенек при мне не состоится! Быстро наливай, быстро! Трудящимся ждать некогда – у них план!

Уверенность и чувство юмора клиента неожиданно были оценены и кружки появились и наполнились.

– Пей, щютник! – вытирая слѐзы смеха, сказал брюнет.

– Народный контроль, граждане, народный контроль! Дегустационный сеанс и гипноз пены!..

Толпа замороченно потеснилась и выдавила Аполлона, держащего в вытянутых руках два наполненных до краѐв запотевших сосуда.

– Принимай, Федя, и можешь продолжать фонтанировать!

Федя машинально отпил глоток и, по причине занятости правой руки, взмахнул левой:

– А чем фонтанировать-то? Бухгалтерша у нас хроническая алкоголичка. Заведующая костюмерным цехом – бездельница и убеждённая аферистка. А киномеханик – всё это вместе, да ещё и какой-то патологический бабник! Причѐм, несмотря на то, что одной ноги у него нет. Видимо, как-то компенсирует... Это, Поль, кадры, за характеристику которых я могу поручиться и уволить которых нет никакой возможности. Наум Аркадьевич – и тот махнул рукой. Он на Народных театрах уже вконец измучился. Вот там, кстати, люди новые, и их я ещё не знаю...

– Неприглядная живопись... – Аполлон с удовольствием втянул очередную порцию пива.

– Я не сгущаю краски – есть и хорошие люди.

– Ну-ну, интересно...

– Прежде всего – вахтѐр тѐтя Паша. Она же кассир, контролѐр, билетѐр и гардеробщик. Следующий – рабочий сцены Первутинский. Он же столяр, бутафор и мастер на все руки. И, наконец, руководитель кружка юных иллюзионистов, он же фотограф, он же эпилептик – Наум Миронович Веллер!

– Наум?

– Да. Тёзка Наума Аркадьевича. Его протеже... Совершенно замечательная личность! Но больной...

– Разнообразно живём, разнообразно. Да ты пей, пей, Федя!

Федя переложил кружку в левую руку, сделал ещё глоток и взмахнул правой рукой.

– А!.. Если бы хорошие люди погоду делали... А то одна погань с небес сыпется. Живя в этой атмосфере, я каждое утро просыпаясь, говорю себе, что я – дерьмо!

– И как? Помогает?

– А как же! Никаких иллюзий и разочарований. Чувствую себя на своем месте – в сортире жизни!..

– Пойдём, поэт, взорим, вспоём у мира в сером хламе!.. – Аполлон несколько картинно полуобнял Федю за плечи.

– Нет, правда, Польша, подумай только – меня называют инакомыслящим! Мне, видишь ли, не нравится социализм. Да нравится он мне, нравится! Так нравится, что голову готов положить. Только нет его! Нет – и всё тут! Ни развитого, ни никакого другого! Социальная защищённость каждого – это же мечта человечества! Дурят народ! Понимаешь, дурят! Военно-бюрократический централизм вместо социализма! Кому-то становится выгодно, чтобы одни и те же личности стояли у руля, и вот уже появляются изменения о сроках выборности. Да и вообще, что это за выборы? Кто кого выбирает? Мы их или они нас? Блефонация, Польша! Дешёвый спектакль! И главное, все всё видят, всё понимают и молчат! Молчат, как в танке! Одно только и слышно: «Ах, мяса не хватает! Ах, молока нет!». Потому и не хватает, что в головах не хватает! Все ленинские нормы извращены, исковерканы! Коммунисты превратились в позорнейшее безгласное канцелярское быдло! Знаешь, Польша, Рим погиб от разврата – партийный аппарат поражён им же!

Равнодушно пошатываясь и сосредоточенно-тоскливо выглядывая свободную кружечку, мимо Аполлона и Феди проплыл «серый пиджак».

– Немного тише, Феденька, мы здесь не одни, – ласково предупредил Аполлон.

– Ты меня не перебивай! – отмахнулся тот. – Я не крамолу говорю, а правду! Правильно говорит Наум Аркадьевич: “Если бы сейчас появился Ленин, то сразу бы объявили, что это самый настоящий диссидент и контра”. Надо бороться, Польша, надо бороться! Надо, чтобы народ диктовал им, а не они народу! А то или до ядерной катастрофы домолчимся, или до уже не социалистического, но всё того же звероскотинизма. До реставрации вонючейшей формы капитализма, феодализма или даже нацизма...

Федя с утра ещё ничего не ел, и на его худосочную комплекцию хватило одной кружки пива. Сделав последний глоток, он отдал пустую тару Аполлону и теперь размахивал обеими руками:

– Неужели ты думаешь, что если когда-то были такие угодники, как Ежов или Ягода, то теперь таких нет? Да сколько их – в нашем управленческом аппарате, а? И никакого контроля! Никакого!.. И может ли быть страшнее диверсия, чем организация экономического развала и хаоса? Америка сократила добычу нефти на своей территории, предпочитая выкачивать её у кого-то, а мы хвалимся, что больше всех добываем. Хорошо это или плохо? Плохо, потому как нефть на сегодняшний день – кровь экономики! И что смешно – бензина-то и горючего не хватает! Куда же всё девается? У-у! Гудит по нефтепроводам! Чем дальше, тем дружнее! А хлопок?.. Конечно, можно и людьми начать торговать, лишь бы в креслах удержаться!..

Последнюю фразу Федя почти прокричал, и из мирно жужжащей толпы сразу же, как чёртик, выскочил «серый пиджак». Теперь он не пошатывался и взгляд его был чрезвычайно трезвый.

Увидев это, Аполлон быстро поставил кружки на землю и, подхватив ничего не понимающего Федю под руку, сделал резкий рывок в сторону морга. Под прикрытием очень кстати выезжающего катафалка оба быстро пересекли улицу и, нырнув в переулок, исчезли из поля зрения.

”Пиджак” явно не ожидал такой прыти и сориентироваться не успел. Зло зыркнув вслед улепетнувшей прямо из-под носа добыче, он поднял кружки, понюхал их и внимательно просмотрел на свет. Видимо, не обнаружив ни цианистого калия, ни проявляющихся на солнце чернил, «пиджак» снова обмяк и, очень правдоподобно пошатываясь, вернулся на своё рабочее место.

– Ну, Феденька, может, ты и, действительно, гений, но есть вероятность, что об этом никто никогда не узнает! – Аполлон колыхал рубашкой, остужая разгорячённые тела. – Как ты до сих пор на свободе-то ходишь?

– А что случилось? Я же никакой крамолы не говорил? Я высказывал своё мнение!..

Федя был совершенно бледный и, шумно дыша, обмахивался шляпой.

– Может быть, я не прав? Может быть, заблуждаюсь? Так докажи! Докажи, пожалуйста! Ну?..

Аполлон молчал. Вид Феде красноречиво напоминал о хлебе насущном и вызывал голодные спазмы в желудке.

ВАМПИР

Перекусив в первой подвернувшейся точке общепита с почти ресторанными ценами и помойными блюдами, Аполлон и Федя, ужасно отрываясь и болезненно кривясь, направились к одному из центральных городских скверов. За памятником Владимиру Ильичу

Ленину, в кафе «Акку», что переводилось как «Белый лебедь», их ждал Наум Аркадьевич. Пододвинув каждому по розетке с мороженым, он снял очки, протёр их и весело прищурился:

– Ну что ж, друзья, поговорим о вампире Бахтубекове.

Федя поперхнулся и выпучил глаза...

Аполлон хлопнул его по спине и покачал головой.

Мир знал много воров с именем и оригинальными характерами. Например, «голубой воришка» Ильфа и Петрова, когда крал, краснел. Были воры и гораздо менее стыдливые, но всё-таки не потерявшие человеческого облика. А профессионализм некоторых даже вызывал восхищение. «Багдадский вор!» – звучит даже как-то гордо... Так вот, председатель профкома Бахтубеков был серостью, дрянью и вряд ли человеком. Фигура заурядная, но, как вошь, столь же неприятная и в лихие годы шибко уж плодящаяся. Крал он с детского садика, и столь великий стаж в этом виде деятельности породил не менее великий опыт, который опирался не на творческую изобретательность и избирательность, а на банальный хапальный рефлекс. И это была не болезнь, а ещё с детства сформировавшееся стойкое, противоположное коммунистическим байкам, мировоззрение: “Никому! Только себе!”. За пятьдесят пять лет жизни опыт Бахтубекова был настолько всеобъемлющ, что поймать его за руку было практически невозможно.

Крал Бахтубеков молча.

Улыбался редко и недобро.

Садистски посмеиваясь, он представлял себе, как наивные смешные граждане, живущие на одну зарплату и настоявшиеся после работы в очередях, лихорадочно перелистывают вечерами рассказы о Дзержинском и других великих с холодными умами, горячими сердцами и чистыми руками.

Люди всё ещё пытались верить в своё светлое будущее, и это действительно было смешно.

Надо сказать, что на этот смех у Бахтубекова были не только личные мотивы. Брат его, Ербол, работал в городском управлении внутренних дел в отделе БХСС в чине майора и, не обладая ни одним из вышеперечисленных качеств, считал себя уже живущим в коммунизме, то есть получал всё по потребностям. Являясь живым примером для сошек поменьше, он не упускал ни крупицы информации о себе подобных, занимающих гораздо более крупные ключевые посты в пределах республики. Мало того! Временами из сверхсекретных внутренних каналов просачивались и кое-какие сведения о великих хищниках – маяках внутреннего управленческого мира всесоюзной категории и масштаба. Тут уж, как говорится, чем выше был пост, тем больше возможностей и шире поле деятельности. Естественно, что Бахтубеков был в курсе нравственной погоды в верхах на сегодня и потому спал по ночам без вздрагиваний.

Когда Федя прокашлялся и смахнул слезу, Наум Аркадьевич надел очки и повторил:

– Поговорим о вампире Бахтубекове, друзья! О нашем профкоме! Хотел я этот разговор отложить для более подходящего случая, но человек предполагает, а Бог располагает: сегодня вечером я вылетаю за консультацией и протезированием в Киргизию к моему другу, а потом к сестре в Москву. У неё обнаружили опухоль.

Аполлон болезненно сморщился:

– Так опухоль же...

– Именно так, Поль! – прервал Наум Аркадьевич. – Именно опухоль, а «же» под вопросом. Ещё неизвестно, что было у твоей мамы вначале. Может быть, и саркома, а может быть, и что подоброкачественнее...

Аполлон вздрогнул и напряжился.

– Ну-ну... – доктор похлопал героя по колену. – Я это к тому, что сейчас наше здравоохранение – ой-ля-ля! Врачей штампуют, словно гайки. Причём со знаком качества на знаменитом мягком месте. Мыслители и исследователи не котируются. Человека никто не видит. Зачем думать и что-то уметь, когда кругом такая компьютеризация и механизация. Но мы отвлеклись от главного – от нашего врага номер один. Кровь двух наших Народных театров, как и кровь всех остальных коллективов, включая все массовые мероприятия, как минимум на одну четверть высасывает лично он. Я имею в виду дотации Облсовпрофа, завода и другие финансовые поступления.

– Ну, мне-то этого ты мог и не говорить, – хмыкнул Федя.

– Ничего-ничего. Послушаешь...

В отличие от парторга, тыканье Феде было не фамильярностью и хамством, а требованием самого эскулапа. Несмотря на чудовищную разницу в возрасте, они были друзья «не разлей вода!».

– Да, – продолжал доктор. – О крови, которую высасывает профком и его тёплая административная компашечка из самого завода, я сегодня распространяться не буду. Хотя можно было бы...

– Рассказать об исчезновении коленвалов, аккумуляторов, стартеров, радиаторов, карбюраторов, гаек, винтов, инструментов и даже постельного белья с печатями из заводского общежития! – перехватил Федя.

– Вот-вот! Не будем хватать два яблока одной рукой. Тем более таких, как наш гигантский кроваво-красный алма-атинский апорт. В общем, будьте внимательны. И не забывайте, что высшая политика – это превращение врагов в друзей, хорошая – когда враги вынуждены вести себя, как друзья, и дерьмовая – превращение друзей во врагов. Последний вид характерен для Феденьки...

– Ну, знаешь, Ньюма... – Федя обиженно надулся.

– Ты, мой друг, не обижайся. Ты – это я в молодости. Так что у тебя всё ещё впереди! А я предостаточно лесу нарубил в своё время. И по существу и не по существу. Но для того, чтобы стать хорошим дипломатом, одного опыта мало. Надо всё-таки иметь такую мелочь, как талант. В вас, Поль эта искра чувствуется, и потому не отпускайте Феденьку от себя ни на шаг. Он может таких дров наломать... Берите его под опеку, и как директор, и как старший товарищ.

Аполлон улыбнулся, вспоминая пивнушку «У морга».

– Может наломать, может... Это у него есть...

– Ну, знаете, граждане...

– Подожди, Феденька, подожди! Я это к тому, что мне лично больше, чем на «хорошо», не удалось вытянуть. В общем, повторяю ещё раз – будьте внимательны! Если же станет совсем неважно, обращайтесь к парторгу.

– К кому?

Федя рассмеялся.

– К парторгу, Феденька, к парторгу! И прямо от моего имени. Во-первых, он тоже не переносит Бахтубекова так как, видимо, не в доле, а во-вторых, пока я реализовываю свои инициативы в клубе, он будет любить меня любовью брата, а может быть, ещё сильнее! – Наум Аркадьевич опять лукаво прищурился и цокнул языком. – Цели ясны, задачи поставлены – за работу, товарищи! Кто так говорил?

– По-моему, Хрущёв... – начал Аполлон, но доктор не дал договорить.

– И по-твоему, и по-моему! Зализали сначала, а потом в помойную яму... Ох, и любят у нас это... – доктор посмотрел на часы и встал. – Пора! Мне пора!

Некоторое время после ухода доктора Аполлон и Федя доедали мороженое, но так как ядовитая жажда после принятой недавно пищи не проходила, то Аполлон пошёл в буфет за лимонадом. И тут случилось...

Впрочем, всё по порядку!

Недалеко от Феди расположилась тёпленькая компашечка молодых смуглых особей мужского пола в белых штанах и таких же белых олимпийских куртках. Развязно двигаясь, они разливали по стаканам «Пшеничную».

Приняв на «грудь», особи расслабленно откинулись на спинки стульчиков и, разобрав из лежащей посередине сдвинутых столов пачки фирменных «Казахстанских» по сигаретке, манерно закурили, а маленький толстенький «олимпиец» с малорельефным, словно надутым, холёным лицом и брезгливо оттопыренной губой поднялся и, плавно раскачивая бёдрами и манипулируя тут же нарочно затушенной сигаретой, начал обход столиков. Зуд жажды общения горячими волнами растекался из его желудка по телу.

Не встретив у соседей отклика на его «пшеничную» жажду, «олимпиец» бухнулся на свободный стульчик рядом с Федей.

– Ну что, земляк, может быть, и у тебя огоньку не найдётся? – спросил он.

– Не курю, – ответил Федя и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Однако «ходок» так не считал. Примериваясь, он оглядел далеко не спортивную фигуру Феде.

– Да-а? Может быть, ты ещё и не пьёшь?

Тут бы и смолчать Феде, да разве он мог!

– Да уж чтобы нажираться с утра...

– Брезгуешь? Понаехали тут всякие белые да пегие...

И без того неширокие глаза холёного «олимпийца» ещё больше сузились и налились первобытной шовинистической яростью.

– С гонором ты, значит, харя русская! Ха!.. – и особь в олимпийской курточке от всей своей щедрой души врезала Феде...

Соседние столики замерли, а «олимпийская братия» как по команде вскочила и дружно метнулась к месту события.

Федя с детства был всегда битый. Во-первых, потому, что с пелёнок ангинил, а во-вторых, потому, что лез, куда не следовало и стремился восстановить справедливость даже там, где необходимо было подчиниться пословице, гласящей, что если двое дерутся, то третий может оказаться, как и в любви, лишним. Однако один приём модного «карате» он знал и не замедлил применить его. Возвращающийся с двумя бутылками лимонада Аполлон успел лишь изумлённо увидеть взметнувшуюся ладонь Фёдора и сползающий под стол «олимпийский мешок».

В следующие же несколько мгновений над художественным руководителем нависла рычащая и ухающая белая шатия.

– Урр! Урр (Бей! Бей!)!.. – несло по скверу.

Федю били!..

Оставив лимонад на каком-то безмянном столике, Аполлон сделал несколько прыжков и погрузился в белое месиво. С этой секунды публика в кафе, громко орущая и визжащая, но, как всегда, ничего не предпринимающая, была ошарашена незабываемым зрелищем как бы ожившего эпизода из американского кинобоевика.

Не прошло и тридцати секунд, как Аполлон, уже второй раз за это удивительное утро, ташил за руку теперь уже одуревшего от побоев Федю. Пересекая сквер по диагонали, друзья стремительно удалялись от места, где среди разбросанных столиков и стульев лежали восемь «олимпийских мешков», а над ними гудела и суежилась толпа зрителей...

У выхода из сквера Аполлон резко замедлил ход и горячо выдохнул в ухо позеленевшего друга:

– Соберись! Сгруппируйся! Надо смешаться с толпой!..

Вдалеке послышался вой милицейских сирен.

– Спокойно, Феденька, спокойно... Не торопись, голубчик, не торопись... Переходим улицу... Та-ак, та-ак... Очень естественно переходим и, не привлекая внимания, смешиваемся с толпой на троллейбусной остановке «Детский мир»... А вот и троллейбусик наш подошёл... Садимся, Феденька, садимся. Мы с тобой очень везучие... Да не торопись ты, золотенький мой, не торопись. Пропусти гражданочку с лялечкой... Ну, вот и поехали... Теперь можешь дышать чаще, и переминайся с ноги на ногу а то сердце надорвёшь...

Мимо набирающего ход троллейбуса, оглушительно воя, промчались два жёлтых милицейских «газика»...

Далеко ехать друзья (теперь именно друзья, а не просто коллеги) не стали, а сошли на следующей остановке. Перейдя через подземный переход, они расположились на одной из скамеек ещё одного небольшого, но очень популярного скверика «У оперы». Тут снова приготовившийся к выговору Федя был неожиданно удостоен похвалы:

– Молодец! Удар был профессиональный!

Федя от удовольствия порозовел и даже перестал на мгновение чувствовать ноющую боль во всём теле.

– Да это... Случайно так получилось... Рефлекторно... Больше я ничего не умею...

– Плохо! Надо уметь! Победители вдохновляют, а побеждённые разочаровывают! Вот как эти дутые...

– Курточки-то у них фирменные!

– Сильно тебя сегодня зашибли... Кому только после Олимпиады не понапродавали их!

Аполлон вынул из кармана расчёску и зеркальце и, приведя себя в порядок, начал причёсывать Федю.

– Ты что?.. Иди ты!.. – смущённо отмахнулся тот. – Наум Аркадьевич велел мне о тебе заботиться...

Смеясь, Аполлон отдал зеркальце и расчёску.

По аллее сквера, направляясь прямо к друзьям, шёл низенький поджарый мужчина в скромном сером костюмчике и такой же серой, слегка выцветшей рубашонке.

Увидев мужчину, Федя побледнел.

– Поль, этого не может быть, но к нам идёт Бахтубеков!

Аполлон встрепенулся.

– Ага... Вижу... Под мышонка работает... Похоже, что вы правы – хищник крупный! Не дрейфь! Сегодня я в хорошей спортивной форме. Только прошу тебя, милай, не встревай. Первое появление героя на сцене – это всё!

– Что же мне делать?

– Головушку свою буйную расчёсывай, головушку! Аполлон оттолкнулся от скамейки обеими руками и, обаятельнейшим образом улыбнувшись, широко распахнул их:

– Нашему дорогому профкому горячий, пламенный привет от скромных тружеников культурного цеха! Присаживайтесь, ата (отец), пожалуйста! Погода сегодня как никогда располагает к деловой непринуждённой беседе.

Бахтубеков слегка замешкался.

– Новый директор... Знаю... знаю... Болел я... И не до бесед мне сейчас, не до бесед. Идёт напряжённый трудовой рабочий день, – забубнил он автоматически. – Советский народ создаёт материальные ценности...

– Совершенно справедливо, ата! Вы в поте лица создаёте материальные, а мы – духовные. Надеюсь на самый тесный и продуктивный контакт!

– Ого! – подумал Бахтубеков, но вслух сказал: – Партия учит нас беречь каждую трудовую копейку. Не разбазаривать драгоценное время, фланируя по паркам и скверам, а находиться на своём рабочем месте и создавать, созидать! Во имя...

Аполлон так энергично, подтверждающе кивнул головой, что Бахтубеков умолк.

Зная, что нападение не терпит паузы, герой тут же ещё более мобилизовался и ловко закончил фразу:

– Во имя! Конечно же – во имя! Что мы с вами делали, делаем и будем делать всегда!

Бахтубеков опять смешался, не зная, как реагировать. Однако автомат в его голове быстро щёлкнул, и, постепенно разгоняясь, он снова увещательно загудел:

– Экономная экономика – вот главное на сегодняшний политический момент. Вы должны быть в этом плане на высоте. Чтобы всё делалось по-партийному. По-партийному! Вы должны...

– Ата! Всё понятно! – опять прервал Аполлон. – Политстенды, политплакаты, наглядная агитация и пропаганда – это главное! Это тот основной проводник, тот контакт, посредством которого наша родная партия осуществляет своё мудрое руководство и утверждает принцип демократического централизма! Мы как раз и вентилировали с художественным руководителем этот вопрос. Правда, наши взгляды на первостепенность данной генеральной задачи несколько разошлись. Тем более что Фёдор Петрович уверяет, что даже на столь важную кампанию вы не в состоянии выделить куска фанеры метр на метр.

– Что-о? – Бахтубеков зло сверкнул из-под опалённых коротких ресниц в сторону Феди, а Федя удивлённо уставился на Аполлона.

– Вот и я уверяю Фёдора Петровича, что он просто неправильно вас понял. Некоторая нехватка, конечно, может иметь место. Это при теперешних темпах движения вперёд – естественное явление, но на стенды показателей, портреты новаторов, рационализаторов и, наконец, центральную галерею портретов наших руководящих членов...

– Вас, кажется, зовут Аполлоном? – в свою очередь прервал героя Бахтубеков.

– Для родных, друзей и соратников – Поль!

– Так вот, Поль, вы, я вижу, человек дела, а не какой-нибудь пустозвон... – Бахтубеков опять зло стрельнул глазами в сторону Феди. – Обращайтесь в любое время, и всё, что будет в моих силах, будет сделано. И вообще, мне кажется, мы с вами найдём общий язык. Вот вам моя рука!

Аполлон крепко пожал протянутую руку и весело пропел: «Кто весел, тот смеётся, кто хочет, тот добьётся, кто ищет, тот всегда найдёт!». Что-нибудь!..

– Артист! – понимающе улыбнулся Бахтубеков.

– Профессионал! То, что надо! Не правда ли – каждому своё и по способностям! Но по шарам! Партия о муэрте! (Но пасаран! – они не пройдут! Патриа о муэрте! – Родина или смерть!).

– Муртэ, муртэ... – машинально и почти правильно, повторил завком, мучительно вспоминая, что бы это значило. – Весело у нас будет теперь...

Бахтубеков немного скис. Хотя последние две фразы из уст Аполлона воспринимались просто как каламбур, но они ему что-то не понравились.

– Мне пора. Что будет не ясно – заходи! – сказал он и почесал затылок.

– Непременно, ата! Обязательно! Тут у вас на рукаве ниточка беленькая...

Аполлон, как и всё до этого, очень серьёзно, без малейшей тени подобострастия снял нитку.

– Этот своего не упустит! Наш человек! – уважительно думал Бахтубеков удаляясь по направлению к кинотеатру повторного фильма, где его ждала супруга с двумя билетами на всегда кстати идущего “Золотого телёнка”.

Герой сделал энергичный спортивный выдох и, плюхнувшись на скамейку, с удовольствием вытянул ноги.

– Можешь говорить, Феденька, а то, не дай бог, ещё лопнешь от возмущения. Только про то, что я про тебя говорил, ни слова! Это необходимый ход. Пусть думает, что я тебя недолюбливаю и отношусь свысока... А ведь классический социалистический вампирюга этот ваш... нет, теперь уже наш Бахтубеков! Вот они – корни партийной поповщины!

– Ещё бы! – Федя возвратил расчёску и зеркальце и нервно задвигался. – Масло масляное, стремительная стремнина, экономная экономика. Чушь!

– Ну не совсем чушь, но маразм крепчал, Феденька! Крепчал и из последних сил топорщил трухлявые паруса самообмана!

– Это надо же! – продолжал Федя. – Бахтубеков – поборник создания народных ценностей. Благо народа – его святая цель. Анекдот!..

– Ну-у! Чем толще барашек, тем больше в нём продукта питания. Это особый социалистический сорт ворья. Идеологический! И запомни, Феденька, ту банальность, которую я сейчас изреку, а если, не дай бог, когда-нибудь забуду, поспеши произнести её для меня вслух: «Сила уважает только большую силу, ворюга – большего ворюгу!». И так до бесконечности! Пусть этот кровопийца думает, что я, как минимум, ему равный.

– Ворюга?

– И кремень! Иначе, прости за ещё одну банальность, нам удачи не видать!

СЮРПРИЗЫ

Федя продолжал возмущаться и размахивать руками.

В чистом небе нежной голубизны спокойно плыло ласковое осеннее дневное светило. Истома и лень бабьего лета расслабляли и совершенно не располагали к трудовым подвигам. Запрокинув подбородок и зажмурив глаза, Аполлон испытывал то редкое и вместе с тем такое естественное мистическое блаженство, когда ты и весь мир – одно целое. По телу разливалась тёплая волна отрешённости от земной суеты, её неразрешимых конфликтов и идиотских проблем. Смысл нескончаемого критического красноречия Феде не воспринимался и лишь убаюкивал своими цикличными модуляциями.

Жизнь была прекрасна!

Лишь когда Федя начал трясти друга за плечо, требуя подтверждения своей правоты или аргументации против, глаза Аполлона нехотя открылись.

– Уйми фонтан, Феденька. В нём ли смысл жизни?

– Конечно! А в чём же ещё? Только критика двигает прогресс!

– Да-а? А вот индусы уверяют, что смысл в единении с природой и созерцании её. Взгляни, – какое небо голубое! Какой вокруг меня простор! Как нежно солнце озорное мне луч свой посылает с гор! Какой восторг в душе вскипает! Как песня льётся из груди! И счастье сердце наполняет! И все несчастья позади! Твои кстати рифмовки!

Федя напряжённо сморщился и досадливо взмахнул рукой:

– А! Телячья юность! Уверяю тебя: если бы всё это очарование планировалось Госпланом, то сразу бы наступил конец света.

– Господи, Феденька, ты меня утомил! Сделай перерыв! И вообще, я сегодня уже не швец, не жнец и на дуде не игрец! Сейчас я – «гуляй-нога»! Иначе инфаркт и крышка!

Аполлон энергично потянулся и театрально взял Федю за руку.

– Веди, Сусанин, но только не на погибель! Веди сквозь дебри достопримечательностей этой солнечной столицы к свету и подвигу! Ты обещал!

Федя озадаченно поскрёб затылок и устремил свой взор в сторону академического оперного театра, труппа которого уже много лет пользовалась заслуженным успехом у благочестивых бабушек и престарелых девушек. На миг ему даже показалось, что, кроме этой, других достопримечательностей в городе нет. Но это только на миг! В следующую же секунду глаза Феде болезненно засверкали, а на лице заиграл отблеск вспыхнувшего в сердце пожара.

– Идём! Я покажу тебе достопримечательность! Пальчики оближешь! Ни в сказке сказать, ни пером описать! Шехерезада! Тысяча и одна ночь! Идём!..

Федя вскочил и, нахлобучив на голову свой фетр, начал сосредоточенно растирать подбородок.

– Только если это что-то подобное пивнушке, то я пас...

– Что ты! Это что-то невероятное! Это Афины и Рим! Язычество, идолопоклонство и единобожие одновременно! Это материализованная мечта человечества и лучших её сынов! Это указующий перст и символ нашего времени! Это – всё!

– Веди!

И друзья пошли.

От предвкушения эффекта, который должен был произвести на Аполлона его сюрприз, Федя впал в чрезвычайное нервное возбуждение. Его била та чувственная дрожь, которую неискушённые юнцы принимают за приближающуюся любовь. Впрочем, она действительно приближалась. Не любовь, конечно, а машина. Подчиняясь тому же закону роковых совпадений, она была в данный момент как бы сюрпризом к сюрпризу.

Все светофоры на улице Фурманова мигали жёлтыми вспышками, а на каждом перекрёстке стояло по доблестному блюстителю Госавтоинспекции, облачённому в полное парадное великолепие. Час назад по радиции отдали приказ обеспечить здесь “зелёную” улицу, и верные стражи дорожного порядка до рези в глазах вглядывались в уличную даль.

На пересечении улиц Фурманова и Кирова их было двое. Один безусый, другой седой. Безусый нетерпеливо переминался с ноги на ногу, а седой снисходительно похлопывал его по плечу и, смеиваясь, делился опытом:

– Помню, встречали мы этого... ну, который самый-самый!..

Седой многозначительно посмотрел вверх.

– Так вот это была встреча!.. А сейчас так... дежурный переезд с места на место. Или вот шах Ирана приезжал к нам с шахиней... Помнишь, а?

– Не-а...

Безусый не помнил. В те памятные дни он интересовался лишь рогаткой да футболом.

– Вот то-то и оно! Молодо-зелено! Помню, мы весь проспект Коммунистический часа на два перекрыли. Весь транспорт встал. А дело было к вечеру – часы «пик». Люди с работы по домам разъезжались. Представляешь, сколько “ликующего” народа у канатов столпилось? Почитай, почти весь город. Шах с шахиней – вжик! – и проехали. Никто даже и не заметил, в какой машине. Но зато разговоров-то было – ужас!

– Да-а, капиталистов у нас умеют встречать. Уважают их, подлецов! – попробовал поддержать разговор безусый.

– Дурак! Это же мудрая политика. В Иране же не только нефть водится...

Вдалеке заискрилось красно-синее мерцание.

– Едут, едут!

– Где? А-а, оно, оно! То самое! Во фронт, и не забудь отдать честь. А я отойду в сторонку. Мне это уже ни к чему. Мне скоро на пенсию. И вообще, наша шахиня любит молодых да бравых. Давай, действуй!

Аполлон и Федя только-только собрались переходить улицу, как путь им преградил седой блюститель. Заговорщицки подмигнув, он кивнул в сторону дороги. Теперь уже хорошо было видно совершенно бесшумно приближающуюся белую «Волгу» с

разноцветными переливающимися огнями у бампера и чёрный правительственный лимузин с дымчатыми пуленепробиваемыми стёклами.

И тут случилось что-то, по меньшей мере, удивительное. То ли нервы у Феде не выдержали, то ли что-то замкнуло в коре больших полушарий, но он вдруг рванулся и, проскользнув мимо седого блюстителя, выпрыгнул на шоссе. Сдёрнув с головы шляпу, Федя несколько раз испуганно взмахнул ею над головой, как бы привлекая внимание и приветствуя, а выполнив это мажорное вступление, прижал злополучный фетр к сердцу и, заискивающе вглядываясь в дымчатую прохладу поравнявшегося с ним лимузина, согнулся в подобострастнейшем поклоне.

Лимузин даже не притормозил. Сидящие в нём, видимо, восприняли это событие за нормальное искреннее выражение благодарности какого-нибудь бедняги, случайно попавшего в число запланированных для отчёта чутких отношений к письмам трудящихся.

Но это, сидящие в лимузине. Блюстителю же и Аполлону таким наивным мышлением не обладали.

Они бросились к Феде.

– Ха-ха-ха!.. Как я их!.. – истерически заливался гений. – Ха-ха-ха-ха!..

– Секундочку, граждане! – притормозил Аполлон седого и безусого. – Это же тяжелобольной! Он только что из психдиспансера, с лечебного сеанса гипноза. Парень весь под впечатлением и действием положительных внушений. Феденька, всё хорошо, всё нормально. Ты просто ошибся, Феденька, – это не господа проехали, а наши слуги. Слуги народа! Успокойся, Феденька, и так жутко не трясись! Спи! Покой душе-вный и физи-ческий!..

В голосе Аполлона появились церковная интонация и напев.

– Ничего не тревожит тебя-я... ничего не волнует... Всё вокруг не воспринимается как действительность... Всё это со-он, который пройдёт и бесследно исчезнет лет этак через двести-и... Спи, Федя, спи!..

Федя находился в полушоковом состоянии и, лишь смутно осознавая серьёзность сложившейся ситуации, бессмысленно вертел головой.

Видя это, Аполлон понял, что если он сейчас же не вывернется наизнанку, то потом будет поздно. Как шаман, обежав вокруг друга и вцепившихся в него ретивых блюстителей, он начал делать пасы. Седой изумлённо захлопал глазами, а безусый открыл рот. Оба так растерялись, что даже приостановили процесс заламывания Фединых рук за спину.

– Что?.. Что такое?.. – наконец выдавил из себя седой.

– Всё нормально!.. Пока всё нормально... Элементы гипноза! Да отпустите вы его руки – вы мешаете расслаблению! Если он сейчас же не отключится, то начнёт целовать ваши

перчатки и сапоги. У парня идея фикс. Он считает, что родился за век до рождества Христова. Понимаете, чем это пахнет? А?

Седой не понял, но на всякий случай испуганно отшатнулся. Безусый тоже выпустил Федину руку и неожиданно впал в оцепенение.

– О! – обрадовался Аполлон и выдохнул в ухо Феде: – И тыходи в транс, псих! Ну!..

Боль в руке уже возвратила друга на грешную землю, и он тут же всё выполнил. Безумно закатив глаза, гений задрал подбородок и состроил совершенно идиотскую рожу.

– Вот видите! – ещё больше обрадовался Аполлон.

– А вы кто ему будете? – уже больше по инерции, чем для дела, спросил седой.

– Друг, товарищ и брат! – поспешно ответил герой.

Он с удовлетворением отметил, что тонус и реакция у Феде совершили за этот день весьма качественный скачок.

Перейдя от резких стрессовых пазов к мягким, как будто поглаживающим, Аполлон решил закрепить так неожиданно появившееся кровное родство:

– У нас это семейное! Из поколения в поколение передаётся! Родимое пятно капитализма – наследственный сифилис! Сами понимаете, что это сухотка мозга, прогрессивный паралич и всё такое прочее. Иногда вот такие явления наблюдаются...

Одной рукой герой энергично схватил Федю за подбородок, а другой одним махом вывернул веко его правого глаза и указал на него блюстителем:

– Видите, какая бледная склера? Бледная спирохета так и ползает! Сейчас могут начаться конвульсии! Будут ещё вопросы или можно идти?

– Идите, идите! – торопливо замахал регулировочным жезлом седой. – Этой заразы нам только не хватало...

Когда “братья” скрылись за углом и волевое биополе Аполлона ослабло, седой начал подозревать, что его элементарно заморочили и разыграли.

Подозрение крепло с каждой секундой, и, дабы побороть связанную с ним неловкость, он снова обратился к безусому:

– Трудная наша работа, ох и трудная! Чего только на дороге не случается! С кем только не встретишься...

Безумные глаза и страшно вывернутое веко неожиданной молнией вклинились в мозг седого, и он брезгливо передёрнулся, отгоняя наваждение:

– Бр-р!.. А ты говоришь!..

И хотя безусый ничего не говорил, а лишь растерянно хлопал ресницами, седой на всякий случай добавил:

– Э-эх, молодо-зелено!..

А в это время за углом дома, согнувшись в три погибели и схватившись за живот обеими руками, бегал по кругу Аполлон. От избытка распирающего его беззвучного хохота он, как призовой скакун, мотал головой и в исступлении бил штиблетами об асфальт.

Федя уже начал беспокоиться, но шквал смеха так же неожиданно стих, как и возник. Утирая батистовым платочком слёзы, Аполлон с нежной любовью смотрел на друга.

– Ну что ж, дорогой мой братец, сегодня ты вернул меня к жизни. Если так пойдёт и дальше, то, возможно, удастся постигнуть и смысл её.

– Да ладно тебе... Ну не выдержал... Ну, бывает... – Бывает? Не-ет, что ни говори, а Бог всё-таки есть! Он хранит и направляет избранных! А то, что ты избранный, так это точно! А ну-ка, покажи свою правую руку?

– Бог не нянька... – пробурчал Федя, но руку всё-таки протянул.

– Так и есть! Вот она – линия обременённых сегодняшней избранностью! Э-э, брат, да доктор-то наш тысячу раз прав: тебя надо беречь. Намотаем на ус, намотаем... Веди дальше... к своей супер-достопримечательности! Впрочем, мне кажется, что, что бы это ни было, больше, чем ты, это быть не может!

Напоминание Аполлона направило внимание Феде в нужное русло:

– Пойдём, пойдём! Это уже рядом. Совсем рядом...

В отрезке улицы Тулебаева, находящемся между улицей Виноградова и Джамбула, был свой микроклимат, своя благодать. Причём и в прямом, и в переносном смысле. Находясь в центре почти всегда изрядно загазованного города, этот отрезок характеризовался свежим воздухом, свежей зеленью и свежим румянцем на лицах обитателей. Обитала же там, вместе со всей своей челядью, та, во все века и эпохи немногочисленная, часть населения, которую в народе называют одним коротким, как ругательство, словом: «знать»! Даже дома с автомобильными подъездами прямо под фундамент были здесь больше похожи на виллы, а дежурные милиционеры на швейцаров.

Впрочем, если обитателей этих государственных вилл и называли знатью, то не все были достойны такой чёрной зависти, которая, в зависимости от цели, иногда характеризуется как классовая ненависть. И свежий румянец у этих «не всех» был больше похож на лихорадочный, а процент бесславных инфарктов от грязных интриг и других недостойных благородного внимания дворцовых атрибутов принимал чудовищные размеры. И тут уже не хотелось ни персональной пенсии, ни дефицитной роскоши, ни самой неудовлетворённой в

мире подруги жизни, так ставшей похожей на старуху из сказки о рыбаке и рыбке; и радость была не в радость и привилегии не на пользу.

Но это были «не все», то есть единицы! Да и тут надо ещё поискать... Остальные же активно формировали и возвращали ту среду, которая способствовала самому бурному проявлению, реализации и расцвету низменных (то есть совсем не плохих самих по себе, а просто рефлекторно-животных) чувств и потребностей. Со всеми вытекающими отсюда из-за несоответствия с образом и подобием Божьим последствиями.

Лесть с подхалимажом, самодурство с самоуправством, разнузданная вседозволенность, замешанная на хамстве, и масса других, так хорошо перечисленных в баснях дедушки Крылова качеств питали это общество.

И главное!

Это паразитирующее на теле народа большинство меньшинства чётко ориентировало соответственно подобранных молодых преемников и весь нисходящий аппарат на манеры, способы и позицию поведения...

Именно в центр этого номенклатурного «пупика» и вышли Аполлон и Федя.

– Вот! – торжественно объявил гений. – Вот та достопримечательность, ради которой стоит пренебречь всеми музеями, «Кок-Тюбе» и «Медео» вместе взятыми. Перед тобой, Поль, квинтэссенция полной политической деградации и наглейший вызов всем теоретикам и таким же наивным практикам марксизма-ленинизма. Перед тобой памятник первому секретарю ЦК республики в двух шагах от его роскошного дворца.

– Ну и что?

– Как что?

Федя был поражён. Его сюрприз не потряс Аполлона.

– Он живой! Понимаешь, живой!

– Ну и что? – Аполлон снова недоумённо пожал плечами. – Кто только себя при жизни не хоронит...

– Так если бы он себя похоронил, то чёрт с ним! А он же веру похоронил под этим камнем! Понимаешь, веру!

Последняя фраза была сказана Федей с такой болью, что Аполлон подошёл поближе. С великолепно отшлифованного весьма внушительного гранитного пьедестала на него глядело бронзовое лицо одного из членов политбюро.

– Ну что ж... – заключил Аполлон, окончив осмотр бюста. – Всё правильно! Дважды Героям соцтруда ставится на родине такая вот куколка. Закон такой есть, Феденька!

– Какой закон? Это не закон, а издевательство! Ну, ладно, чёрт с этими пустоголовками! Поставили бы надгробие в центре города доярке какой-нибудь или рабочему. Хотя это тоже идиотизм высшей степени. Но ставить самому главному, которого и так откуда ни ткни, отовсюду видно, – это ты меня извини... Я вообще удивляюсь, как у него самого-то волосы дыбом не встают, когда он мимо себя каменно-бронзового проезжает...

– Любуется, молодые люди?

Возле друзей остановился белый как лунь, дряхлый-предряхлый старичок в аккуратном костюмчике и накрахмаленной свежей сорочке.

– Я тоже этим частенько люблюсь... Ох, и денюжек угрохали в эту каменюгу – жуть! И ведь думают некоторые, что так надо, что это правильно...

– Ну почему же... – попробовал вступить в диалог Федя.

– Не спорьте, молодой человек, не спорьте! – прервал старичок. – Вы же только по книжкам да кино о том, как должно быть, знаете. А я из последних... Участник и очевидец... Нас мало осталось, и возраст, знаете ли, маразматический, но когда мы слышали, что ЭТО ставить будут, то не только не поверили, а чуть было не побили информатора. «Враги распространяют слухи, а ты передаёшь!» – кричали мы ему. И вот, пожалуйста! Будьте любезны – любуйтесь!

Старичок выпрямился, глаза его блеснули, и весь он стал как-то крупнее и значительнее.

– Что происходит? Куда мы катимся? Понавешали друг другу орденов, превратили их в бижутерию и бренчат, как новогодние ёлки. Бенгальскими огнями рассыпаются! Я не знаю, к какой они партии принадлежат, но только не к коммунистической! У них ещё хватает наглости ленинцами себя называть. Да Ленин чай пил, когда страна голодала, а подарки в детдом отдавал. Что, не могли ему икры паюсной достать или балычка, а? А сейчас у них особые магазины, особые буфеты, особые хозяйства – всё особое. Откуда же им чувствовать, чем народ дышит, чем питается, как живёт? Они же только доклады друг другу зачитывают о некотором «не очень» стабильном ухудшении, а человек должен чувствовать. Тогда он и соображать начинает. Чувства корректируют сознание, молодые люди, а не наоборот! Нас, старых коммунистов и инвалидов войны, тоже к подобным магазинам прикрепили. Заобрить нас решили, подкормить... Глаза замазать!.. На чьём возу сидишь, тому и песенки поёшь, думают... Фиг им с ихним вологодским маслом! Нас куском мяса не купишь! И персональная пенсия нам не подачка! Мы её кровью заслужили, а не подхалимажем!..

С каждой фразой голос старичка креп, наливался тонами нижнего регистра, и теперь уже звенел и гудел колокольным набатом. Наконец, выбросив руку и ткнув пальцем в нос бюсту, старичок обратился к нему, как к живому:

– Такие как ты, – пример! На тебя же должны равняться! Так какого хрена ты себе монумент вылепил? И почему не пирамиду? Почему?.. Даёшь пирамиду и «Боже, царя храни!»!..

Старичок запел, а, кончив петь, начал декламировать:

Мне бы

памятник при жизни

полагается по чину.

Заложил бы

динамиту –

ну-ка,

дрызнь!

Ненавижу

всяческую мертвечину!

О-бо-жаю

всяческую жизнь!

Аполлон толкнул Федю.

Однако далеко отойти друзья не успели.

– Вот он! – прогремело у их ушей, и два дюжих санитаров бросились к старичку.

– Не прикасайтесь! – истошно закричал тот, увидев белые халаты. – Я сам пойду, сам!..

Не обратив ни малейшего внимания на последнюю просьбу «больной души», «белые архангелы» с несколько большими усилиями, чем это было необходимо, сжали старичка с обеих сторон, приподняли и отнесли в бодро урчащий зелёный «уазик» с красными крестами на полированных боках и цифрой девять.

Мотор взревел, и зелёный мустанг, лихо развернувшись на месте, весело побежал к родному крыльцу «жёлтого» дома.

САНИТАР ПРИРОДЫ

– Весело живём... – задумчиво пробормотал Аполлон и вдруг хлопнул себя по лбу. – Забыл! Совсем забыл! У меня же сегодня встреча с замечательнейшей дамой! От неё без ума почти все сливки и смывки вашего города. Да и как кстати: ты – мне сюрприз, я – тебе! Пойдём! Здесь рядом!

– Да неудобно как-то... Вдвоём к одной... – грубо юморнул Федя.

– Удобно, удобно! Во-первых, среди кобелирующей номенклатуры и подпольных миллионеров удобно и вдесятером к одной. Да ещё и в какой-нибудь баньке. А то и к десятерым красоткам одному. А во-вторых, это немного другой вариант: ей под девяносто. Удивительная волшебница, творящая чудеса и дающая людям счастье! Необыкновенная предсказательница, парапсихолог и психотерапевт! Потомственный маг! Снятие стрессов, депрессивных состояний, порчи, сглаза и проклятий! Коррекция биоэнергетики, судьбы, кармы и чего угодно ещё, и главное – протекция дядюшки. То есть – не шарлатанка! Она и меня подлечит, и твои нервы подстроит. У тебя расстроенные нервы?

– Ещё бы!

Где-то в “компотном” районе, между улицами Дачной и Грушёвой, доживала свой загадочный век Клавдия Ивановна. Её жильё барачного типа на двух хозяев находилось совсем недалеко от памятника. Как раз когда герои постучали в калитку, она поливала из потрескавшегося шланга кусты роз и грядки с огурцами, помидорами и тому подобной огородной безгербицидной и беспестицидной свежатинкой. Небольшие приусадебные участки при бараках тут были очень кстати.

– Кто ты, добрый человек? – не оборачиваясь, почти девичьим голосом пропела хозяйка. – О, да вас двое! Проходите! Проходите в дом! Я сейчас...

Герои прошли через микроскопическую кухню со спрятанной за занавеской ванной и попали в удивительную комнату. Стены комнаты были увешаны фотографиями и рисунками разновозрастных детей и младенцев. Причём всё это было украшено очень живописными брошками в виде каких-то невиданных цветов.

Остальное пространство тоже не пустовало. Вышивки, кружева, немислимые конструкции из текстиля, пластмассы, крышечек от бутылок, коробочек, каких-то флакончиков, жестянок, проволочек, пробок и бог знает чего ещё, казалось, двигались в каком-то очень организованном танце вверх по стенкам и даже приплясывали уже где-то на потолке.

– Ну, как? – раздалось прямо из-за спин героев, и они вздрогнули.

– Потрясающе! – сказал Федя.

– Правильно! Правильно сказал, хотя и не до конца искренне, – обрадовалась старушка. – Меня зовут Клавдия Ивановна, но с вами я буду на “ты”.

Если вы, конечно, не возражаете...

Герои не возражали.

– Ты племянник Сулеймана ибн Израйлевича, и зовут тебя Аполлоном, а ты...

– Федя!

– Вот и хорошо. Люблю гостей. Особенно молоденьких. Ох, я вас сейчас и потерзаю! Ох потерзаю!

– Да? – нарочито удивился Аполлон.

– А как же! Раз Бог принёс, так – будьте любезны! Я вам ещё и не такое покажу...

Тут же перед героями выросли стопки фотоальбомов, грамот, вырезки из газет и даже кассеты с телепередачами, посвящёнными героине.

– Это я в молодости... Это моя выставка... Это мой первый муж... Это второй... Это третий... Это... А, ладно!.. Не это главное...

И действительно, главное было впереди.

– Ну, вот я с вами и познакомилась, – захлопывая последний альбом, сказала старушка. – А вы-то думали, что я хвост павлиний распускаю. И не спорьте – я не только мысли могу читать. Вон прямо за вашими спинами уже минут пять фантастическая такая обезьянка тоже глазами лупает на мои шедевры и заслуги. Здоровенная-то какая! А глазища-то, глазища! Умница! Вернее, умник! Вернее, и то и это... Необычная обезьянка...

Герои оглянулись и, конечно, никого не увидели.

– Ну, бог с ней! О! Исчезла! Типичный фантом!

Значит, так... – продолжила Клавдия Ивановна как ни в чём не бывало. – Твои проблемы, Пастернак Укропович, обычные, и если ты будешь продолжать бить в точку, то ещё при жизни получишь всё, о чём мечтаешь. А вот у тебя цветущая неврастенийка, усугублённая навязчивой идеей.

– Вы, наверное, перепутали, – улыбнулся Федя. – Он здоров как бык, а у меня...

– У тебя – ерунда! – прервала Федю старушка. – Небольшое истощение нервной системы, и всё. Спать надо больше и на воздухе находиться не меньше двух часов в день. А вот твой друг ищет встречи с якобы похороненной им заживо мамой. Придумал же такое! Покаяться хочет... да ещё вот... Хотя какие могут быть у него покаяния? Дай Бог каждой матери такого

сына! Этот неврастеник и приехал-то сюда для того, чтобы найти выход на тот свет. Тут, вроде, есть где-то такое место... Хотя где его нет...

Федя скептически хмыкнул, но, взглянув на друга, осёкся. Герой сидел бледный и часто и неровно дышал.

– А вот и его любимая тахеоаритмийка! Сейчас мы её укротим, а через неё и всё остальное... – довольно заметила Клавдия Ивановна и, соединив кисти рук и описав ими несколько кругов над головой Аполлона, развела их в стороны.

Результат был поразителен! Дыхание героя сразу упорядочилось, глаза закрылись, а голова медленно склонилась на грудь.

– Пусть поспит, а мы с тобой чайком побалуемся, – сказала старушка и пошла на кухню. – Я давно уже подозревала, что что-то в этом мире не так, как нам кажется, но только когда компьютеры появились, поняла, в чём дело, – ставя чашки, продолжила она. – Вон – стоит один. Последняя модель. Мне его один пациент чуть ли не насильно всучил.

– Мощное изобретение! – заметил Федя.

– Ну, насчёт мощности я сильно сомневаюсь, да и то, что это изобретение, – тоже вопрос. Честно говоря, дрова и дрова по сравнению с живой природой. Вот она – это компьютер, так компьютер! Всё, что люди думают, что изобретают – жалкие протезики. Максимум, что пока удаётся, – это иногда случайно подключиться к биологическому компьютеру, часть которого и мы, и они, и весь мир, и все другие миры. Это, как теперь говорят, – информационное поле. Из которого вся материя. Там и прошлое, и настоящее, и будущее и неисчислимое и постоянно меняющееся количество вариантов и того, и другого, и третьего, и десятого...

– Да? – обрадовался Федя. – Мне тоже в последнее время приходит на ум что-то похожее. Включается одна программа (или мы её включаем), и всё по ней выполняется, включается другая – другой порядок и закономерность. Как это происходит, кто включает или толкает на это – тайна сия велика есть, но...

– Ларчик просто открывается! – озвучила до конца мысль Феди Клавдия Ивановна, и оба рассмеялись. – Рыбак рыбака видит издалека! Я сразу поняла, какие можно с вами разговоры разговаривать. Может быть, и нас-то не было, а просто какой-то благодетель составил из нескольких – одно, а компьютер вдруг материализовал. Не зря же начертано, что в Начале было Слово – оно же Мысль!

– И Слово было у Бога, и Слово было Бог! – закончил Федя. – Фантазёр и шутник наш Всевышний, но...

– Но в основном – созерцатель и программист! – опять перехватила Клавдия Ивановна. – Пей чаёк! И вареньице не забывай! Вчера по телевизору показывали молодого парня-старичка. Он за месяц постарел до полной дряхлости, а я вот порхаю, как бабочка. А где-то младенец только родился – и сразу же на трёх языках изъясняться начал, да ещё и стихами. Правда, попозже он вдруг всё забыл и стал обычным младенцем с неразвитым ещё речевым аппаратом, но факт-то зафиксировали на телекамеру! Хотя, может быть, и это подлог...

– Компьютер без вируса – не компьютер, – поддакнул Федя.

– Да и такие молодые хакеры, как я, – не такая уж и редкость, – улыбнувшись, добавила Клавдия Ивановна.

– Ого!

– А ты как думал! Взламывали, взламываем и будем взламывать! – действительно очень по-молодому воскликнула старушка и даже порозовела. – Нас ни в какие рамки не вставишь! Например, люблю детишек я, но странную любовью. Не победит её рассудок мой! – старушка обвела рукой настенные фотографии. – Как они вам?

– Очень аппетитные. Так и хочется скушать, – зевая и потягиваясь, вмешался Аполлон.

Он уже с минуту внимательно слушал.

– Что я и сделала! – рассмеялась Клавдия Ивановна. – У тебя хороший вкус и интуиция – даже просыпаешься вовремя. Кстати, мы могли бы и скооперироваться. Одной уже тяжело... Вон тот, глазастенький, самый мяконецкий был. Это только с виду они все одинаково вкусные. Причём совершенно неважно, какой корм давать накануне...

– Ну да, некоторые любят говядинку, свининку, баранинку, лягушек, кузнечиков, а вот вы их. Это вполне понятно, – подхватил Федя. – В принципе, никакой разницы нет. Любое мясо, любой съедобный продукт – законсервированная энергия солнца, земли и всей нашей необъятной вселенной.

– Честно говоря, паршивый мир! – подвёл черту Аполлон, вставая. Тут все или пожирают друг друга, или паразитируют друг на друге. Безвыходные ситуации! Кроме, конечно, симбиоза! Но распознать, где он, а где обыкновенный паразитизм и звероскотинизм, почти невозможно. Мы наш паразитизм попробуем смягчить завтра. Дядюшка сказал, что вы за свою деятельность принципиально ничего не берёте. Поэтому мы вам калиточку починим. Она того и гляди рассыпется. Если вы разрешите, конечно. И большое человеческое спасибо за сеанс! Сон был фантастический! Я за несколько минут отдохнул так, как будто месяц на крымских пляжах прохлаждался. Да и судя по розовому виду друга, он тоже подпитался...

– Умницы! – прослезилась старушка. – Вы даже не представляете, какие вы умницы! Учтите, я выбираю для пищи только будущих маньяков-убийц и насильников. И не так-то легко и просто их вычислить в таком нежном возрасте...

– Да уж! – усмехнулся Аполлон, проходя через кухню. – О! Какая роскошная мясорубка!

– Бесшумная! – уточнила Клавдия Ивановна. – Кусать нынче не особенно получается, поэтому я фаршиком балуюсь...

Из форточки дунуло, и клеёчатая занавеска над ванной приподнялась, открыв на обозрение плавающие в воде иссиня-бледные младенческие тушки.

Герои пулей вылетели из домика и лишь за калиткой остановились, чтобы перевести дыхание.

– Фи-ить! – только присвистнула им вслед старушка и, рассмеявшись, принялась за разделку цыплят.

ВОПРОС, КОТОРОГО НЕТ

Совершенно необычные и вместе с тем совершенно типичные события, произошедшие с Аполлоном и Федей накануне, кого угодно могли повергнуть в депрессию и потерю веры в реальность происходящего. К счастью, Аполлон относился к той редкой категории людей, вокруг которых всё всегда в невероятном количестве, и у него уже давно выработался стойкий иммунитет к переинформации и стрессу.

Федя этим иммунитетом не обладал. Поэтому, ориентируясь на Аполлона, попробуем принять как само собой разумеющееся, что и на маленьком пространстве, в сравнительно маленькие промежутки времени могут совершаться в преогромнейшем количестве самые невероятные события и вполне закономерные случайности. Жизнь подчас намного необычней самого изощрённого вымысла, и негоже правду трансформировать в правдоподобие, и уж тем более в правдёнку, дабы читатель или слушатель не усомнился в подлинности повествования. Недаром же говорится: «Ни в сказке сказать, ни пером описать!». То есть – как в жизни!..

Аполлон поднял руку, и в кабинете стало тихо.

– Прошу внимания! Как директор, я постараюсь в меру своих сил во всём разобраться и, по возможности, всех удовлетворить! Но это при условии, что вы будете заниматься своим делом, а не разговорами по поводу него и соседа. Собрание окончено!

Своим резюме Аполлон наступил на горло селевому потоку слов, сводящихся к скучнейшему и безнадежнейшему выяснению «Кто есть кто?» и «Кто кому что?». Впечатление о коллективе было самое удручающее. В течение двух часов люди говорили, говорили, говорили – и ничего не наговорили. В голове было мутно и пресно и жить так не хотелось. Традиционная говорильня при директоре давно переросла в дежурную производственную склоку, а из всего сказанного лишь одна мысль отличалась чёткостью и гениальной простотой: всем нужны были деньги. И для себя, и для коллективов.

– Фёдор Петрович, задержитесь!

Аполлон подождал, пока все вышли, и лишь после этого открыл сейф.

Из металлического чрева пахнуло сыростью. На книжечках гражданского и уголовного права и брошюрке конституции СССР лежалдохлый таракан.

Аполлон подмигнул другу и смахнул беднягу в корзину.

Федя лишь поморщился. Уже третьи сутки, после весьма сюрпризного посещения памятника и бабушки-людоедки, он, с редким для него прилежанием, изучал гражданское и уголовное право и Конституцию. С бабушкой всё было переведено в иллюзорно-юмористическую плоскость, а вот с дедушкой... Гением не было найдено ни одной строчки о том, что за горькую правду, сказанную на площади, отправляют в психдом или другие не столь отдалённые знаменитые места. Наоборот, в сих юридических трудах очень много говорилось о свободе слова, печати, собраний и тому подобных демократических достижениях и мерах наказания за покушение на личность и её собственность.

Хороши были труды! Просто сказка как хороши! Однако к старичку, так оперативно скрученному наемни психбригадой, они, видимо, не имели никакого отношения. В том же, что ветеран не псих, Федя не сомневался. В противном случае нужно было поставить под сомнение своё душевное здоровье, а такие инициативы, по словам Аполлона, в практике психиатрии наблюдались весьма и весьма редко.

И всё же знакомство с серьёзной литературой подтянуло Федю. Он стал молчаливей, собранней и даже купил карманное зеркальце и расчёску. Сейчас гений был как никогда солиден и вполне соответствовал занимаемой должности.

– Фекальное наше дело, фекальное! – весело пропел Аполлон, бренча, как кастаньетами, ключами.

– А я что говорил?

– Да-да, помню... Кадры действительно того... скандальные какие-то... нервные... К бабушке их всех надо! К бабушке на лечение! И желательно – кардинальное!

– А я что говорил! – повторил Федя и спрятал зеркальце.

На его голове, лице и вообще всей полезной интеллектуальной площади свирепствовал мёртвый штиль.

– Что бы ты ни говорил, а на заводской склад за фанерой бежать придётся тебе. Вот бумажка к Бахтубекову. И прихвати с собой Первутинского, чтобы какую-нибудь гниль не подсунули. А я буду в агитпункте на репетиции. После неё опять поедем к бабушке. Для её аппетита мы уже жестковаты, а лечит она отменно: я сплю как младенец!

Выйдя вслед за Федей, Аполлон закрыл кабинет и спустился с Олимпа второго этажа на первый. Около двери, над которой чёрным по красному крупно и печатно было выведено «АГИТПУНКТ», стояли двое бородатых в очках. Подойдя поближе и услышав особенный, ни с чем не сравнимый по раскрепощённости и трескучей заливистости смех, Аполлон сразу понял – бородатые травят политические анекдоты.

– Вот, слушай... – едва переводя дыхание и захлёбываясь от переполнявшего его желания, зашелестел тот, что слева. – Мне его одна сволочь рассказывала...

– Про сволочь – подстраховка! – сообразил Аполлон и вмешался: – Вы на занятия, товарищи?

– Да-да... – закивал тот, что справа.

– Тогда проходите!

– Я тебе потом, в перерыве дорасскажу, – хихикнул тот, что слева, и оба, довольно улыбаясь, прошли в приглашающе распахнутую дверь.

В агитпункте за длинным столом стоял толстенький человечек и, что-то горячо доказывая, размахивал пухленькими ручками, покрытыми иссиня-чёрной растительностью. Напротив человека, в другом конце комнаты, облокотясь на урну для голосования, сидел плотный мужчина с картофелеобразным сизым носом, апоплексически багровой шеей и по-боксёрски рефлекторно сжатыми крупными кулаками. Мужчина очень внимательно слушал толстенького.

Кроме бородатых, в углу перешёптывались три жгучие красавицы выпускного школьного возраста, а в центре слегка раскачивалась на стуле поджарая девица с большим носом и огромными толстыми очками. Она критически поглядывала то на толстенького, то на сравнённого и многозначительно хмыкала.

Окинув взглядом аудиторию и спев про себя «Евреи, евреи, вокруг одни евреи!...», Аполлон сразу решил брать быка за рога:

– Надеюсь, что то, что мы имеем, – это не всё, что у нас есть!

Бородатые многозначительно переглянулись и настороженно приподняли свои кудрявые украшения.

– Конечно...

– Мы первая группа...

– Ну, это непременно! – подумал Аполлон.

Среда, в которую он попал, была до боли знакома.

– И чем занималась с Наумом Аркадьевичем наша универсальная донорская группа?

Теперь уже насторожились все, а толстенький начал внимательно вглядываться в лицо директора, ловя в его выражении шовинистическую злость и брезгливость. Ни того, ни другого не было, а были весёлые зайчики и всё та же всёпокоряющая космополитичная улыбка.

– Вы, наверное, неправильно проинформированны... – тягуче начал толстенький. – Мы воспитанники Генриэтты Ким, а не Наума Аркадьевича. Мы – театр поэзии!

– Да-а? А я думал – просто драм... В смете такой формулировки вроде нет...

– Коллеги! Наш новый директор вообще не в курсе того, кто мы и что мы! – воскликнула девица.

– Действительно... Может быть, я не туда попал?

– Туда, туда! – встрепенулся толстенький. – Генриэтта Ким на гастролях, и нас временно передали вам. Так что – милости просим! О ваших профессиональных данных мы уже проинформированы.

– Ну, раз так, то давайте знакомиться. Аполлон! По матушке – Александрович!

– По батюшке! – вежливо поправил толстенький.

– Нет-нет, я не оговорился. Именно по матушке!

Толстенький недоумённо пожал плечами.

Багровый мужчина приподнялся и, глядя прямо в глаза Аполлона, представился:

– Яков Шеевич!

– Мирочка! – блеснула диоптриями девица.

– Вадим! – представился тот бородатый, который стоял у дверей агитпункта слева.

– Родион! – представился тот бородатый, который стоял у дверей агитпункта справа.

– Нона, Майя и Рахиль! – представила себя и подруг та, которая была Рахилью.

– Ну, обо мне вы, по-видимому, слышали. Розенцвайг Григорий Альфонсович! – представился толстенький.

– Розенцвайг?

– Да-да, тот самый! Григорий Альфонсович! Слышали?

– Да-да, что-то знакомое... – успокоил его Аполлон. – Однако не будем терять время и более подробно познакомимся в процессе совместного творчества. А так как с временем вечная напряжёнка, то будем заниматься по системе «Бекицер»! Возражений не будет?

– Аид! – восторженно вышепнула девица.

– Наш! – облегчённо выдохнули остальные, кто вслух, кто про себя.

Возражений не было!

Однако уже через полчаса Аполлон был вынужден сделать перерыв, так как в голове его образовалась каша. Сразу сообразив, что будет нелегко, он ожидал чего угодно, но не того, с чем столкнулся. Феноменальность ситуации заключалась в том, что почти каждая его мысль оспаривалась и, не в пользу героя, сравнивалась с методикой Генриэтты Ким.

А главное, всё время кто-нибудь уводил в сторону полемикой, в переднем углу которой стоял еврейский вопрос. Одновременно утверждать свои принципы и возвращаться к сути было изнурительно, и, объявив перерыв, Аполлон вышел в фойе, которое занимало довольно обширное пространство и обычно использовалось как площадка для танцев или помещение для проведения всевозможных выставок и экспозиций.

На маленькой эстраде суетился такой же маленький и разодетый, как попугай, человечек. Он устанавливал микрофон. Около человечка стоял Федя. Он держал за угол огромный лист фанеры и громко объяснял что-то человечку. Другой угол фанеры придерживал не Первутинский, а импозантный мужчина лет пятидесяти семи с огненным взглядом.

– А вот и директор! – воскликнул Федя, увидев Аполлона. – Аполлон Александрович, можно вас на минутку! Знакомьтесь, руководитель вокально-инструментального ансамбля Кемаль Деловер! – Федя кивнул в сторону маленького. – На совещании отсутствовал по причине острой зубной боли. А это... – Федя кивнул в сторону импозантного мужчины, – наш руководитель эсперантистов на общественных началах – Абрам Моисеевич Герцег!

Аполлон вздрогнул и побледнел. Взгляд его невольно скользнул в сторону агитпункта. Заметив такую необычную реакцию директора и проследив за его взглядом, Федя растерянно заморгал и вдруг, всё сообразив, хлопнул себя по лбу:

– Ёлки-палки! Как я забыл предупредить! Там же сегодня театр поэзии!

Абрам Моисеевич опустил свой угол фанеры на пол и, ткнув указательным пальцем правой руки сначала в сторону агитпункта, а потом в себя, задорно присвистнул и выкрикнул:

– Бей жидов – спасай евреев!

Все рассмеялись, и Аполлон почувствовал, как с его плеч мягко сползла ватная глыба нервного напряжения...

Еврейского вопроса у нас нет.

Этот замечательный факт был очень своевременно и весьма категорично зафиксирован ещё Ильфом и Петровым.

Надо сказать, что не только у нас его нет. В Англии, например, еврейский вопрос тоже вроде бы отсутствует. По причине того, что англичане не считают себя глупее евреев.

Но, видимо, именно тогда, когда еврейский вопрос стал ненужным и благодаря великому закону природы, который Аполлон охарактеризовал как целесообразие, отпал... возникли вопросы у самих евреев. Особенно – у советских!

Вопросов было много.

Очень много!

Один вопрос, не успев возникнуть, дробился на два. Два, в свою очередь, – на четыре. Четыре – на шестнадцать. И так далее до бесконечности. Эта геометрическая прогрессия кого угодно могла повергнуть в ужас, если бы не способствовала развитию. И совершенно естественно, что среди моря таких относительно полезных вопросов, как «А почему так, а не иначе?», «А зачем это?», «А кому это надо?» и, наконец, «И что вы хотите этим сказать, если ничего не можете от этого иметь?», зачастую попадались бесполезные, а иногда и откровенно глупые и вредные. Качество и тут упрямо не хотело уживаться с количеством.

Однако суть несомненной пользы самого вопроса как такового это не исключало.

Поэтому, очень сильно подозревая, что слово «еврей» произошло от слова «европа», Абрам Моисеевич собирался уезжать в Израиль, а оттуда в Швейцарию.

– Я знаю, что я делаю и на что иду! – жарко заявлял он своим знакомым, отговаривающим его от такого сомнительного шага, и задавал такие вопросы, честно отвечать на которые было или чрезвычайно трудно, или небезопасно.

В своё время Абрам Моисеевич экстерном сдал полную колоду экзаменов физико-математического, исторического и филологического факультетов.

Универсальное гуманитарно-аналитическое образование постоянно им самим совершенствовалось и расширялось, благодаря чему он, не считая своего родного идиша и русского языка, в совершенстве владел ивритом, английским, немецким, французским, испанским, итальянским, а также был ярым пропагандистом и поборником эсперанто.

Кроме того, Абрам Моисеевич с детства увлекался всеми семью музами и, как и в любой интересующей его области, и здесь достиг вполне приличных высот и разве что только не танцевал балетно. Он писал и переводил стихи и небольшие новеллы, рисовал маслом в стиле мастеров Возрождения и имел обширнейшую фонотеку классической и современной музыки, а также литературных и драматических записей.

Интересный человек был Абрам Моисеевич! Настоящий! Поэтому горячее всех отговаривал его от отъезда Наум Аркадьевич. Он уверял, что за счастье нужно бороться там, где ты живёшь, а не думать, что где-то оно в готовом виде изнемогает от ожидания своего избранника.

– Брось, Ньюма, детсадовскую ерунду пороть - ты же неглупый человек! - обычно отвечал на это Абрам Моисеевич. - У каждого счастье своё! Одному нужно нажраться, другому накомандоваться, третьему с бабами наспаться, четвёртому скорее на пенсию податься. И так далее, и тому подобное... Я же не хочу и не могу жить в стране, где слово «еврей» произносится как ругательство.

– Где? Где произносится? – отчаянно кричал Наум Аркадьевич.

– Везде!

– Кто? Кто произносит?

– Все! Даже сами евреи уже вынуждены...

Что мог ответить на это Наум Аркадьевич, если сам он почти всегда, отвечая на вопрос «Кто вы по национальности?», автоматически настораживался и каменел.

Ловя растерянность оппонента, Абрам Моисеевич распалялся ещё больше:

– Вот ты говоришь – бороться! Во-первых, как бороться, а во-вторых, с кем?

– Со всем! Талантом и добротой! – обычно отвечал доктор и оживлялся. – Самый естественный, надёжный и перспективный способ.

– Талантом! – взвизвался Абрам Моисеевич. – Пусть я нескромный человек, но этим Бог меня не обидел. И что я вижу? Зависть! Чёрную зависть! «Вот еврей, сволочь, шпарит!» – говорят. Это о языках. Или: «Вот жид, гад, пишет!». Это о стихах. Или... А насчёт доброты, так чем ты добрей, тем, значит, трусливей и слабей, и даже если еврей герой, то всё равно трус, и тут хоть головой об стенку бейся. Да что там говорить!.. И почему это я вместо того, чтобы нормально жить, должен всю жизнь доказывать, что я добрый и талантливый и имею не меньше прав на недостатки, чем кто-либо другой?

Абрам Моисеевич знал, что говорил, – недостатки были. И главный из них – это десять лет молодости и зрелости, проведённые на сталинских лесоповалах от звонка до звонка. Ослабленные недоеданием, авитаминозом, антисанитарией и каторжным трудом, заключённые помирали там от малейшей царапины, и он выжил только потому, что пристроился к медпункту, при котором была, к его непередаваемой радости, фантастического богатства библиотека (у кого только и что не изымали во время арестов и куда только не отправляли!). А осужден был Абрам Моисеевич за то, что во время фашистской оккупации сотрудничал во вражеских газетах. В них он втолковывал неразумным славянам и неславянам, единый и такой же всегда и для всех правильный, как и псевдокоммунистический, нацистский порядок. Ну и, конечно, катал тексты листовок, которые немецкие самолёты разбрасывали над копающими противотанковые рвы ополченками. Что-то вроде: «Милые дамочки! Не копайте ваши ямочки! Наши таночки переедут ваши ямочки!».

Выйдя на свободу, “враг народа” узнал, что он уже три года как реабилитирован. Нашлись документы, объясняющие его окололитературные вояжи по немецким тылам. И хотя даже награда нашла героя и он получил какой-то, изрядно запоздавший, орден или даже звезду за свои давнишние подвиги разведчика и выслушал скучно-равнодушные извинения от роботovidного бюрократа-полковника с необъятным брюхом, но вопросы как были, так и оставались без ответов, и это ещё более укрепляло его эмиграционную решительность.

Спор всегда заканчивался одним и тем же – Абрам Моисеевич громко кричал, что всё равно уедет в Израиль, а оттуда в Швейцарию, а Наум Аркадьевич так же громко и упрямо отвечал ему:

– Ну и дурак!

Любой конфликт не страшен, если в основе его добрые побуждения и уважение друг к другу. Так что неудивительно, что оба оппонента не только не ссорились, а, наоборот, всё больше и больше сближались. Наум Аркадьевич даже всячески способствовал работе кружка эсперантистов и увлёк в него многих кружковцев из других коллективов.

Но был ещё один фактор, который роднил обоих чрезвычайно. Это – ярко выраженная антипатия к театру поэзии. Причём, конечно же, не к самому театру, а к руководителю, о котором, а вернее – о которой, разговор тоже особый.

В откровенном общении (а творческий процесс почти всегда – явление откровенное) Генриэтта Ким весь свой лексикон формировала вокруг слова “задница”. Обладая таким лексическим шармом и являясь профессиональной актрисой, в своё время получившей звание «заслуженной», она производила на окружающих неизгладимое впечатление. По натуре – женщина-вамп, что нагляднее всего проявлялось в патологической жадности к деньгам, Ким, в бесконечных периферийных и маловзыскательных гастролях, быстро растеряла вместе с частью таланта и все свои, и так немногочисленные, крохи человеческих качеств. Однако, памятуя о главном, гласящем, что искусство никого не должно оставлять равнодушным, она одним махом заменила музу на лузу и довольно успешно загоняла туда зрителя вместе с его дивидендами. Выходя на сцену и возбуждая, как жрица пороков, все низменные инстинкты, Ким оглушала, подавляла и разрушала. Её художественное чтение (а Ким была чтицей), не игнорируя скелет многострадальной системы Станиславского, но, в основном, опираясь на резвый опыт конферансье-администраторов и полуполюгальных гипноиллюзионистов, предоставляло для этого великие возможности. Лишь только чтица открывала рот, зритель его закрывал и, как оглушённая рыба, начинал мелко трепетать. Трепетание постепенно переходило в дрожь, потом – в судорожные сотрясения, в зависимости от содержания репертуара называемые или хохотом, или рыданиями, и кончалось всё апофеозом совершенно диких рукоплесканий. Да-да – рукоплесканий! Бедняга зритель, уделанный, что называется, в конец, хлопал до остервенения, так как от других «мастеров» периферийного искусства не получал и этого. Потом, уже далеко после концерта, по крохам собирая себя в себя, «материал» (так называла зрителя Ким) никак не мог сообразить, от чего это он так истерически плакал и смеялся и чему хлопал. Однако дело было сделано, деньги отданы, эффект произведён. Некоторые даже поднимали большие пальцы и с тем уважением, которое возникает к какому-нибудь катаклизму, восклицали: “Во, баба! А?”.

Но самое интересное то, что, наряду с вышеперечисленными нравственными и творческими прелестями, Ким обладала ещё одной – совершенно уж феноменальной: она была суперсионисткой-экстремисткой! Этому ничуть не мешало то, что сама Ким еврейкой не была. Суперсионизм был её хобби, её сладостное забвение, берущее свои истоки от трёх лучших любовников администраторов, которые регулярно привлекались к ответственности за крупные финансовые нарушения и также регулярно выкручивались. Доходило до того, что даже своих соплеменников Ким в высшей степени восхищения называла не корейцами, а еврейцами.

Реализуя свои неутолённые ещё с юности режиссёрские притязания, а также не гнушаясь ни одной лишней копейкой, Ким организовала при Доме культуры Авторемонтного

объединения кружок художественного чтения, с тяжёлой руки руководительницы тут же названный “Театром поэзии”.

И неудивительно, что соответственно своему хобби, чтица живо подбирала участников и, мобилизуя весь свой разрушительный творческий комплекс, неумоимо как вулкан рассыпала среди них искры межнациональной неприязни и обильно обжигала лавой их эволюционного и божественного превосходства над другими. За полгода работы Ким развела в своём театре такой чад, что дальше некуда, и естественно, что Абрам Моисеевич, по причине планируемого им отъезда в Израиль, был предметом самых томных её вожделений. А уж как будоражили Генриэтту импозантность и всегда горячий взгляд Абрама Моисеевича – об этом и речи нет!..

Но, как говорится, она хотела, а он не хотел. И не только не хотел, а проявлял крайнюю агрессивность к её идеологическим выкладкам. В пику, а может быть, и просто по внутреннему влечению, он стал посещать не театр поэзии, а драматический кружок Наума Аркадьевича, многонациональный состав которого вызывал на лице Ким лишь презрительную улыбку.

Всё вышеизложенное, или почти всё, было сообщено Аполлону, и когда он снова входил в агитпункт, то был полон решительности.

– Товарищи! Я что хочу сказать... Топчемся мы! – начал герой. – Уже сорок пять минут впустую вылетело. Я же прекрасно понимаю, что если вы, серьёзные люди, после работы и учёбы пошли не домой, а сюда, то не затем, чтобы переливать из пустого в порожнее. А мы переливаем! И не что-нибудь там творческое, а бородатейший еврейский вопрос.

Аудитория замерла.

– Конечно, наша деятельность – не аргумент для бухгалтерии. Грош цена миллионнолетней каторге и миллион за озарение! Но мы-то чем занимаемся? Это же скучно! Тоска! Народ, раса, нация – это же толпа! Тут творчеством-то как таковым и не пахнет. Даже дружба, а уж тем более любовь, – это всегда конкретно. То есть вот этот человек и – этот. Но дружба народов – химера! А вражда – трижды химера! Это же политики придумали! Для своих покеров! Когда же они начнут нас обслуживать, а не мы их? Это же маразм, товарищи! И какая может быть постоянная престижность наций? Да нет ничего в этом мире постоянного! Сегодня вы вырвались вперёд, завтра они, послезавтра другие. И хотя люди и могут быть объединены каким-то делом в некие хребты, но каждый всё равно самостоятельная вершина со своей высотой. Каждый из нас – и нация, и раса, и человечество, и вселенная! Да возьмите ассимиляцию! Что вы с ней сделаете? Да ничего! Это же не стадное явление! Это же конкретно-личностное! Прогресс! Целесообразие! Так кому нужно в его каждодневной деятельности такое непомерное множество языков? Эта механическая путаница? Да это же, как кость в горле!..

Яков Шеевич вскочил и протестующе взмахнул рукой.

– Минуточку, Яков Шеевич! – остановил его Аполлон. – Как Господь Вавилонскую башню разрушил? А ведь люди, хотят они этого или не хотят, уже включились в обратный процесс. Надо достраивать! Просто придётся. И не для выпендрёжа и гонора, а чтобы

выжить. Я знаю грузинов, не знающих грузинского языка. Я уже не раз встречал здесь казахов, не знающих казахского. Я могу назвать вам тысячи евреев, не знающих еврейского. Все говорят на русском! А почему?

Аудитория опять попыталась что-то ответить, но Аполлон опередил её:

– Уверяю вас, совсем не потому, что русский лучше, а потому, что любой язык существует для того, чтобы люди понимали друг друга и опыт передавали. То есть – не для кайфа. Не для щекотания в горле какого-нибудь дифтонга. То есть щекотание – тоже целесообразно, но, опять же, для лучшего усвоения информации и опыта, а не для бессмысленного наркотического выделения апоморфинов и эндоморфинов. Истина в том, что в какой языковой среде мы выросли, такой язык и усвоили как следует. Да и какая разница, на каком языке изъясняться? Конечно, неплохо бы и язык муравьёв и микробов знать. Наверняка и там есть свои достоинства и прелести. Но где столько времени и сил взять? Да и зачем? Это только узким специалистам нужно. Они и донесут до нас нюансы в доступной форме. И вообще, сколько народов растворилось друг в друге вместе со своими языками – и никакой беды от этого нет. Элины, шумеры, инки, варяги, скифы, половцы...

– Но культуры! – возмущённо воскликнул Вадим. – Они же неповторимы! А без языка...

– Прекрасно живут и с любым языком, и без языка! – обрезал Аполлон. – Древнегреческая ваза ваш глаз радует без всякого перевода. А технологиям и прочей информации тем более всё равно, на каком языке они передаются. Не нация, а кто-то конкретный всё это создаёт! Все эти интерьеры, экстерьеры, новации – среду! Один создал, другим понравилось – и вот уже какое-то время и в какое-то время все поют и пляшут под «семь сорок» в жилетках.

– Так что ж в этом плохого? – удивилась Мирочка.

– Ничего. Пляшите себе на здоровье. Я вообще не о плохом или хорошем, а о том, что всё должно быть вовремя и, если требует жизнь, обязано уступить место новому или просто другому. На сценах, балах, маскарадах, гуляньях, отдыхе, да и вообще везде, где это естественно, пусть прошлое живёт и процветает. На радость настоящему и будущему. Но когда насильственно, да ещё и с противопоставлением, – это маразм! Мара-зм! Суть в естественности того, что происходит, а не в английском, русском или каком-нибудь телепатическо-космическом. А когда настоящее – дрянь, а будущее – тупик, то так и режет ностальгия по отработавшему музейному. Так и кромсает на противопоставление друг другу наций, народностей и рас. И лишь только личное достоинство до конца растоптали, так сразу и подставили безличностное, но вроде бы такое большое, красивое и прочное – национальное! А как же! Так вроде проще. Вроде сразу всем скопом обратно людьми становимся. Баранами становимся! Баранами! Человека надо поднимать! Каждого! Конкретного! Им гордиться! Его ценить! Вот за него я готов ломать копыта и биться головой об стенку! За человека разумного! А за то, чтобы ставить свой талант на заведомо битую карту, – это извините... Нация – это культура! То есть то, что придумано людьми для выживания, удовольствия и развития на определённом этапе. Но больше-то – ничего! И язык, как часть культуры, со своими творческими достижениями, – конечно, благо. Но не законсервированное и отгороженное от других! Важно, как он материализуется. Что даёт всему человечеству, а не умиляется самому себе до психопатизма. А чтобы его достижения

доходили до других, должен быть какой-то единый ретранслятор. И необязательно это эсперанто. У нас это – русский. А где-нибудь – испанский или английский. Да процесс уже давным-давно пошёл! И совершенно естественным путём! Уже давным-давно все аэропорты на английском с экипажами самолётов общаются. Да и на море такая же картина. И никаких национальных генов и крови! Ни еврейской, ни русской, ни американской, ни немецкой! Ни голубой, ни розовой, ни серо-буро-малиновой в полосочку! Не нужно, нельзя и – нет! А если придумывать, что – есть, то все так и будут грызть друг друга во веки веков ни за что ни про что. Аминь!

Яков Шеевич сделал тяжёлый выдох.

Стало слышно, как у Мирочки в животе что-то булькнуло.

Первым нарушил затянувшееся молчание Григорий Альфонсович.

– Спорно, Аполлон Александрович, спорно... И под большим вопросом... – тягуче-задумчиво промолвил он. – Но, тем не менее, мы рады вашей откровенности. Я надеюсь, что выражаю мнение большинства?

Григорий Альфонсович привычно снисходительно оглядел всех, и те так же привычно согласно закивали головами.

– Ну, вот и о'кей! – облегчённо воскликнул Аполлон. – Тогда прямо к делу – и ни секунды на постороннее! Все встали! Взяли дыхание! И, активно артикулируя, чётко, не крича, проговорили скороговорку: «От топота копыт пыль по полю летит!».

Через некоторое время, когда дикционные задачи данного этапа были более или менее достигнуты, Аполлон перешёл на смысловые ударения и интонацию, в чём аудитория проявила блестящую гибкость и сообразительность. Между учителем и учениками вспыхнула та радостная искра взаимопонимания, от которой колесо творчества дрогнуло и покатилося.

– От *топота* копыт пыль по полю летит! От топота *копыт* пыль по полю летит! От топота копыт *пыль* по полю летит! От топота копыт пыль *по полю* летит! От топота копыт пыль по полю *летит!* – с упоением шпарили все, и эхо радости выпрыгивало из неплотно прикрытых дверей агитпункта и гуляло по фойе и множилось, ударяя в высокие своды потолка с идеологически выдержанной лепкой.

Около дверей стояли Абрам Моисеевич и Федя.

Абрам Моисеевич с очень серьёзным лицом слушал.

Федя победно улыбался...

ЗЕРКАЛА

Ремонт калитки оказался довольно сложным, и если бы Аполлон не прихватил с собой универсальный набор инструментов Первутинского с шарнирами, шурупами, гвоздями и прочим необходимым материалом, то ничего путного не вышло бы. Но так как всё было, то через определённый промежуток времени герой наконец-то закрутил последний шуруп, а Федя начал собирать инструменты и убирать мусор.

Клавдия Ивановна подвигала туда-сюда практически новую калитку и, довольно хмыкнув, присела обратно на скамейку, с которой уже с час с хвостиком наблюдала за действиями героев.

– Будешь на воздухе лечиться или в дом пойдёшь? – обратилась она к Аполлону и хитро прищурилась.

– Ну, уж нет! Ещё скушаете ненароком! – в тон ей ответил герой. – Я вон под той черешенкой пристроюсь. В кресле-качалке. Всю жизнь мечтал о такой! Да и Феде полезно на солнышке погреться.

– Такие большие – и такие пугливые. И не стыдно? Я же лакомлюсь только маленькими. Да и то всё реже и реже... – так просто и грустно сказала старушка, что у Феде опять мороз по коже побежал.

И это несмотря на то, что накануне дядя Аполлона успокоил их, рассказав, что бабушка в своё время работала в детском доме директором и была так любима всеми, что это неожиданным и странным образом отразилось на её перегруженной психике. Таким же странным образом этот пунктик существовал как бы отдельно и никак не влиял на её лечебную и пророческую деятельность. Это было так очевидно, что даже периодическое исчезновение младенцев из дома малютки, да ещё и за последние лет этак двадцать, не привязывалось следователями к её хобби. Хотя... Да ну! Бросим об этом думать! Куда такой древней старушке до таких не воображаемых и очень трудоёмких по исполнению «подвигов». Хотя...

– Божий одуванчик самого натурального розлива – мухи не обидит! – подытожил свои объяснения Соломон и выпил за здоровье русской бабушки рюмку армянского коньяку.

Погрузив Аполлона в лечебный сон, Клавдия Ивановна вынесла из дома корзинку с яблоками и поставила её перед Федей.

– Давай, наворачивай! Такого апорта теперь на базаре не встретишь. А когда-то вся Алма-Ата была им усыпана. Ах, какой это был город! Сад! Цветущий сад! И не этнических казахов в том заслуга, а разномастных росиян. Заслуга аборигенов есть и будет в том, что они без разбора занимают и, в конце концов, займут почти все, даже мало-мальски начальнические, должности и доходные места и переименовывают улицы, вплоть до улицы неизвестного им, но точно – не казаха, Луи Пастера. И даже не Алма-Ата будет, что переводится с их же языка как “Отец яблок”, а какой-то огрызок – Алматы.

– Да ну? – не поверил Федя и рассмеялся.

– Вот видишь, тебе смешно. А будет не до смеха. Сейчас плохо, но будет ещё хуже, и нас здесь не будет, и память о нас выжгут раскалённым железом. Потом, правда, опомнятся, но жаль только то, что в ту пору чудесную жить не придётся ни мне, ни тебе! Впрочем, насчёт тебя мы сейчас уточним. Там у меня в кладовке два больших таких зеркала стоят. Неси их сюда! Будем любоваться. Это не простые зеркала, а самый настоящий древнейший компьютер!

Зеркала оказались, действительно, не маленькими, не лёгкими, да ещё и на деревянных подставках, но Федя, конечно же, отказался от помощи старушки. Распираемый любопытством, он, натужно кряхтя, установил их одно против другого и присел на скамеечку отдышаться.

– Эти стёклышки я не всем показываю, – продолжала интригу Клавдия Ивановна, двигая зеркала. – Просто сколько ко мне ни приходят, а своими руками калиточку починили вы. Та-ак! Посмотрим, что тут делается... Ну, это я и так знаю... Это не интересно...

– Что? Что такое? – осторожно спросил Федя, сгораемый желанием заглянуть в зеркала.

– Да помру я скоро... Это нормально... А это... Ого! Забавно, забавно... Это я с твоим другом... а это уже вы оба... Да сколько же мне лет?.. Вот это сюрприз, так сюрприз!.. А вы-то!..

– Неужели тоже?..

– Обязательно, но ещё не скоро! Ещё поживёте! Да ещё как! – радостно успокоила старушка. – А это что такое? Опять обезьянка... колечки какие-то... Ничего не пойму... Какие-то призраки... Может, это и есть Бог?

– Кто? Кто?

– Да всё! И обезьянка в том числе...

– Господи помилуй!

– Почему? Мы же похожи на обезьян. Только эта поумней и помощней, Правда есть предположение, что и обезьяны и наши предки – дельфины. Ну ладно... оставим этот файл... Теперь, значит, так. Обычно предыдущую информацию сжигают огнём, но с моими зеркалами этого не требуется. Смотри в себя, а потом в зеркало! Например, можешь представить в себе экран, а потом соединить его с зеркалом... Ну, вот, теперь сможешь видеть и, может быть, даже слышать...

В начале Федя не увидел ничего, кроме ряда тех же зеркал, уходящих в бесконечность. Потом из-за одного зеркала, радостно смеясь, выбежала очаровательная юная особа в белой невесомой кофточке и теннисной юбочке. Увидев Федю, она изумлённо вскрикнула и бросилась к нему. Герой шарахнулся в сторону, но поздно – прелестница уже пробежала... сквозь него!

– Мама родная! – испуганно вскрикнул гений и, смахнув со лба испарину, очутился в центре сумасшедшего хоровода событий.

То он был снова ребёнком и, чувствуя себя сильным победителем, лупил няньку, а она только уворачивалась и смеялась; то уже в весьма зрелом возрасте оказывался в каком-то раскалённом от жары городе без гроша в кармане; то, брошенный по времени опять назад и работая фельдшером на “скорой помощи”, возвращался с того самого вызова “плохо с сердцем”, после которого...

О, это было кошмарное утро!

На первом же вызове баллоны с кислородом оказались пустыми и шофёру пришлось ехать за полными на станцию, а Федя выкручивался, как мог, у задыхающегося больного. Потом умирал какой-то кавказец, и ему очень агрессивно и истерично близкие и родные пытались всунуть в руки пачки совершенно уже ненужных денег. И, наконец – это! Машина встала на перекрёстке, пропуская трамвай, а в это время девочка лет шести, переходящая с мамой дорогу, закатилась в истерике и, вырвав из руки мамочки свою глупенькую ручонку, кинулась в сторону... прямо под трамвай.

Дальше всё было, как в замедленном кино, – кровь, крики, жгут...

Девочка умерла по дороге в больницу...

О матери, оставшейся лежать в обмороке на месте происшествия, несчастный фельдшер вспомнил только на другой день, проспав на кушетке станции скорой помощи почти сутки. Тогда же ему и рассказали, что он приехал, сбросил залитый кровью халат и, сказав, что если его разбудят – уволится, брякнулся на кушетку и отключился.

На мгновение Федя пришёл в себя, но тут же по зеркалам пробежали радужные блики и настоящее, прошлое и будущее стали накладываться друг на друга. Мало того! Мученик как бы раскололся на множество частей, каждая из которых воспринимала свой сюжет самостоятельно. Сквозь зрительный зал, бисирующий спевшему очередную песню Феде, проплыло гинекологическое кресло с умирающей от последствий криминального аборта бывшей старшей вожатой школы, где ещё почти вчера учился пионер Федя. Причём пятнадцатилетний герой и одновозрастный, но здоровый акселерат Митька Марамзин висели на каждой её ноге, и она, крича от боли во время манипуляций гинеколога, поднимала обоих на воздух. Пацаны только что поступили в медучилище после седьмого класса, и первое знакомство с больницей и женщиной оказалось вот таким. В тот день на них напялили белые халаты и повели в больницу на экскурсию. Ходить стадной группкой и слушать скучные объяснения врача пацанам быстро надоело, и, тихонько ретировавшись, они пошли гулять самостоятельно. И вот, когда эти туристы, с нарочито притомлённым видом бывалых специалистов, проходили по коридору, неожиданно резко открылась безымянная дверь и вздыбленная врач, узнав, что парни из медучилища, попросила их помочь.

Дальше...

Нет, что происходило дальше, лучше не рассказывать, тем более что следующие сюжеты были ещё страшней и очень редко радостные.

Скорость прокручивания и взаимопроникновения этих бесконечных лент знакомой, а из будущего и незнакомой, жизни всё время увеличивалась, и хотя бедняга уже полностью потерял своё сиюсекундное “я”, но чувствовал (не понимал, а именно чувствовал!), что всё это – обрывки какой-то системы. Поэтому, когда всё исчезло, а остался только по-старчески шамкающий дымный бублик с тёмным пятном посередине, он не удивился ни одной своей частью. В любой системе должна быть точка отсчёта, и по всему было видно, что это была она.

– Когда этот бардак закончится? – выругался бублик. – Где же антивирусная программа?

– Он от нас уходит! Он рассыпается! Бейте зеркала!.. Да не ищите молоток! Камнем, камнем! – тут же врезался отчаянный голос Клавдии Ивановны, и Федя услышал звон разбивающегося стекла и стал собираться в одно целое.

– Ну, хоть так, и то ладно, – вздохнул бублик и, растворившись, оставил тёмное пятно, которое вдруг сморщилось и, сказав “солнце”, материализовало Солнце.

Потом таким же озвучиваемым образом появились Марс, Земля, Венера, Сатурн, Юпитер, и так далее, и так далее. Дальше пятно только произносило названия планет, звёзд и даже целых галактик, причём иногда совершенно незнакомых по звучанию, и они появлялись как бы ниоткуда. Наверное, в нашей действительности на этот процесс требовались миллионы и миллионы лет, но Федя слышал только слово и видел сразу же результат.

– Не надо “скорую” вызывать! Нашатырём виски ему трите!.. – опять услышал герой знакомый голос и вместо пятна и всего того, что успело оно наворотить, увидел сосредоточенные испуганные лица Аполлона и Клавдии Ивановны и усыпанную зеркальными осколками землю, где в каждом таяла, продолжая жить, самостоятельная часть жизненного сюжета героя.

Но не успел путешественник по своей жизни прийти в себя, как стало плохо самой чудеснице. Теперь уже он с Аполлоном усаживал её в кресло-качалку и натирал виски нашатырём.

– Вот что, ребятки, – сказала старушка, когда ей стало немного лучше. – Не идут сегодня мои фокусы. Да и стёклушки жалко. Вы идите, а я сама тут оклемаюсь потихоньку.

Однако, когда герои убрали осколки зеркал, их рамы и подставки и направились к калитке, старушка неожиданно слабо, но всё же довольно резко присвистнула и поманила их пальцем.

– Передумала я! Садитесь! Поболтаем ещё немножко, – сказала она и качнула кресло. – Увидимся ли мы завтра – не знаю. Похоже, что моя программа заканчивается. Да и пора! А я... А я потомственная ясновидящая и всякое подобное... Саму себя, правда, плохо вижу... Ну это как всегда!.. Так вот когда учеников нет, надо иногда хоть в дупло, да выговориться. Слово и в таком виде не умирает. Вам и выпала сегодня такая честь.

– Завидная роль! – заметил Аполлон.

– А что ж вы хотите? Можно сказать только что пришли – и сразу в посвящение тайн, которые и для меня-то потёмки? Я только нажимаю на кнопочки-интерфейсы, а это они уже заводят драйверы...

– Ой, мама родная! – вздохнул Федя. – Простому человеку – не проглотить!

– Да ничего подобного, – возразил Аполлон. – Драйвер – это программа, которая управляет определённым устройством в компьютере на низком уровне. Она знает конкретные команды. Если, например, дисковод, то она знает, куда подвинуть головку для съёма информации.

– Ого! – ещё больше изумился Федя.

– Совершенно верно! – подтвердила старушка. –

Вот и я пользуюсь драйверами, но не знаю, как работает устройство, в котором они действуют. Поэтому результат как видите...

– А кто знает? Я, например, не знаю даже, как электрический ток движется и движется ли он вообще, – усмехнулся Аполлон.

– Я знаю, – сказал Федя.

– Ну и как?

– Нервно!

– Ну, это конечно, – развёл руками Аполлон.

– Кто-нибудь знает – и жаль, что не мы, – снова качнула кресло Клавдия Ивановна.

– Нам-то эти знания уже не светят, – вздохнул Аполлон.

– Светят, светят! Всем светят, но не все дерзают как следует. Стар не тот, кому семьдесят или сто семьдесят, а тот, кто скис в тридцать. Вот мне всегда двадцать, и это не потому, что я кровь младенцев пью, а потому, что не кисну. Я и умереть-то хотела бы с улыбкой. И после смерти тоже не хочу горевать. И вам не советую. Тем более что за смертью, похоже, горя нет, если мы сами его не придумываем. Да и этот мир скорее комичен, чем трагичен. Здесь всегда можно посмеяться. Это Христу было не до смеха (хотя, кто его знает?), а нам можно позволить себе такую роскошь. Тем более что куда ни ткни – она тут.

Клавдия Ивановна перевела дыхание.

– Переживать и мучаться надо, молодые люди, когда можешь что-либо предпринять и изменить и есть хоть один процент шанса. А зря терзаться не стоит, и, тем более, терзать своим терзанием других. Это я тебе, красавчик! И не смотри на меня так! Даже просто наблюдая, можно понять, что нигде нет ни ада, ни рая, ни чистилища как определённого места. Везде и для каждого может быть и то, и другое, и третье – и на этом свете, и на том, и

на другом, и на всех остальных, о которых ни вы, ни я даже не подозреваем. И не Божий глаз за нами следит (ему больше дела нет, как с микроскопом над каждой былинкой сидеть круглые сутки), а работают программы. В том числе и “Что посеешь, то и пожнёшь!”. И не дай бог отсроченные минусовые чеки, да ещё не наши, но на наше имя и имена наших потомков. Это неискупляемое никакими подвигами проклятие...

Чудесница опять перевела дыхание и жестом остановила Аполлона, который хотел что-то сказать.

– Программа есть программа, автоматика есть автоматика! Тут сбои и вирусы – вещь нормальная, – продолжила она. – Правда, потом всё выравнивается, но тому, кого уже паралик какой-нибудь скрутил, от этого не легче. Так что приходится страховаться. То есть думать не только о себе. Но, в конце концов, хочешь или не хочешь, опять же для себя. Вот и получается, дорогие, что никто не герой! Да и не нужно! Там, где мир – я, там эгоизм всегда благо! Но плохо – всегда плохо, а слишком хорошо – опять плохо! Фанаты всегда разрушают... Мера, голубчики! Мера нужна! А попробуй за ней уследи, если она всё время меняется... К чему это я?..

Клавдия Ивановна закрыла глаза и говорила всё тише и тише, как бы засыпая. Иногда её речь переходила в бормотание, и героям приходилось напрягать всё своё внимание и слух.

– Нельзя бороться!.. С природой!.. Ни с чем природным!.. Сотрудничать надо... “Я” – личность... личность – человек... человек – Бог...

Клавдия Ивановна неожиданно умолкла. – Фантомы... – пробормотала она. – Бог-отец... Бог-сын... Бог-святой дух... Благо творящее... Благо... Шизофрения... Божественная...

– Похоже на бред! – встревожено шепнул Аполлону Федя, и тут Клавдия Ивановна махнула рукой и рассмеялась.

– Да, ребятки, – сказала она вполне бодро и вытерла слёзы. – Вся моя жизнь сплошной предсмертный бред, если наблюдать со стороны. Давление наверное упало. Но сегодня я ещё, может быть, и не клюкнушь, так как напилась вашей буйной кровушки досыта. А ну-ка, помогите подняться!

Друзья бросились к старушке, но та вдруг отстранила их и, легко по-девичьи встряхнув головой, пошла в дом. Уже на пороге она оглянулась и кокетливо поманила Аполлона пальчиком. Тот тут же подскочил, и оба скрылись в домике.

Конечно, всё это было удивительно. Но ещё более удивительным оказалось то, что через несколько минут Аполлон вынес и начал устанавливать на крыльце музыкальный центр и колонки.

– Тяни к розетке! – бросил он Феде. – Да не туда! Та не работает! В коридор тяни, а я тут с центром разберусь... Ну, что тарачишься? Бабуля решила устроить танцы. Когда, говорит, ещё бог таких молодых красавцев пошлёт.

– Шутишь!

– Какое там! “Зовите музыкантов – будем танцевать! Нынче муха-цокотуха именинница!”. Сейчас губки покрасит, юбку распушит – женщина! Моя мать такая же была. Когда ампулы с обезболивающими удавалось добыть – пела!..

Клавиш щёлкнул, и божественно добрый и оздоравливающий голос вечно молодого Владимира Трошина пролил на сердца героев бальзам лирики и покоя:

Вечерком за окном
В синем небе мерцает звезда.
Каждый раз в этот час
О тебе я тоскую всегда.
Вижу в сумерках я
В платье белом тебя.
Ты рядом, ты рядом со мной, дорогая,
И всё ж далека, как звезда...

Федя открыл рот от удовольствия и так и не закрыл его до тех пор, пока не вышла сама виновница неожиданного торжества. Это был один из его любимейших певцов и одна из любимых песен.

Следующая тоже была не хуже:

В городском саду играет духовой оркестр.
На скамейке, где сидишь ты, нет свободных мест.
Оттого, что пахнет липа иль река блестит,
Мне от глаз твоих красивых взгляд не отвести...

Ещё мгновение – и Федя опять раскрыл рот, но уже от изумления. Аполлон подхватил Клавдию Ивановну и закружил в вальсе так бережно и нежно, как будто это была его дорогая

и любимая мама. И губки у чудесницы были накрашены, и нарядное платье летело, и со спины ей было двадцать, а в лицо... ну чуть-чуть больше...

– Ты как себя чувствуешь? – спросил Аполлон Федю, когда они были уже на другом конце города.

– На все сто!

– Вот! Если эта неувядающая людоедка так же младенцев грызёт, как нашу кровь пьёт, то трижды благословенен такой каннибализм. У меня сил и здоровья, как у быка!

– Аллегоричная старушка! А какие видения навевает! Как владеет гипнозом!

– Чарами, чарами!

– Ну, пусть чарами, – согласился Федя и неожиданно замер. – Смотри – она!

– Где?

– Да вон – прямо перед нами!

– Не вижу... Ты...

– Постой! Она что-то говорит...

– Не слышу! – не сомневаясь в розыгрыше, съёрничал Аполлон.

– Да заткнись ты! Я тоже не слышу...

– Чего?

– Господи! Да помолчи ты несколько секунд!.. Она только что встретилась с твоей мамой и просила передать тебе... Ну, ничего не слышно... Всё! Исчезла!

– Ну, знаешь... – начал Аполлон и осёкся.!

Бесполезно объяснять почему, но в следующие же секунды он остановил такси. Ещё более бесполезно объяснять, каким образом в этот день и, похоже, в тот же миг о смерти Клавдии Ивановны узнали почти все, с кем она общалась. Не всем же она явилась одновременно? Впрочем, кто его знает...

Когда такси подъехало к домику, там уже стояло пять или шесть легковушек и подъезжали всё новые и новые. “Скорая помощь” подъехать к домику не могла, и уже совершенно ненужная инфарктная бригада с трудом протискивалась к окружённому бывшими пациентами телу. Ошарашенные герои даже и не пытались пройти во двор. Машины подкатывали и подкатывали, люди шли и шли, и в этом неожиданном скорбном, но как будто организованном кем-то (или чем-то!) нашествии было что-то жутковатое.

– А ну, молодёжь, помогите перенести бабушку в дом! – сказал кто-то, и друзья начали протискиваться к креслу-качалке.

Внезапно словно волна прошла по людям. Пятеро “серых пиджаков” одинакового размера продавливали коридор, по которому быстро шёл чернявый низкорослый абориген. Подойдя к креслу-качалке, он, не говоря ни слова, только кивнул своим, совершенно европейского вида, “мамлюкам”, и те тут же подключились к Аполлону и Феде. В полном молчании тело старушки было внесено в дом и положено на диван.

– Бомм! Бомм!.. – совершенно хрестоматийно ударили настенные часы.

Аполлон вздрогнул и, взглянув на Клавдию Ивановну, покрылся пупырышками.

Труп улыбался!

Да был ли это труп?..

КОРРИДА

Стол в зале был накрыт на пять персон. Не стоит описывать сногшибательной сервировки и фантастических по теперешним серым временам разновидностей хлеба насущного. Поверим, что всё, что в таких случаях полагается, здесь было. А случай, по человеческим стандартам, представился знаменательный: Аполлону грянуло тридцать. И если самому герою юбилей не доставлял сколько-нибудь ощутимой радости, то для тётушки это был праздник. Поэтому герой разрешил его отметить.

Как истинный джентльмен!

– Я, тётушка, вообще-то свои дни рождения не праздную, – говорил он, держа вилки в одной руке и салатницу в другой. – Не моя заслуга в моём рождении, а потому нет оснований по этому поводу радоваться. Тем более, что случайность то, что мы родились, закономерность, что умрём. К чему это жизненное мельтешение? Что за радость от него? Да, – раньше хоть Бог где-то был и все на него уповали. А нынче ни свеч, ни светил. Во всё веру мы потеряли! Печальный пейзаж, печальный...

– Поль... ты же обещал...

– Всё-всё, больше не буду! – опомнился именинник и чмокнул тётушку в щёку.

Что в цветеньи радужном для природы пасмурной?

Ей и в счастье горести сердце серебрят.

Только мне осенние ласковые радости,
Словно листья жёлтые, под ноги летят!

– Аполлон! – восхищённо развела руками сразу порозовевшая тётушка и, весело замурлыкав тему из «Фигаро», вышла на кухню.

Племянник поставил салатницу на стол, разложил вилки и подошёл к дядюшке, который рылся в застеклённом антикварном шкафчике, перебирая коллекцию импортных коньяков и вин.

– Брось, Соломон! Бери любую бутылку! Тут же всё высшего сорта! Да и пить будем, в основном, шампанское и только шампанское!

– Опять? Что так?

– А так! Шампанского и в номера!..

– Хулиган!

– Так точно! От сохи!

Где-то в коридоре послышалось хлопанье двери, сопровождаемое громким мужским гудением и тётушкиными ахами.

– Идут, дядюшка, идут! Идут наши сегодняшние собеседники! Заметь, я сказал – собеседники, а не собутыльники!

Из глубины коридора, слегка покачиваясь, выплывало что-то яркое и цветное, которое оказалось огромной охапкой великолепных роз.

Одуряющий аромат ударил по зале!

Из-за невозможности глядеть поверх охапки, Федя выглядывал сбоку.

На его лице застыло мученичество.

– Ну вот, этот подхалим, как всегда, перестарался, – усмехнулся Аполлон и хитро подмигнул Феде.

Тот лишь кисло сморщился и крутанул головой, разминая задубевшую шею.

– Господи! Да чем это вы цветы скрутили? – всплеснула руками тётушка.

– Чем-чем... проволокой какой-то, – выдавил Федя.

– Проволокой? Это же гупер! Весь в мазуте! Варвар вы, Фёдор Петрович, варвар!.. – засуетилась тётушка, с помощью салфетки разлепляя концы проволоки.

– Одну минуточку! – раздался голос Абрама Моисеевича.

Вынырнув из-за Феди, он перехватил розы и, втянув их обратно в коридор, мгновенно освободил от липких объятий гупера. Тётушка тут же поспешила за сосудами, а Федя сразу же был представлен Соломону.

Когда розы распределили по вазам, кувшинам и даже обыкновенным стеклянным банкам и они украсили все пять комнат весьма особой планировки и кубатуры, которые нельзя было сравнить даже с улучшенными, был представлен Соломону и Абрам Моисеевич. С тётушкой он и Федя познакомились ещё в коридоре и произвели на неё самое благоприятное впечатление. Даже Федина специфическая проволока по прошествии некоторого времени воспринималась как своеобразный шарм незаурядности.

– Молодец, Феденька! Денег-то хватило? – шепнул на ухо другу Аполлон, оттянув его на секунду в сторону.

Федя встрепенулся и полез в карман.

– Ещё осталось...

– С ума сошёл!.. – прошипел Аполлон. – Главное сделано! Тётушка довольна!

Пробка хлопнула!

Шампанское зашипело!..

Дядюшка произнёс тост, и все выпили.

Аполлон терпеливо выдержал восторги, которые выразила тётушка, поведав, какой он добрый, талантливый, умный и красивый, и лишь после этого заметил, что Федя и Абрам Моисеевич тоже не из навоза вылеплены.

– Действительно... – согласилась тётушка, и Аполлон облегчённо вздохнул. – Я столько о вас слышала...

Абрам Моисеевич удивлённо приподнял голову. – Обо мне?

– И о вас, но в основном, конечно же, о Фёдоре Петровиче. Фёдор Петрович, расскажите что-нибудь о себе! У вас ведь есть что рассказать, не правда ли?

– Ох, лучше не надо... – замялся Федя.

– Надо, надо! Расскажи, как ты жил у своих дядюшки и тётушки, – подхватил Аполлон. – Ты же грозился мне этим повествованием.

– А что, есть что-то общее с нашим Полем? – заинтересованно хмыкнул Соломон.

– Ну что вы! Я чуть было не повесился...

– Отлично! – Абрам Моисеевич ободряюще похлопал Федю по руке. – Давай, давай!..

– Да ну... неудобно как-то... Получается что-то вроде жалобы. Сейчас, кажется, и посмеяться можно, а тогда не до шуток было... В рассказ даже вылилось...

– Тем более! – воскликнул Аполлон. – Теперь это уже литературный факт, и ты, как пишущий человек, просто обязан нам его поведать! Да не ломайся! Благодарнее и доброжелательнее публики тебе не найти. Тут-то уж тебя поймут правильно!..

– С чего ты взял, что я ломаюсь? – Федя тряхнул головой, и от его прилизанной причёски не осталось и следа. – Тут ведь дело в том, что я вырос в бывшей казачьей станице. Деревня, одним словом. Поля, леса и горы – это, конечно, благо, но город – есть город...

– К культуре потянуло Ломоносова!

– Естественно!

– Аполлон Александрович, не перебивайте! – заметил Абрам Моисеевич.

– Молчу-молчу!

– Тётушка, предварительно обговорившая со своим братом, то есть с моим отцом, житие мое у неё, уже ждала... – продолжил Федя.

Устный рассказ – есть устный рассказ, и поэтому в интересах более полного и последовательного освещения событий, произошедших когда-то, а может быть, и происходящих где-то с кем-то и сейчас, автор знакомит вас с их литературным вариантом. Тем более что он под рукой. Правда, Федя изменил своё имя, но мы вернём его обратно.

Итак...

Родственники

Дверь открыла тётушка.

Она озабоченно оглядела Федю с ног до головы, недовольно поморщилась и, забыв ответить на «здравствуйте!», сразу же завелась:

– Запомни раз и навсегда, что ты попал в рай! Раньше ты жил где? В деревне! С петухами и коровами вместе просыпался и засыпал. А теперь ты будешь жить у нас в

городе... Ты должен гордиться тем, что твои родственники не простые рабочие, а кандидаты наук. Твоего дядю знает весь город, а о твоей тётке ходят легенды. Снимай свои грязные сапоги, надевай вот эти зелёные тапочки и осторожно проходи на кухню...

После такого начала Федя заметно погрузнел, покорно снял совсем не сапоги, а довольно приличные туфли, надел сразу не понравившиеся, чересчур чистые тапочки и пошёл на кухню, где сидел и ел творог пожилой представительный мужчина. Увидев Федю, мужчина кисло улыбнулся и вяло взмахнул рукой:

– А-а! Дядя Фёдор приехал! Ну-ну!.. Присаживайся... Творог любишь?

Федя, из приличия, деланно весело ответил «ага!» и сел за стол. У него не хватило духу сказать, что ещё с детства его при виде творога всегда подташнивало...

После завтрака тётушка, дородная женщина с волевым подбородком и крупными властными чертами лица, повела Федю знакомиться с квартирой.

– Вот это – дядин кабинет, – объясняла она. – В нём он работает, и в нём ты будешь спать вот на этом роскошном диване. Перед сном снимай ковёр, а то протрётся! Да, – на балкон не выходи! Занесёшь грязь в комнату!

Федя испуганно дёрнулся назад и обиженно пожал плечами.

Тётушка продолжала:

– Это дверь в спальню, но тебе там делать нечего. А вот здесь зал. Стой! Куда ты пошёл? Запомни раз и навсегда, что прежде, чем войти в зал, нужно снять тапочки и дальше идти в носках. И своими грязными пальцами ничего не трогай, так как мебель полированная, чешская и стоила таких денег, на которые можно было бы купить «Волгу». Телевизор без спросу не включай и лучше всего слушай радио на кухне... А теперь пойдём – я покажу тебе твою полку для белья и полотенце, которым ты будешь вытираться.

Федя и тётушка прошли в ванную комнату.

– Значит, так, – энергично продолжила родственница, – это вот маленькое полотенце – твоё, а это – твоя полка, на которую можешь класть постель, майки, рубахи и другие вещи. Да, совсем забыла, что это, между прочим, ванна. Купайся сколько хочешь, когда захочешь, но смотри, чтобы после тебя грязи и воды на полу не оставалось!

Тётушка перевела дух и, оглядевшись вокруг, закончила:

– Ключ от квартиры мы тебе не дадим – были кражи. Так что приспособляйся к нашему времени, и вечером, чтоб в десять часов уже спал!..

Перед сном Федя пошёл в ванную комнату купаться, а тётушка время от времени подходила к двери и громко наставляла:

– Купайся как следует! Возить бельё каждый день в прачечную невозможно! Мылься побольше, да смотри не разбрызгивай пену! Убирать будешь сам!..

Осторожно, «как бы не капнуть», Федя помылся и наконец предстал перед очами энергичной родственницы чистый и пахнувший шампунем.

Тётушка тревожно повела носом и всплеснула руками:

– Мой шампунь! Последний флакон! И даже не спросил! Как вам это нравится? Нет, ты не подумай, что мне жалко, но это же элементарная невоспитанность!..

В эту ночь Федя долго не мог уснуть.

– Ну и влип! – думал он. – И неудобно спорить – всё же родственники. А впрочем, о чём спорить-то? Вроде бы ничего особенного. Если это всё, то попробую как-нибудь приспособиться...

Зря он так думал!

Через три дня, за обедом, тётушка объявила, что все умные мальчики и девочки или готовятся в вуз, или уже учатся, и она не потерпит, чтобы у неё в такой семье, в такой квартире жил необразованный и невоспитанный юноша.

– Ты будешь готовиться в медицинский институт! – сказала она. – И не подумай, что я указываю. Просто, по-моему, у тебя с детства выдающихся способностей ни к чему нет, а врачом может стать каждый. Тут большого ума не надо, а главное усидчивость и зубрёжка.

Дядюшка ничего не говорил. Он только кивал головой, и Федя сразу заподозрил, что идея эта его. Как потом выяснилось, во всех мероприятиях, преподносимых ему под соусом благожелательности и самой искренней родственной любви, роль дядюшки была не последней. И хотя насчёт своих способностей Федя имел своё собственное мнение и мечтал о другом вузе, но тут он спорить не стал, чувствуя, что поддержки не встретит.

Ещё через два дня тётушка спросила, показывая Феде листок с рукописным текстом:

– Это что, стихи? Твои?

– Мои. А что?

– Ничего. Решил, значит, податься в поэты?.. Ну-ну!.. – в голосе тётушки зазвучали нотки дядюшкиных интонаций. – Советую сразу бросить и не воображать, что это может стать профессией. Стихи у тебя неоригинальные и подражательские. И вообще, в твоём возрасте все чиркают рифмочки. Вот по соседству живёт сын профессора Басина, так он и стихи пишет, и на пианино играет, и спортом занимается, но всё это хобби, а основное – медицинский институт, где он уже на третьем курсе. Чудный мальчик! Будущий гинеколог! Как помотришь на него, так прямо душа радуется!..

Федя как-то сразу, заочно, стал ненавидеть этого чудесного профессорского мальчика и молча стиснул зубы. Третий день он как проклятый сидел над ставшими ненавистными физикой и химией и настолько трудно продвигался вперед, что временами начинал думать, что действительно лишён даже такого сомнительного дарования, как седалищная зубрёжка до крови из носа. Чем больше он учил, тем меньше запоминал, а то, что с таким трудом вдавливалось в голову, удивительно легко и быстро могло оттуда выскочить, оставив после себя лишь адскую усталость.

Так прошло три недели.

По ночам Феде стали сниться кошмары. Злобно оскаленные химические и физические формулы воинственно наступали на него из космической бездны и кричали тётушкиными голосами:

– Опять ванная грязная!

Потом из той же ледяной черноты выдвигалась авторитетная фигура дядюшки. Торопливо запихивая в рот двумя ложками творог и, давясь и веером рассыпая крошки, фигура испуганно шипела:

– Я тут ни при чём! Я в тени!

Прожевав очередную порцию и как бы оправдываясь, фигура тем же ларингитным сипом доведывала:

– Ты меня извини, но как ты можешь писать стихи, если не знаешь основ грамматики и почти в каждом слове делаешь ошибки? И вообще, Пушкин в твоём возрасте уже написал поэму «Руслан и Людмила»!..

Кульминация была не за горами.

И она грянула!

Однажды ночью Федя вскочил, включил настольную лампу и, воровато оглядываясь на дверь, лихорадочно начал фиксировать на клочке бумаги не претендующие на публикацию, но совершенно искренние в своей непричёсанности следующие строчки:

Какой это, к чёрту, мой дом?

Не дом, а квартира-тюрьма!

Ни жизни, ни отдыха в нём,

А только лишь горы дерьма.

Ненавидящим взором Федя окинул окружающую его среду и снова припал к бумаге:

Куда ты пошёл и зачем?

А где ты провёл пять минут?

“Не с этим дружи и не с тем!..»

И так беспрерывно клюют.

“А ну-ка – сиди целый день!

И только посмей уходить!..»

Я худ стал и бледен, как тень,

– Они ж продолжают давить...

Федя поднял голову и уставился в круглый матовый глаз зеркальца для бритья – единственной его вещи, которую разрешено было держать на виду. Несмотря на преобладание в тётушкином рационе питания мучных изделий, из зеркальца на него глянула измождённая рожка с бешеными воспалёнными глазницами.

– Бр-р... – вздрогнул от омерзения Федя.

Ему стало себя жалко, но тут же волна обиды снова взметнула свой пенистый гребень и повергла бедолагу в свою чёрную пучину. Строчки вылетали из-под пера, как пулёмётные очереди:

А то, как поднимут скандал:

«Ты – бездарь, ты – неуч, ты – глуп!

Ты благ этих в жизнь не видал!

Ты в жизнь не едал этот суп!

Из жалости терпим твой дух!..

Да если не твой бы отец,

Давно бы не портил наш слух

Твой голос, проклятый юнец!»

И тут же: «Мы лучше хотим!

Запомни – мы любим тебя!»...

Таким лицемерьем своим

Пускай утешают себя!

Последний восклицательный знак был поставлен, и, облегчённо вздохнув, как человек, у которого наконец-то вырвали долго и бездарно лечимый зуб, Федя первый раз в этом доме спокойно уснул...

Утром он пробудился, как обычно, оттого, что тётушка раз пять прокричала из кухни, что его любимые макароны готовы. В прошлом любимые макароны давно уже напоминали Феде дождевых червей, и поедать их было настоящей пыткой. А так как поедать всё же приходилось, то, во избежание нежелательных последствий, Федя каждый раз, до и после еды, проигрывал в своём воображении жуткие сцены умирающих от голода граждан, с безумной улыбкой перетирающих слабеющими челюстями древесную кору. И сегодня этот номер, делающий честь Фединому воображению, прошёл без сучка и задоринки – макароны были съедены и благополучно переварены...

Через два дня Федя ушёл от родственников и поселился на квартире у скромной старушки, у которой не было ни ковров, ни ванны, ни мебели стоимостью с автомашину, ни даже телевизора. Тётушка же долго ещё после этого сокрушённо качала головой и с дядюшкиными интонациями в голосе объясняла своим высокообразованным соседям, как приняла племянника «как сына!», с большим трудом прописала, окружила теплом, заботой и вниманием, создала все условия для подготовки в медицинский институт, и как за всё это последовала чёрная неблагодарность и издевательский уход.

– Если бы не ушёл, то наверняка бы повесился. Были такие мыслишки, были... – закончил рассказ Федя и, налив полный бокал шампанского, залпом осушил его.

– Мда-а... – протянул Соломон. – История действительно...

Тётушка Аполлона была в шоке. Совершенно потрясённая рассказом и инстинктивно ища разрядку в действии, она кушала. То есть даже не кушала, а поедала! Салаты, сервелат, икра (не кабачковая!), грибы и многое другое, вне всякой очередности, взлетало и исчезало...

– Хорошо, когда находится квартирочка... да ещё и без решёточки... А то некоторые предпочитают прямо за кордон... – хмуро пробормотал Абрам Моисеевич и тоже жадно припал к своему бокалу.

Федя недоумённо пожал плечами.

– Не жми плечами, Фёдор Петрович, не жми! – продолжил Абрам Моисеевич, освобождая от кожуры апельсин. – Все мы с вами – у себя ли дома, не у себя ли – живём в одних огромных детских яслях. С рождения и до самой смерти всех нас за ручку водят, всех кашкой манной кормят. И попробуй только показать свои атрофированные зубки, да ещё, не дай бог, выйти из строя – так такое «ата-та!» получишь, что навек зайкой сделаешься. Надеюсь, среди нас сексотов нет...

– Пока не похоже, – улыбнулся Аполлон.

– Или теория совпадает с практикой, и тогда она достояние масс и их смысл, или не совпадает, и тогда ей, как падшей красавицей, пользуются всякие мерзавцы для удовлетворения своих низменных потребностей, – продолжал Абрам Моисеевич. – Я надеюсь, все понимают, что я имею в виду?

– Понимают, понимают... Тут все свои... – машинально отозвался Соломон. Он с удивлением наблюдал за тётушкиными манипуляциями.

– Так это же... Наум Аркадьевич... – начал удивлённо Федя, но был прерван.

– Цитирую! Ньюму цитирую! Ну и что? В чём он прав – в том прав! И добавлю от Фрейда, что ничего утешительного человечеству сказать не могу! И сказал он это ещё бог знает когда! А всё потому, что наши политические дистрофики и импотенты думают, что людям можно бесконечно лапшу на уши вешать. Ну, ничего! Всё ещё вернётся на круги своя!..

– И вы этому поможете. Не правда ли? – глаза у Феде вспыхнули.

– Я? Ни в коем случае! Я – туту-у!..

– Вот и получается, что вы, Абрам Моисеевич, лодырь и трепло. Вместо того, чтобы бороться, вы драпаете.

– Федя... – попробовал вмешаться Аполлон.

– Ничего-ничего, Аполлон Александрович! – приостановил его Абрам Моисеевич. – Мы к этому привыкли. Это же опять не его слова, а Ньюмы. Они же типичные жертвы этого социалистического чуда. Его приманкой отравлены. Нашёл, понимаешь ли, себе старик пажа...

Федя приподнялся.

Тётушка неожиданно икнула и, извинившись, поспешно покинула поле боя.

Встревоженный Соломон последовал за ней.

– Так значит, я лодырь и трепло? – продолжал Абрам Моисеевич.

Он и Федя уже ничего вокруг не замечали.

– А ты-то, ты-то что делаешь? Чем борешься?

– Я?.. Пишу книгу!

– Замечательно! Просто замечательно! Которую никогда и нигде не напечатают. А когда ты лихорадочно начнешь её распространять в политых потом и кровью рукописях – тебя запекут. И запекут навечно. Так, что ни одна заграница об этом не узнает. Уж я-то знаю, как это делается! Кто ты такой? Тебя же никто не знает! Ты даже не журналист! Ты просто никому не известный наивный мальчик! Да и такой цензуры, как у нас, нет, не было и никогда не будет. Абсолютная монополия! Тотальный партийный монархизм! За Булгаковым лично следил Сталин, запретив его печатать, а Зоценко, как щенка, затравили... Как цуцика!.. Думаешь, сейчас веселее? Я же представляю, какие у тебя россыпи... С твоим-то лобовым характером... Да сгноят тебя! Сгноят! Или аварию устроят. Или кирпич случайно на голову уронят с пятого этажа. А впрочем, это слишком хлопотно. Скорее всего, в какой-нибудь столовке, где ты будешь набивать свой желудок антисанитарией, капнут в стакан с компотом капельку – и помрёшь ты через недельку от вроде бы сальмонеллёза или какой-нибудь ещё вполне возможной инфекции...

В зал вошёл Соломон.

Руки у него дрожали

Глаза беспорядочно бегали.

– Поль... – пробормотал он. – Тётушке плохо... Надо вызывать «скорую»...

Аполлон вскочил.

Федя сел.

– Спокойно, ребята, спокойно, – неожиданно мягко и тихо сказал Абрам Моисеевич, и все усталились на него. – Что с ней? Только конкретно!

– Похоже... объелась... – нерешительно начал Соломон и умолк.

– Да-да... Тут грибы были... Тут салат... – Абрам Моисеевич быстро осматривал заметно опустошённый стол. – Федя, за мной!

Федя кивнул и, сорвавшись с места, побежал за оппонентом.

Соломон жалко улыбнулся и выдавил:

– Вот тебе и праздник...

Аполлон резко выдохнул:

– Не нервничай, не нервничай! Федя фельдшером на «скорой» вкалывал, а Абрам Моисеевич... Что только не умеет Абрам Моисеевич!..

Из глубин квартирных палат послышались отчаянные вопли тётушки и властные окрики Абрама Моисеевича и Феде.

Дядюшка побледнел еще больше.

Крики перешли в плач и такие стоны, что даже у Аполлона по спине побежали мурашки.

– Ничего-ничего... – пробормотал он. – Обыкновенное промывание желудка...

Через полчаса все, кроме тётушки, снова сидели за столом, а оппоненты наперебой рассказывали такие весёлые истории, что Соломон с Аполлоном только диву давались. Та же, в сторону которой был направлен этот психотерапевтический шквал, влюблёно глядела на них с дивана и улыбалась. Постепенно возвращающиеся на её лицо краски показывали, что медицинская помощь была оказана вовремя и на весьма высоком профессиональном уровне.

– Произвели вы впечатление на тётушку! Ничего не скажешь... – говорил через некоторое время Аполлон, провожая Федю и Абрама Моисеевича.

– Да уж... – хмыкнул Федя. – Ну и темень!

Темень действительно была египетская.

Дело в том, что уличные фонари были исправны, но не горели. Экономная экономика и на них уже наложила свою костлявую лапу. Где-то вдалеке, над смутно обозначающимися контурами крыш виднелись отблески нормального городского зарева. Это иллюминировал островок центра города с несколькими площадями, министерствами и основными общественными учреждениями. Здесь же, не в самом центре, было темно.

– Куда ты ведёшь нас – не видно ни зги? – поддержал Федю Абрам Моисеевич.

– К правде и свету! – откликнулся Аполлон.

Федя запнулся.

– Опять шнурок...

Присев на корточки, он начал на ощупь приводить в порядок ботинок.

Абрам Моисеевич и Аполлон замедлили шаг и остановились.

– Мда-а... Квартирочка у вас то, что надо. Прямо выставочный образец из светлого будущего трудящихся, – неожиданно вырвалось у Абрама Моисеевича.

Это было, видимо, основное, что занимало его мысли сейчас.

– Никак ваш дядюшка – работник ЦК.

– Ну, что вы! – махнул рукой Аполлон.

– Тогда Совмина.

– Мимо! Опять мимо!

– Ну, тогда не знаю...

Аполлон ждал такого вопроса. Удивление Абрама Моисеевича было вполне естественным. Любой нормальный советский человек удивился бы.

– Вам ли не знать, Абрам Моисеевич, нашей третьей общественной привилегированной категории!

– Жулики, что ли?

– Они! Жулики и аферисты!

– Ну... Не знаю... Что-то непохоже...

– Ещё бы! Ни бандитской рожи, ни кинжала. Так?

– Ну, знаете, даже если это правда, то я не понимаю вас...

– Ещё бы! Естественнее было бы бегать по улицам и отделениям милиции и кричать, что пора моего любимого дядюшку сажать?

– Всё равно – не понимаю...

– Господи Иисусе Христе! – вскричал Аполлон. – Ты спас разбойника на кресте. Ты спас апостола Петра на море. Спаси, Господи, страну, где вор на воре! Мой дядюшка – жулик и аферист по государственному, конечно же, негласному принуждению! Он – торговец связями и афёрами, обличёнными в уголовно не наказуемые рамки! И уж если через кого-то ему удаётся достать что-то для другого кого-то (а удаётся это всегда!), то кому-то где-то это что-то лишь фото! То же самое воровство, но только на недостижимом для уголовного кодекса уровне. Вариантов тысячи! Правда, кое-где этот процесс называют бизнесом, но в наших тотально плановых условиях это чистейшей воды махровейшее воровство!

– А-а... – облегчённо вздохнул Абрам Моисеевич. – А я-то уже начал подумывать...

– Не управляющий ли шашлычниками и пивниками? Не директор ли ресторана или базара? Не цеховик ли? Не просто ли сволочь какая-нибудь? Так?

– Ну, что-то вроде... Федя, ты что там – подошву привязываешь, что ли?

– Да тут шнурок порвался... – откликнулся из темноты гений.

Улица осветилась.

Надсадно ревя мотором, из-за угла вывернула машина.

То, что произошло в следующий миг, было понятно лишь Аполлону. Фары метнулись и зафиксировались на поднимающемся и качнувшемся от неожиданного светового изобилия Феде. Дверца в кабине машины хлопнула, и к урчанию мотора, переключённому на холостые обороты, прибавился топот солдатских сапог. Из темноты прямо на Аполлона и Абрама Моисеевича выбежал дюжий мужчина. Его оловянные глаза были неподвижны, а движения по-спортивному экономны и автоматизированы. Если бы не форма, в искусственном освещении отливающая черным, то можно было бы принять его за марафонца, находящегося где-то посередине дистанции. Пахнув лошадиным потом и прогремев мимо отшатнувшегося Аполлона и Абрама Моисеевича, мужчина, как цунами, накатывался на доверчиво шагнувшего навстречу Федю.

– Ошибка! Назад! – хрипло рыкнул кто-то из темноты, и мужчина, не замедляя хода, сделал зигзаг. Описав чёткий полукруг, он уже бежал в обратную сторону.

Дверца машины снова хлопнула, мотор взревел, фары скользнули в сторону, и чёрная громадина (теперь уже было видно что громадина), покачиваясь, как танк, проследовала дальше, вглубь неосвещённых городских джунглей.

– Чёрный ворон, ты не вейся над моею головой! – прозвучало в ещё более чёрной темноте.

Абрам Моисеевич, близоруко шурясь, недобро смотрел вслед удаляющейся машине.

Подошёл Федя.

– Что ж вы стоите? Я уже всё!

– Пока не всё, но могло бы быть и так, – раздалось из той же темноты.

– На облаву похоже... – наконец вырвалось у Абрама Моисеевича.

– Ну что вы! Какая облава! Спецмедслужба, о благодарные граждане налогоплательщики! – успокоил Аполлон, и в темноте обозначился его силуэт. – Последняя помощь трудящимся, находящимся в крайней степени опьянения. И не только от успехов! Не дай бог, замёрзнете или какой-нибудь дикий конкурент карманы обчистит! Там же – в теплоте и не сырости – это проведут в организованном порядке, да ещё и помассируют кирзовыми сапожками мала-мала... для большего сугрева!.. А если вы, опять же, не дай бог, начнёте выступать, то бишь права качать, то всё это возведут в высшую степень, напишут на бумажечке «алкогольное опьянение со смертельным исходом» – и айда ко всеобщему равенству и кайфу! Ты сегодня сколько шампанского выпил, Феденька?

– Бокала три... четыре...

– Достаточно, голубчик! Бывали случаи, что вскрытие не обнаруживало и грамма алкоголя – и то всё сходило с рук. Счастливчик! Просто счастливчик! Надо же было так ровно и дружелюбно вышагивать навстречу своему ангелу-хоронителю. Сегодня тебя твой наив спас, но так будет не всегда! Не всегда-а! Правильно я говорю, Абрам Моисеевич?

– Неужели и сегодня так? – съёрничал бывший зек.

– Может случиться, что не так, но мало вероятно! К сожалению и, увы! Я в эти богадельни попадал, и всё вот так! А сегодня, судя по поступающей информации от пострадавших, всё хуже и хуже. Вообще, я не понимаю вашей иронии. Вы по каким мотивам линять за кордон-то собираетесь?

– Ну не по этим, конечно...

– Да-а? Аристократ вы, Абрам Моисеевич. Неисправимый идеалист, хотя и верится в это с трудом. Неужели и вы ещё не убедились, что нет ничего неприятней, чем боль физическая? В нормальном нашем бытии, конечно. От неё породилась душевная, а не наоборот! Ну, ладно! Что прошло, то прошло, и, слава Богу – мимо. Идёмте, други! Идёмте вперёд!..

ЦВЕТУЩАЯ НЕВРАСТЕНИЯ

– Не хватайся за пульс! Отпусти свою руку! Отпусти! Что ты вцепился в неё? Да что ты считаешь? Не надо считать!

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть... Я не успеваю! Не успеваю!.. Где-то около двухсот... Наверняка и давление там же... Аритмия!.. Тахикардия!.. О! Нет пульса! Темно!.. Мама родная!.. Есть!.. Опять замолотил!.. Ужас!.. Ужас!..

– Да не мечись ты! Ничего страшного! Только пустое сердце бьётся ровно. Я тебе это как медик говорю, а не как поэт, великий писатель и просто гений.

– Издеваешься!.. Тебя бы так!..

– Так у меня было! Набери воздух и удержи дыхание на сколько сможешь, но не мучаясь... И медленно выдыхай...

– Смеёшься... Я задыхаюсь... И давление...

– При таком пульсе это нормально. Некоторые вообще коньки отбрасывают. Дай посчитаю!

– Успокоил... На!.. О! О-ох!..

– Что такое?

– Отпустило! Опять отпустило! Господи, как хорошо-то! Какой покой! Стой! Не отпускай! Не отпускай руку, тебе говорят!

– Да ради бога! Давай, всё-таки посчитаю... Раз, два, три, четыре, пять...

– Шестьдесят! Сейчас шестьдесят. Или семьдесят. Можешь не считать. Я без часов знаю. Насобачился! Как тебе это удаётся? Уже третий приступ снимаешь. Держи руку, держи!

– Знал бы как – тебя бы научил.

– Это зеркала! Это они тебя продвинули!

– Ну и, слава Богу!

– Точно! Отче наш иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет царствие Твое...

– Поверил наконец-то!

– Прижопит – и ты поверишь!

– Так я уже давно “Отче наш” пользую. Помогает! А мусульманам или евреям их молитвы помогают. А дикарям – их! Я думаю, можно и деревяшке молиться, и камешку, и чему угодно и куда угодно – тоже поможет, если настойчивым быть. Тут какая-то одна и та же дверь открывается. Во все времена для всех и в одно и то же.

– Программа! Программа!

– Вот именно. Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли!..

Предсказанная, и вместе с тем, такая неожиданная смерть Клавдии Ивановны не только свела на нет её лечебные усилия, но и усугубила клиническую картину заболевания героя. Сердцебиения и страхи, которые раньше были нечасты и мимолётны, хлынули теперь, как... Ну, пусть как из того же самого знаменитого ведра. И особенно – после дня рождения. Мало того! Если раньше иногда и выдавалась спокойная ночь, то теперь эта вакансия была занята самой чудесницей. Она каждый раз вначале грозила пальчиком и, как и мама, сетовала на то, что её тоже похоронили живую, а потом, глотая слюнки, деликатнейшими и изощрённейшими способами умерщвляла младенцев. Остановив преступную жизнь (а вы, конечно, помните, что бабуля уверяла, что кушает только будущих убийц и маньяков), она, не торопясь и смакуя каждый глоток, сначала выпивала их кровь и лишь потом, взяв ножик и вилку, принималась за мясное. Нет, она не ела сырое! Она раскрывала целый набор кулинарных фолиантов и, приготовив нечто потрясающее, сервировала стол. И трапезничала, и трапезничала, хрестоматийно-сказочно приговаривая: “Покатаюся, поваляюся, Ивашкиного мясца поемши!”...

Смешно, конечно! Но всё, что слишком, почти всегда выглядит смешным. Это со стороны, которую происходящее никак не касается, а не для того, кому это “слишком” улыбнулось так, что вывихнуло челюсть. И если человек всё время так и брызжет весельем, то это не всегда соответствует его истинному состоянию. Об этом уже было сказано! Тем более что неврастенические муки – муки внутренние и зачастую внешне плохо заметные, а иногда, из-за доброты их обладателя, умышленно спрятанные вот под такой расчудесной и не тревожащей окружающих маской.

Вы спросите: “А что же Наум Аркадьевич?”. А что Наум Аркадьевич! Он говорил, что лучший лекарь при таких болезнях – время, но болезнь-то была сегодня, а до завтра надо было ещё дожить. Поэтому он-то и был инициатором посещения Аполлоном Клавдии Ивановны, а Соломону оставалось лишь позвонить и договориться. Тем более что герой наотрез отказался от консультаций у психиатров. Как и все советские граждане, он боялся их так же как ОГПУ, оно же потом НКВД, оно же потом КГБ, оно же потом... В общем, боялся всегда! И правильно делал! Посещение психиатра в СССР – это хуже, чем приговор суда. Это не искупаемое никогда и не смываемое ничем клеймо на всю жизнь!

Ну вот, пока я говорил, очень мелодично и целебно отзвонили колокола Никольской церкви, а из широкоформатного кинотеатра “Целинный” повалил народ с очередного забойного фантастически-мистического голливудского боевика, где никого не было жалко, хотя кровь лилась рекой и волосы становились дыбом. Захваченный потоком людей совершенно реальный, а потому по-настоящему страшный и грязный, бомж (человек без определённого места жительства) сел на скамейку и, развернув обрывок бывшей скатерти, начал осторожно обкусывать кусок батона.

Батон не поддавался.

Постучав им о скамейку и прислушавшись к звуку, бомж аккуратно положил его на травку и, укрыв обрывком скатерти распухшие гноящиеся ступни ног, вытянулся на рейках и захрапел.

– Знавал я нищего. Как тень,
С утра, бывало, целый день
Он всё по улицам ходил
И по-да-яние просил.
Но всё, что в день ни собирал,
То всё он бедным отдавал:
Больным, сиротам и слепцам.
Таким же нищим, как и сам,

– раздалось за спинами героев, и Наум Аркадьевич сел на противоположную от бомжа скамейку, а приятно удивлённые герои расположились рядом.

– Только что смотрел импортный фантастический кошмарик, так это будет позабористее,
– кивнул доктор в сторону бомжа.

– А я так понял что вы уехали! – вырвалось у Аполлона.

– Ну, правильно! Я ещё и не приезжал. Я на часок... А кино – это у меня такая традиция. Ну, что-то вроде как у наших космонавтов – всегда перед очередным полётом смотреть кино. Не “Белое солнце пустыни”, конечно, а что дают.

– И что твой киргизский друг? – спросил Федя.

– Сестру перевели на дополнительное обследование в кремлёвскую больницу.

– Ого! – оценил Аполлон. – Что ж вы такую чепухню смотрите? Вон в “Ала-Тау” сегодня вполне приличный фильм идёт.

– Ну почему чепухню? Шикарный цвет, костюмы, грим, спецэффекты. Везде, где хоть часть созидательного таланта, – реализовавшийся Бог, а где счастливый Бог – там мне радость такая же, как встреча с самим собой, но в другой грани качества! А вы от церкви очухиваетесь. Угадал?

– В яблочко! – улыбнулся Федя. – Сегодня это уже третья божественная обитель. В мечети были, в синагоге тоже, здесь побывали, и везде у шефа чудовищные сердцебиения.

– Как заходим в храм, так сначала какое-то невероятное веселье накатывает, а потом так в горле стучать начинает, что вот-вот сосуды полопаются, – подтвердил Аполлон. – Если бы не святой Фёдор, мне бы – хана. У него такая способность открылась, что цены ей нет... Наложением руки приступ снимает. Может быть, он что-то ещё может... Надо бы вам, по приезду, проверить. Похоже Клавдия Ивановна его чем-то зарядила. Без него мне теперь – никуда!

– Бесы! Бесы в вас веселятся, святые вы мои, – лукаво улыбнулся доктор. – Топить вас надо да на костерке поджаривать!

В тени косматой ели

Над шумною рекой

Качает чёрт качели

Мохнатою рукой.

Качает и смеётся:

Вперёд – назад, вперёд – назад!

Доска скрипит и гнётся,

О сук тяжёлый трётся

Натянутый канат...

– Поэтическое у вас настроение. А нам не до лирики, – заметил Аполлон.

– А мне до лирики – всегда! Особенно до классики. Меня всегда после технократических шедевров на живую классику тянет. К Шекспиру, к Пушкину...

В хрустальном блеске влажной ночи

Прозрачный воздух онемел.

С блаженной страстью смотрят очи

В недостижимый предел.

– Это не Пушкин! – удивился Аполлон.

– Конечно! И даже не Шекспир! – радостно воскликнул доктор. – Но тоже искра Божья.

К живой звезде звезда стремится,

И в душу просится звезда.

Пускай всё то, что мне приснится,

Ещё не снилось никогда...

– Классно! – воскликнул Федя.

– Ещё бы! – согласился доктор. – А как вот это? В той же декорации, но совершенно другой автор:

На лунном небе чернеют ветки...

Внизу – чуть слышно шуршит поток.

А я качаюсь в воздушной сетке,
Земле и небу равно далёк.
Внизу – страданье, вверху – забавы,
И боль и радость – мне тяжелы.
Как дети, тучки тонки, кудрявы...
Как звери, люди жалки и злы.
Людей мне жалко, детей мне стыдно,
Здесь – не поверят, там – не поймут.
Внизу мне горько, вверху – обидно,
И вот я в сетке – ни там, ни тут.
Живите, люди! Играйте, детки!
На всё, качаясь, твержу я “нет”.
Одно мне страшно: качаясь в сетке,
Как встречу тёплый земной рассвет?
А пар рассветный, живой и редкий,
Внизу рождаясь, встаёт, встаёт...
Ужель до солнца останусь в сетке?
Я знаю, солнце меня сожжёт.

Бомж перестал храпеть.

– Мда-а... – протянул Аполлон. – Американцам бы это не понравилось. Они бы живенько вместо “сожжёт” всобачили “спасёт”. У них “хеппи энд”, как отчаянный крик загнанного в угол смертной перспективой.

– Так оно и есть! Страшно не хочется помирать сытому да здоровому. До пороссячьего визга! – согласился доктор. – Но только классика по-настоящему оптимистична. Даже если это похоронный марш Шопена или свадебный марш Мендельсона. Хотя там здоровья и безконфликтности не очень... Это пропуск! В более осмысленное и бессмертное. Кстати,

мне, как физиотерапевту, а значит, профессиональному солнцепоклоннику, “спасёт” тоже более близко, чем “сожжёт”. Но попробуй замени слово – и сразу другой автор получается. А некоторые, например, и без профориентации до сих пор считают, что солнце и есть самый настоящий Бог...

– Вера одна, а религий, что звёзд на небе! И каждая считает, что она истинная, а остальные – чушь. Я думаю все они – чушь, – вздохнул Аполлон.

– Не скажи! – не согласился доктор. – Как сдерживание беспредельной агрессивности на созидательном уровне, любая – благо. Хотя всё это – игры! Но полезные! Опять же, если не начинают так увлекаться, что в конце концов лишь гнобят друг друга да убивают. В каждой есть что-то конкретно полезное. У христиан, например, это вполне терапевтические посты, у мусульман – доминирующая физиотерапевтическая поза моления и регулярные омовения, у иудеев – запрет на одновременное употребление в пищу мясных и молочных продуктов и обязательный отдых и праздник один раз в неделю и в один и тот же день, у буддистов – медитации. И все вместе они, безусловно, несут психотерапевтическую функцию. Но, например, порог синагоги я не переступил ни разу за всю свою большую жизнь. Хотя, кажется, должен был бы это сделать даже по записи национальности в паспорте или из простого любопытства. А знаете почему?

– Действительно, почему? – спросил Федя.

– Вот! Даже он не знает. Хотя причина насколько для кого-то чепуховая, настолько для меня принципиальная и никакого отношения к вере в Бога не имеющая. Вы, может быть, этого тоже не знаете, но фундаментально-радикально религиозные евреи считают себя избранными, а всех остальных – гоями. Я думаю, от этого слова родилось слово “изгой”. И эта тенденция и остальные религии не обошла. Заметьте, я про фундаментально-радикально религиозных, а не про нормально верующих. Это совершенно разные качества. И узнать, кто есть кто, очень просто: вера в Бога и присутствие злобы и агрессивного шовинизма – нонсенс! По-настоящему верующий не может быть ни злым, ни нетерпимым, потому что где Бог, там всегда и везде – любовь. А всякие ритуалы и правила... Ну, я уже сказал – придуманные людьми игры! Для закрепления рефлексов. Вот вы по храмам прогуливаетесь, а много ли там верующих? Верующий – это тот, кто всё время старается соответствовать образу и подобию Божьему. То есть он – ЧЕЛОВЕК, а не скотина или зверь. То есть каждый раз он сам должен решать, как ему поступить: убить – не убить, своровать – не своровать, плюнуть – не плюнуть. И никаких раз и навсегда верных правил: всё по обстоятельствам. Но всегда и везде – любовь, доброжелательность и максимально возможное “Не навреди!”. Даже в случаях убийства как самообороны и воровства как крайнего средства для выживания. О прелюбодеянии я вообще молчу... Так вот круто религиозный еврей не должен якшаться, а тем более вступать в брак с неевреями! И при каждом вынужденном контакте он обязан плевать в сторону гоя (не еврея!), показывая его низкородность и, соответственно, свою высокородность. Вот такие вот пироги! И ведь это придумали задолго до Геббельса и Гитлера. Те, правда, уже пулями да газовыми камерами плевались, а не слюной и мокротой. А почему? Потому, что жизнь всегда ударяет тем же концом, каким бьют её. Только сильнее. Вот и показала миру своё кровавое мурло очередная “избранность”. Да по тем, кто свою «избранность» в свою религию или идеологию всобачил, в основном и ударила. Вернулась, так сказать, с тысячелетними процентами. Карма это! Карма! Ну не может фанатик быть человеком! Или – баран, или – индюк! Да если бы я... то есть – Бог действительно объявил,

что вот, мол, эти всегда будут рождаться избранными, а остальные – нет, то он, тут же разжаловал бы сам себя в дьяволы.

– Мощно сказано! – выдохнул Аполлон.

Вот именно! Поверьте мне – эта, чисто политическая, выдумка не имеет никакого отношения к Богу. И гиюр тому подтверждение. Рассчитывать на особо бурную рождаемость и выживаемость не приходилось, вот и придумали когда-то для более надёжного и быстрого пополнения своих рядов посвящение в иудаизм, то есть гиюр. Как прошёл гиюр, выдержал экзамен, так ты вроде бы уже еврей или еврейка, что ещё лучше, так как национальность тут передаётся по матери – и по тем же причинам. И эту целесообразность практичные евреи обнаружили быстро, но основную и сиюминутно невыгодную сразу же отбросили и перестали замечать. Прививку от шовинизма отбросили! То есть Бог, улыбнувшись на догадку евреев – гиюр, прямо подтвердил, что нация – это не кровь! И слово «иудей» – было придумано им только как опознавательный знак. Чтобы не забывали про опасность шовинизма. Так вот давайте окончательно представим, что я – Бог.

– А что представлять? Для меня так оно и есть! – сказал Федя.

– Ну вот! И раз я заключил договор с кем-то, то и спрос с него особый, а значит за нарушение договора и наказание соответственное. Вот и не любят евреев сознательно, подсознательно и постоянно за главное нарушение этого договора – за заяву, что они избранные. В смысле – лучшие и достойнейшие. И что бы не говорили эти евреи из евреев в своё оправдание, а на бытовом уровне имеют ввиду только свою голубую кровь и только кровь! Да разве бы я заключал договор на только хранение моего Слова и использование его лишь для внутреннего пользования для какой-то кучки? Да если бы большая часть потомков Адама и Евы стала совершенно негодной, то я бы просто истребил её и оставил и размножил пусть меньшую, но лучшую, как при потопе. Но ведь все не блещут! И истреблять – бестолку! Я дал своё Слово какой-то части и назвал их евреями, чтобы они хранили его, усваивали и несли всем остальным. Усваивали – обязательно! Надо соответствовать тому, чему учишь. Иначе всё зря! А где соответствие? Что это за гои и избранные? Хапанули Слово и начали наваривать на нём проценты избранности! А как же! Невозможно быстро сколачивать себе политический и физический капитал, если не сталкивать людей лбами. Вот и манипулируют и законами божьими и самим Богом – лишь бы доход был. А уж понятием “нация” – в первую очередь! Как стал евреем, или родился от еврейки, или записали тебя немцем, американцем или русским, так сразу же превратился вроде бы в более качественного, и ты уже не просто человек разумный, а избранный, для чего наличие ума и сердца совсем не обязательно. И никакой ответственности! Кайфуй – и всё! Это же возмутительно! Нет более разрушительного соблазна для человечества, чем изначальная и пожизненная избранность для одних и неизбранность для других! Вот поэтому моей ноги не было и не будет не только в синагоге, но и там, где любого пошиба “избранные” чешут свою антибожью избранность и радуются по этому идиотскому поводу. И я не за равенство, нет! Есть приобретённая и предками, и теперь живущими, и мутациями предрасположенность к чему-то. Но если её не подтренировывать, то она в конце концов – тью-тью. И созидательная и разрушительная! Через семь, там, поколений или через два – неважно. Рождаются, мои дорогие, всегда предрасположенный ко всему и одновременно ни к чему человеческий сырец. Ну, кроме патологий, конечно. Это я вам как старый врач говорю. Ещё той, дореволюционно-эволюционной школы! А были и есть такие, которые всегда пели и поют:

Живи, пока живётся.

Хапай, где попадётся.

Пой песни, не тужи

И фасон держи!

Нет равенства, но есть совесть! Тут как-то я рифмовал в молодости, да и сегодня частенько повторяю:

Эй, приятель, кто б ты ни был,

Знай, нет равных меж людей,

Как и нет под этим небом

Равных спичек и гвоздей.

Но есть близкие по духу,

Убеждениям и делам.

Совесть! Совесть! Совесть! Совесть!

Вот что очень нужно нам!..

Там, где совесть, – там свобода!

Там любовь сильнее огня.

Так да здравствует же совесть!

Совесть – вот порядок дня!

Совесть нужна! Совесть! Она абсолютный биологический и психологический предохранитель от саморазрушения. В ней голос Бога и его действие для человека. И каждый может стать избранным и даже слиться с Богом – и одновременно быть собственной частью с сохранённым неповторимым “я”. Но стать и быть, а не родиться! И каждый может стать ничем, родившись с генетической предрасположенностью к Богу.

– Ну, почти все мои мысли! Удивительно! Да вы глубоко верующий! – воскликнул Аполлон. – А у меня вначале создалось впечатление, что вы самый ярый воинствующий атеист.

– Я? Чего вдруг? Ни-ког-да! – в тон герою выкрикнул доктор и пропел припев песни о Ленине, заменив слово “Ленин” на слово “Боже”:

Боже – всегда живой!

Боже – всегда с тобой!

В горе, в надежде и в радости.

Боже – в твоей весне,

В каждом счастливом дне.

Боже в тебе и во мне!

Бомж открыл глаза и уставился на святую троицу.

– Представление о Боге у многих убогое. А так – что ж мне... то есть Ему не быть! Куда глазом ни кинь – везде смысл и мудрость божественная.

Когда волнуется желтеющая нива,

И свежий лес шумит при звуке ветерка,

И прячется в саду малиновая слива

Под тенью сладостной зелёного листка;

Когда, росой обрызганный душистой,

Румяным вечером иль утра в час златой,

Из-под куста мне ландыш серебристый

Приветливо кивает головой;

Когда студёный ключ играет по оврагу

И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, –
Тогда смирятся души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

Но, я вам скажу, и человек – не чепуха на постном масле, если он, конечно, человек, а не двуногая скотина. Вот, слушайте!

По горам, среди ущелий тёмных,
Где ревел осенний ураган,
Шла в лесу толпа бродяг бездомных
К водам Ганга из далёких стран.
Под лохмотьями худое тело
От дождя и ветра посинело.
Уж они не видели два дня
Ни уютной кровли, ни огня.
Вдруг вдали во мраке непогоды
Что-то там мелькнуло на пути;
Это храм, – они вошли под своды,
Чтобы в нём убежище найти.
Перед ними на высоком троне
Сакья-Муни, каменный гигант.

У него в порфировой короне –
Исполинский чудный бриллиант.
И сказал один из нищих: “Братья!
Ночь темна, никто не видит нас,
Много хлеба, серебра и платья
Нам дадут за дорогой алмаз.
Он не нужен Будде! Светят краше
У него, царя небесных сил,
Груды бриллиантовых светил
В ясном небе, как в лазурной чаше...”
Подан знак – и вот уж по земле
Воры тихо крадутся во мгле.
Но когда дотронуться к святыне
Трепетной рукой они хотят –
Вихрь, огонь и громовой раскат,
Повторённый откликом в пустыне,
Далеко отбросил их назад.
И от страха всё окаменело,
Лишь один – спокойно-величав –
Из толпы вперёд выходит смело,
Говорит он Богу: “Ты неправ!
Или нам жрецы твои солгали,
Что ты кроток, милостив и благ,
Что ты любишь утолять печали

И, как солнце, побеждаешь мрак?
Нет, ты мстишь нам за ничтожный камень,
Нам, в пыли простёртым пред тобой, –
Но, как ты, с бессмертной душой!
Что за подвиг сыпать гром и пламень
Над бессильной жалкою толпой!
О, стыдись, стыдись, владыка неба,
Ты воспрянул – грозен и могуч, –
Чтоб отнять у нищих корку хлеба!
Царь царей, сверкай из тёмных туч,
Грянь в безумца огненной стрелой, –
Я стою как равный пред тобою
И, высоко голову подняв,
Говорю пред небом и землёю:
Самодержец мира, ты неправ!”.
Он умолк, и чудо совершилось:
Чтобы снять алмаз они могли,
Изваянье Будды преклонилось
Головой венчанной до земли, –
На коленях, кроткий и смиренный,
Пред толпою нищих царь вселенной,
Бог, великий Бог, – лежал в пыли!

– Вау! – вскрикнул бомж и скатился со скамейки.

– Классика! – развёл руками Наум Аркадьевич и... исчез.

Друзья тупо уставились в то место, где он только что был.

Аполлон начал бледнеть...

Федя тут же схватил его за руку и кивнул в сторону левого ответвления аллеи:

– Вон он!

В конце аллеи мелькнуло что-то похожее на доктора, но...

В горле, несмотря на рукопожатие Феди, застучало, и ужас приступа метнулся и снова сжал мир в точку.

ВЗВЕЙТЕСЬ КОСТРАМИ, СИНИЕ ОЧИ!

Собирайтесь, бури, в кучу,

Затевайте хоровод!

Чтоб одну большую тучу

Представлял весь небосвод.

Чтобы ветры завывали

И клонились деревца.

Чтобы молнии сверкали

Без начала и конца.

Чтобы вихри подхватили

Мой затерянный челнок

И в свой танец закрутили,

Как сорвавшийся листок.

И в стихии танце диком

Я нашёл бы свой удел.

И с последним сердца криком

Свой бы танец завертел!

Федя прослезился. Перед ним стояло его детство. Мальчик в застиранной рубашонке и с тщательно отглаженным пионерским галстуком был бледен. Похоже, что последний крик сердца уже начинался.

Однако молодость и природа взяли своё. На лице мальчика появился румянец, дыхание упорядочилось, бешеные глазищи восстановились в прелестные голубые фонарики – всё встало на свои места.

– Кто ещё прочтёт свои стихи? – вытирая глаза, спросил Федя.

Аудитория молчала.

– Прав Польш! Бог талантами не сорит! – подумал Федя, оглядывая ошарашенно примолкших ребят.

Аполлон был лёгок на помине. Незадолго до очень экспрессивно прочтённого мальцом стиха он незаметно вошёл в зал и присел на одно из крайних кресел в самом заднем, погружённом в полумрак ряду. Пока Федя проводил что-то вроде импровизированного конкурса чтецов, он сидел тихо, но когда в воздухе повисли примерно такие определения, как «адонический стих», «акромнограмма», «эвритмия» и “эпитафия”, душа директора не выдержала.

– Фёдор Петрович, сделайте перерыв! Больше сорока пяти минут Минздрав проводить занятия не рекомендует! – раздалось из галёрного полумрака.

– А разве уже больше?

– Ещё как! Дети, можете выйти и умеренно побеситься!

– Ура-а! – грянуло в зале.

Сбивая друг друга, юные дарования ринулись в фойе.

Прорыв был столь стремителен, что в первые секунды в дверях образовалась пробка. Радостно визжа и гикая, подопечные детского сектора лезли друг на друга.

Наконец, с криками того же «ура!», дико орущее племя вырвалось на творческий беговой простор, а Аполлон, усмехаясь, прикрыл двери и пошёл навстречу спускающемуся со сцены другу.

– Посмотри, философ, до чего ты довёл наше будущее! Ещё немного – и алес капут! Это же не корявые корни писательских дубов – это цветы! Они могут повянуть!

– Да ну тебя!.. Что мне – больше всех надо? То с экстремистами нянчиться приходится, то детский сектор в декрете...

– Ну, положим, с театром поэзии сейчас мучаюсь я, а вот с детишками тебе полезно было бы пообщаться. Детское восприятие для гениев не лишнее. И потом, упорные слухи переползают из столетия в столетие. Ну, что их устами глаголит истина. А истина – это тебе не газетная передовица. Помнишь голого короля Андерсена? Вдруг детишки про ещё одного проболтаются? Они же такие! Им всё можно!

– Поль, да я...

– Хоть ты мне и друг, а истина дороже! Истина – вот знамя молодёжи! Временно освобождаю от всех других обязанностей и возлагаю только эту. Выше знамя пионерского энтузиазма и задора! Да что ты скукожился-то? – Аполлон кивнул в сторону фойе.

То, что оттуда доносилось, можно было вполне представить как шумовое оформление к ожившему шедевру Карла Брюллова «Последний день Помпеи».

– “Это чей там смех весёлый? Чьи глаза огнём горят?”. Да подними ты голову! Я же тебя не в колхоз на картошку посылаю, а в самую гущу творческого кипения. Дети – это тебе не прогрессивно дегенерирующие переростки, то бишь мы. Их ещё не прибили мешком программных документов и казённым словоизвержением под копирку. Иди, Федя, иди на встречу к самому себе!

– Да ну тебя!.. Что мне – больше всех надо? То с экстремистами нянчиться приходится, то детский сектор в декрете...

– Ну, положим, с театром поэзии сейчас мучаюсь я, а вот с детишками тебе полезно было бы пообщаться. Детское восприятие для гениев не лишнее. И потом, упорные слухи переползают из столетия в столетие. Ну, что их устами глаголит истина. А истина – это тебе не газетная передовица. Помнишь голого короля Андерсена? Вдруг детишки про ещё одного проболтаются? Они же такие! Им всё можно!

– Поль, да я...

– Хоть ты мне и друг, а истина дороже! Истина – вот знамя молодёжи! Временно освобождаю от всех других обязанностей и возлагаю только эту. Выше знамя пионерского энтузиазма и задора! Да что ты скукожился-то? – Аполлон кивнул в сторону фойе.

То, что оттуда доносилось, можно было вполне представить как шумовое оформление к ожившему шедевру Карла Брюллова «Последний день Помпеи».

– “Это чей там смех весёлый? Чьи глаза огнём горят?”. Да подними ты голову! Я же тебя не в колхоз на картошку посылаю, а в самую гущу творческого кипения. Дети – это тебе не прогрессивно дегенерирующие переростки, то бишь мы. Их ещё не прибили мешком программных документов и казённым словоизвержением под копирку. Иди, Федя, иди на встречу к самому себе!

– Да у меня же нет никакого опыта!

– Вот и набирайся! Валяй по Дворцам, Домам пионеров, детским секторам и так далее. Позыркай, послушай, посоветуйся, если, конечно, будет с кем. И так далее, и тому подобное. И сейчас! Прямо сейчас! “Пионер, не теряй ни минутки! Никогда, никогда не скучай! С пионерским салютом солнце Родины встречай. Ты всегда с пионерским салютом солнце Родины встречай!”. Тем более что пионерский салют – это “Общественное – выше личного!”. Этих мутирующих муравьишек отпускай и валяй!

– Но я...

Отпускай-отпускай, пока сами не разбежались. Талантливые детишки. Жалко терять.

– Ладно...диктатор...

– Директор, а не диктатор! Лучшие силы в узкое место! Дуй, Федя, дуй!

И Федя пошёл...

Ситуация же в миру была следующая: Советский Дом пионеров трясло, Ленинский трясло, Калининский разрывали на части, Алатауский только что отпочковался от Калининского и ничего ещё не представлял, кроме штатного расписания, Ауэзовский и Фрунзенский прозябали, а городской Дворец пионеров сладко спал, убаюканный протекционизмом и личными связями директрисы с властью имущими и придержащими.

Вот с актового зала одного из этих детских домиков, а именно того, который трясло, и начал свой вояж Федя.

В зале резвились малыши.

– Дети, а где ваш руководитель? – мягко проворковала завуч – очаровательная молодая дама, изо всех сил придающая своей улыбке оттенок свирепости.

Она сопровождала Федю, и явно диссонирующий с обликом оттенок не имел ничего общего с её внутренней духовной экологией. Причина была чисто внешняя – сломанный стул.

– Пётр Семёнович сказал, что пусть про продовольственную программу батюшка читает, и ушёл! – пискнула худенькая девчушка в голубом платице.

– Куда ушёл?

– В церковь, наверное... – пробасил справненький карапуз, жующий бутерброд с маргарином. – Ух, и красиво там! Прямо как в сказке!..

– О-ох!.. – простионала завуч.

Дверь хлопнула.

Вошёл очень прилично одетый мужчина с шибко умным лицом.

– Вы... вы... вы... – начала завуч, пытаясь подобрать соответствующей силы уничтожающий термин.

– Что я? – тут же перехватил инициативу мужчина. – У меня октябратский хор, а не подсобное хозяйство. Могу спеть про поля широкие, про картошку и другие овощи. Могу даже про зелёнького кузнечика дать трёхголосие, но пшеницу в горшках я сажать не буду. Не буду – и всё!

– Кто же заставляет вас пшеницу в горшках сажать? – попробовала урезонить мужчину завуч, но тот заявил, что у него репетиция, и демонстративно развернулся к детям.

– Я при детях не буду вам ничего говорить, но где следует, мы побеседуем! – жалобно попыталась выдержать форму очаровательная фея.

Мужчина очень бодро повернулся лицом к начальству и самым обаятельнейшим образом улыбнулся.

– О! С вами лично – где угодно, но лучше, конечно, у чёрта на куличках и без свидетелей!

Щёки завуча вспыхнули.

– Я слышал, у вас замечательный кружок мягкой игрушки, – тут же переключил внимание Федя.

– Да-да! – благодарно подхватила завуч и поспешно ретировалась из зала вслед за ним.

Материнской доброй улыбкой встретил Федю и завуча этот кружок. Уют и покой исходили не только от дородной руководительницы, но и от всего, чем она повелевала.

– А мы уже откликнулись на призыв. Видите – барашиков делаем, – почти пропела девочка в фартучке.

– А я коровку, – уверенно проверещал маленький мальчик.

– Какая же это коровка? Это – курочка, – не согласился сосед.

– Не курочка, а петушок, – поправила соседа девочка в фартучке.

– Нет, курочка! – стоял на своём сосед. – А петушки нам не нужны. Они яйца не несут!..

Такой неопровержимый аргумент почему-то сразу всех удовлетворил. Спор оборвался. И слепоглухонемому было ясно, что здесь с продовольственной программой налажен самый тесный и квалифицированный контакт.

А вот в авиамodelьном кружке в этом отношении было не так радужно. Модели аэроплана в виде огурца, дирижабля «Шматочек хлеба» и баллистической ракеты «Тошак» в виде обглоданного мосла тут не предвиделось. Единственная модель сельхозвертолёта, с отваливающимися резервуарами для химикатов и уныло провисшими лопастями, была засунута в самый дальний угол, так как летать не умела и в соревнованиях участвовать не могла. И всё же, изготовленная «для мебели» и при случае выставляемая на самое видное место, модель так поражала воображение бесчисленных проверяющих, наблюдающих и исполняющих карательные функции, что всё остальное воспринималось лишь как приложение.

– Тут у нас один из технических кружков... – зажав нос, аденоидно промычала завуч.

Запах ацетона и ещё бог знает какого необходимого реактива был, действительно, нестерпим.

– Зз-ззз... – визжала циркулярка.

– Шшширк! Шшширк! – скользил рубанок.

– Фф-а-а-а!.. – пузырился в консервной банке клей.

Электроплитка, на которой он стоял, давно уже приказала долго жить, но, реанимированная при помощи проволоки и других таких же нехитрых приспособлений, продолжала жарить вовсю. На кушетке, тоже собранной из запчастей, выуженных на городской свалке, непробудным сном хронического алкоголика спал Чайка-Трезвяк. «Чайка» было не прозвищем, а настоящей фамилией, вполне соответствующей широте полётов талантов обладателя, а «Трезвяк» обозначало хобби совершенно противоположного свойства.

Так вот, пока вы всё это читали, спящий, перекрывая немалой силы технические шумы, неожиданно дико вскрикнул и, скрежеща зубами, не просыпаясь, очень энергично начал стряхивать с себя что-то невидимое, но мелкое и живое. В дальнем углу, у циркулярки, раздался подростковый гогот, и дружно грянула известная частушка с малоизвестным окончанием:

Ты хочь пой, хочь не пой –

В тебе голос не такой.

Ты в свой планер-самолёт

Карасин залил не тот!..

С кушетки послышалось довольное чмоканье.

Атмосфера взаимопонимания и полной творческой свободы была налицо!

Чмоканье смолкло.

Федя вздрогнул!

На него, не мигая, глядел правый глаз Чайки. Глаз был жёлтый и очень внимательный.

– А-а... – неизвестно зачем протянул Федя и умолк.

Правый глаз закрылся, уступив место левому, такому же жёлтому и неподвижному.

– Кам ту гезе бат нау! Вжик-вжик! – раздалось из-за стиснутых зубов почти по-английски, и трое подростков, реагируя на опорный сигнал, ринулись к сельскохозяйственному чуду...

– Один из лучших кружков... – извиняющимся тоном прошептала завуч, когда знакомство с вертолётком состоялось. – На всех соревнованиях занимает только призовые места... А главное – полная самостоятельность детей! Мастера! Если бы не водка – цены бы не было...

Тот, к кому относилась последняя фраза, стоял в дверях и, задумчиво ковыряя щепкой в зубах, глядел вслед удаляющимся. Имея лишь один древнейший недостаток, этот руководитель кружка вынужден был компенсировать его многими современными достоинствами. Полагая, что сейчас его опять могут куда-нибудь призвать вставлять замок или штукатурить какой-нибудь провал в вечно протекающем потолке, Чайка-Трезвяк неизвестно в который раз решал знаменитое «Пить или не пить!». Он понимал, что мог бы и не пить, но и понимал также, что без него и многих других, крепко прикладывающихся, может нарушиться очень важный государственный механизм, без которого невозможен современный уровень народного благополучия. Бунты и демонстрации, оппозиции и опросы общественного мнения, жаркие выборы с дискуссиями и тому подобные демократические ужасы и кошмары мерещились ему. «Пролетариату не нужно опьянения, но...» – бормотал он в конце своих бредовых предвидений и шёл к записке, чернильно плескавшейся в спасительной бутылке.

Завуч же и Федя продолжали обход.

– Пццу-у! – засосно раздалось из-под лестницы, ведущей на второй этаж.

– Чмок! Чмок! – щёлкнуло в ответ.

Видимо, прекрасно зная, что означают эти звуки, завуч ускорила шаг и заговорила громче:

– Музыка – это понятно всем! Любая делегация в восторге. Кстати, в Калининском районе такого ансамбля нет...

Двое раскрасневшихся юношей испуганно шмыгнули из-под лестницы и, обгоняя Федю и завуча, помчались наверх.

– Этот пресловутый Калининский район!.. – ещё громче затараторила завуч.

Федя изумлённо смотрел вслед юношам...

Уже в классе вокально-инструментального ансамбля он с облегчением обнаружил, что один из них всё-таки девушка. Мальчишеская стрижка, брюки, военоторговская зелёная рубашка и весьма скромные бёдра отлично маскировали её.

Перед тем, как войти в класс, завуч гордо и торжественно подняла палец:

– Слышите? Какой звук, а? Импортная аппаратура!

Федя прислушался.

Звук, действительно, был чистый.

И вдруг грянул текст.

Да ещё какой!

Да ещё распетый на четырёхголосие!

По улицам ходила

Большая крокодила.

Она! Она! Зелёная была!

Увидела кого-то –

И хватъ его за что-то!

Она! Она! Голодная была!

Такого анахронизма не ожидала ни завуч, ни, тем более, Федя. Однако, увидев, что фея опять нехорошо побелела, Федя, уже вполне настроившийся на местную волну, бодро щёлкнул каблуками и, отдав пионерский салют, выкрикнул:

– Наш вклад в продовольственную программу – массовое лечебное голодание!

– Ох, Фёдор Петрович! – жалобно, но теперь уже совсем откровенно пролепетала фея. – Это не продовольственная программа, а драма какая-то! На днях племянник явился из садика и объявил, что они теперь сами себя будут обеспечивать петрушкой и укропом. Так и сказал – обеспечивать!..

Официоз слетел с Веры Ивановны (так звали завуча), как пух с одуванчика.

Фея была действительно феей...

Через некоторое время, очень довольный необычностью произведённых наблюдений, Федя шагнул по направлению к Дворцу пионеров.

Всё было во дворце, но не было кадров!

Талантливых!

Заполненное до отказа штатное расписание давало столь ничтожный КПД, что и говорить о нём не стоило. Ансамбль народных инструментов... ну и, пожалуй, это всё, что заслуживало всяческих похвал и высоких оценок.

Побродив по тихим сверкающим коридорам, увешанным и уставленным почти музейными по давности экспонатами и экспозициями, полистав в методотделе серейшие по содержанию методички, Федя спустился на первый этаж. Из приоткрытой двери директорского кабинета вырывался раздражённый истерический крик.

– До каких пор это будет продолжаться? – отчаянно взывала женщина. – Есть же люди, которые действительно работают до упаду! Которые по-настоящему преданы своему делу! А есть – шалай-валяй! Такие, что даже на работу не ходят. На работу не ходят!.. – женщина задыхнулась от возмущения.

Совершенно равнодушные и сонные шмыганья указывали на присутствие в кабинете большого числа тоскующих граждан. «Люди», которые действительно работали до упаду, недовольно морщились и краснели. Это был, конечно же, руководитель ансамбля народных инструментов.

«Шалай-валяй» – это все остальные – и ухом не вели.

Феде стало невообразимо скучно. Он прикрыл дверь и торопливо направил свои стопы вон из этой великолепной формы из стекла и бетона с таким мизерным человеческим содержанием.

Ряд удивительно бесплодных мытарств по остальным очагам детской культуры пришлось испытать ему в этот день, прежде чем он сел на девятый троллейбус и поехал в сторону гор – в Дом пионеров Калининского района.

Этот Дом гудел, как высоковольтный трансформаторный узел. Не в пример Дворцу, содержание здесь давно переросло форму и только чудо безвыходности заставляловтискивать всё, что там было и всех кто там был в небольшой двухэтажный домик.

Замороженные бесконечными общегородскими мероприятиями, от которых Дворец отбояривался хроническим отсутствием качества, самородки-методисты, как каторжане, тащили ещё и свой районный воз, умудряясь на всех смотрах быть первыми. Директор и завуч, вышедшие из их же среды и не гнушающиеся никакой черновой работой, вплоть до мытья полов в случае отсутствия уборщицы, представляли квинтэссенцию всего лучшего, что было в этом учреждении, а может быть, и во всём городе. Поистине здесь было чему завидовать, и если фея из первого посещённого Федей Дома пионеров не раз упоминала этот очаг детской культуры, добавляя к нему эпитет «пресловутый», то это была хорошая зависть, то бишь белая.

Мда-а...

Жирным запахом общественного туалета обдало гения, когда он переступил порог вышеупомянутого Дома, а вернее – домика. Это было так неожиданно и так сильно, что и передать нельзя. С трудом протиснувшись сквозь не очень большую, но без труда перегородившую узкий коридорчик ребячью очередь у двухъячеечного сортира, Федя скосил глаза и, увидев микроскопический лестничный пролёт, побежал по нему вверх – к воздуху. Нетерпеливо переминающиеся с ноги на ногу разнополюе дарования остались внизу. Внизу остался и дурной дух, являвшийся следствием сантехнических неурядиц, и невероятного количества желающих и страждущих. Но это Федя узнал потом. Сейчас же лестница завернула, и он попал во что-то вроде чулана, в котором Буратино отбывал свой скорбный срок у Мальвины. Впрочем, нет! Густая темень создавала такую иллюзию. Приглядевшись, Федя увидел, что, скорее всего, попал в костюмерную. Впрочем, опять – нет! Сквозь висающие на плечиках костюмы сорняковой буйностью прорастали какие-то нагромождения коробок, ящиков, железных штырей, банок с красками, вёдер и тому подобного хозяйственного ассорти. Среди этого добра, скрючившись, сидела весьма дородная методист по бог знает какой по штатному расписанию работе, а в действительности – завхоз. При жалком свете пятнадцативаттной лампочки она выдавала такую же жалкую зарплату.

– Вы к кому? – не поднимая головы от платёжной ведомости, буркнула завхоз, боковым хозяйственным взором распознав чужака.

– К директору! – выпалил Федя первое, что проявилось в его гудящей от быстрого бега голове.

– Она в духовом классе. Это как раз напротив туалета...

Дать ориентир точнее не смог бы даже Саваоф! Набрав побольше воздуха, Федя скатился обратно вниз.

Однако одного набора кислорода ему не хватило. Как раз там, где концентрация «благовония» была особенно мощной, он был вынужден освежить лёгкие новой порцией.

Результат сказался немедленно!

Как куль, Федя ввалился в класс духовых инструментов.

– Га-га-га-га! – ударило из класса.

Восемь подростков весьма бандитской наружности потешались, глядя на печёное яблоко физиономии Феде.

– Ну, чувак (парень), у тебя и рожа! – заявил самый маленький, утирая воспалённый нос грязной пятернёй, украшенной полным набором древнекитайской гордости. – Чё зеньки-то (глаза) вытарачил? Верзошник (туалет) тебе наш не нравится?

– Качумай (кончай), гнида! Не порть берлэж (еду)! – оборвал его мужичок побольше с преждевременно высыпавшими усиками.

Этот мужичок наворачивал огромный ломоть хлеба.

– Да-а, параша у нас клёвая! – высказался мужичок ещё побольше.

Этого уже никто не останавливал.

– Ты к кому, прыщ?

Федя, наконец, сообразил, что разговор идёт о нём и при нём.

– Да как?.. Да кто?.. Да я!..

Уровень хамства был слишком высок для осознания, тем более, что самый старший хам был почти в два раза моложе Феде.

– Хиляй-хиляй (иди-иди), стрелочник!.. – почуяв недоброе, предупредил самый матерый малец с квадратногнездовой щетиной.

Дурашливое топтание Феде вырвало из его уст ещё одну фразу, первая часть которой состояла из длинного, как товарняк, мата, а вторая – из пожелания «посурлять (помочиться), коль неможется!».

Мат привёл Феде в чувство. Он напряжился и, пятясь, автоматически начал вспоминать новые приёмы карате, уроки которого регулярно получал теперь у Аполлона.

К счастью, обороняться не пришлось: в класс вошёл руководитель. На фоне своих подопечных он казался выходцем из дореволюционной семьи потомственных интеллигентов...

По классу как метлой провели. Мужички тут же схватили свои медные духовые загогулины и грянули похоронный марш Шопена. Играли мужички душераздирающе. Видимо, тут их преждевременная старость обнажала все свои преимущества.

Руководитель разулыбался!

Лучший в городе детский духовой оркестр, на три четверти состоящий из трудновоспитуемых, использовался здесь в самых мирных и благородных целях.

Жмуровой, то есть покойницкий, апофеоз без всяких пауз бодро перешёл в «Прощание славянки» и, наконец, во что-то, соответствующее месту пребывания, – в марш «Артековский».

Репертуарный багаж мужичков был столь же широк и необъятен, как и багаж лексический!

Но Федя ничего этого уже не слышал.

Окружённый вулканическим грохотом, он теперь обалдело взирал на плотно спрессованную массу синхронно подпрыгивающих детей. Ни белые пачки, ни юные восторженные лица не могли развеять гнетущего впечатления, создаваемого такой великой концентрацией в жалком подобию балетного класса.

Впечатление ещё усугублялось потным видом двух дюжих молодцев с белесыми мочалками «песнярских» усов. Молодцы что есть силы рвали меха пятирядных баянов и, как парализованные, дёргали головами в такт.

Опять лучший в городе детский ансамбль «Искорка» находился явно не в лучших условиях.

Федя понял, почему сюда иностранные и неиностранные делегации не направлялись, что было предметом уже чёрной зависти Дворца и феи.

Спрашивать о директоре здесь Федя не решился. Руководительница ансамбля, продирающаяся сквозь ряды подопечных, имела такой свирепый вид, что он не стал ждать встречи. По стеночке, по стеночке гений быстро пересёк зал и, проникнув в какое-то помещение, уставленное письменными столами, бухнулся на первый попавшийся стул.

– Слава! Слава! Слава! – грохнуло над ним.

Федя вскочил.

– Народу Советскому – слава! Родине – слава! Партии нашей любимой – слава! Слава! Слава! – грохнуло ещё раз и Федя опять плюхнулся.

Господи боже ты мой! Тут отштамповывали очередное дежурное приветствие.

– Ура-а-а!.. – дурашливо проблеял гений и на подкашивающихся полусогнутых ногах начал обход столов в сторону, противоположную надрывающимся от старания.

Он драпал.

– Мальчик! Мальчик! Ты куда?

Федя даже не повернулся, чтобы посмотреть на нахала, хотя в данном случае обращались не к нему. Выскользнув из комнаты, он опять оказался около кельи завхоза.

Круг замкнулся.

И всё-таки Бог есть! Может быть, он существует не в том стандартном виде, в каком мы его себе представляем или не хотим представлять, но он есть! В самый последний миг Фединога отчаяния Бог (а кто же ещё?) послал ему облегчение и даже радость. Это была опять завуч и тоже фея. Очаровательная! Обаятельная! Изумительная! Человечная!.. Вот далеко не полный перечень положительного, сконцентрированного в данном случае в девушке, которая встретила его. И если первые три качества не повредили ещё ни одной женщине, то последнее даже мужчинам, взявшим его на вооружение, снискало такую славу, перед которой ничто слава Наполеона, Александра Македонского, Чингизхана и тысяч других ретивейших завоевателей.

Не прошло и пятнадцати минут, как Федя оттаял, отошёл, проникся и разулыбался. Когда же перед ним наконец-то предстала и сияющая улыбкой директор, то всё окончательно прояснилось. Психологический климат доверия и требовательности, излучаемый и культивируемый этими руководителями, был подобен климату орбитальных комплексов. Соответственно мощной была и продуктивность, а талантливые специалисты не уходили даже тогда, когда мёртвая рука слепых и равнодушных к сути финорганов срезала и без того тощие внеклассные рубле-часы. Впрочем, нет! Иногда уходили (семья – есть семья!), но не выдерживали отсутствия благоприятных (психологических!) условий и почти всегда возвращались назад. Возвращались потому, что время – это всё-таки не деньги, а жизнь, которую можно заполнить деньгами и всем, что на них приобретается, а можно и радостью творческого общения.

Потрепыхавшись и подёргавшись, люди рано или поздно убеждались в удивительном преимуществе второго мизера и с большим удовольствием и облегчением плевали на первый максимум.

И правильно делали! Деньги – дело наживное, а жизнь... Не успеешь оглянуться, как и песенке конец! Вот такие вот сказочки... Ганса Христиана Андерсена...

Впрочем, довольно комментариев – подведём черту!

Так как в природе ничто не распределяется равномерно, но в конце концов, всё уравнивается, то что Федя не добрал в предыдущих очагах детской культуры, он получил здесь с лихвой. Лихва (ну и заковыристое словечко!) заключалась в добровольном взятии на себя шефских мероприятий, тут же включённых в рабочий план. Хотите верьте, хотите нет, но в этом учреждении такой план формировался и расформировывался по мере необходимости. И хотя наркотик привычки всегда и везде быть первыми уже и тут всюду сеял всёразрушающие шовинистические зёрна и в штабах комсомольского и пионерского актива каша заваривалась не совсем съедобная, а иногда и откровенно ядовитая, но пока всё выглядело вот так, как сказано выше...

ВУАЛЯ!

Когда день наконец-то добежал до финиша, Федя, максимально насыщенный и усталый, вышел на улицу.

– Фёдор Петро-вич!..

У ворот Дома пионеров стоял Аполлон. Он весело шурился и с удовольствием вдыхал благодать осенней прохлады, пронизанной лёгким дымком от подождённой детворой листвы.

Федя оторопел.

– Поль?.. Как ты нашёл?..

– Интуиция! Плюс покумекал в русле теории вероятности, позвонил – и сразу же на твой след вышел. Решил встретить тебя. До начала моего сердцебиения. Что-то беспокойно на душе. Какое-то предчувствие нехорошее. Пока, правда, тьфу-тьфу, но бережёного бог бережёт! Да и погода сегодня на редкость хороша. Закат, а? А воздух? Кислород! А я в последнее время начал замечать, что, как только что-то появляется слишком хорошее, готовься к плохому. Наверное и тут права Клавдия Ивановна.

– Бр-р!.. – поёжился Федя.

– Да ладно! Плюнь на мою неврастению! Сейчас хорошо – и, слава богу! Тем более что я осенью рождён и оттого люблю её холодное дыханье. Под шум листвы приятнее всего забыться и уйти в воспоминанья!..

– Куда, куда?

– В прошлое, в прошлое! А что, кто-то против?

– Уходи... Пожалуйста...

– Ну, слава богу, разрешил! Может, вместе?

– Да уж пора...

– Ты что? Рифмануть, а не уходить!

– Легко! Значит, так... – Федя щёлкнул пальцами и без всяких усилий продолжил: – Всё, что прошло, всегда звучит сильнее, чем то, что нынче ждём иль пожинаем. И снова я под тихий плач ветвей... ммм... Смеюсь, дыша своим – осенним маем!

– Ловко!

– Погоди-погоди... Смеюсь с того, что мир не так уж плох. И мы не вечны и в святых не ходим... Не ходим... не ходим...

– Помочь?

– Давай!

– За каждый шаг, за каждый новый вздох – за всё расплату в старости находим! Смеюсь, а осень...

– Хватит, хватит! Хватит тоски!

– Да?

– Да! Как говорила Клавдия Ивановна – всего в меру! Эта сплошная тоска, старческая сумеречность и стенания у меня – во где стоят! Смеюсь, а осень... Что там осень?.. Что?.. А, вот! Смеюсь, а осень тихо шелестит и ласково, влюблённо обнимает. И в дымной синеве мой смех звенит! И в огненной листве мой цвет сгорает!

– Точно! – одобрил Аполлон. – Жаль, что через десять минут забудем. Да и не для печати это...

– Правильно! Это для нас! Да что нам их зашоренная партийная печать? Мы же с тобой сами, как полное собрание популярнейших и полезнейших сочинений!

– Чего вот только?..

– Всякой, очень нужной людям, всячины!

– Настроение у тебя сегодня...

– Крайний мажор! Я же руководитель! За мной же люди должны идти! На меня же с надеждой должны смотреть! Граждане! Я вас не подведу! Ей-богу!

– Шума шошёл шофшем! – нервно звякнула стеклотарой случайная старушка.

– Пардон, бабуленька, пардон! – поспешно расшаркался Аполлон.

– Какая я тебе бабуленька? Мне ещё и пятидесяти нет! – зло прошепелявила старая, и жёлтый взгляд “зелёного змия” резанул друзей по диагонали...

Федя осторожно постучал ладошкой по замшевому плечу.

– Что?! – вздрогнул Аполлон. – Мда-а... Этюдик... Пойдём, что ли, тоже. Поедим, попьём у мира в сером хламе! Как насчёт покушать?

– Где? Обжорки уже закрыты!

– Какие обжорки? Такой вечер! Такое настроение! Такие типажи попадаются! И тьфу-тьфу – сердечко работает, как часы. Только ресторан! Причём самый лучший!

– У меня...

– А у меня – есть! Хватит на четверых! – Аполлон подмигнул и хлопнул себя по карману.
– Я перед тобой теперь, как перед Родиной, – вечно в долгу!

– Так ты же к девицам...

– С чего ты взял? К жёнам – да, а к девицам – нормально, и ещё как! Но, может быть, ты?..

– Да я как-то сейчас не очень...

– Сейчас – не сегодня! Нормальная физиологическая потребность в женщине при долго отсутствующей реализации может перейти в такую патологическую необходимость, что просто ай-я-яй! Гормон кипит, мир мутнеет, зыбится, всё забывается – и только хочется, хочется, хочется...

– Перехочется! – машинально буркнул Федя и... задумался...

– Ой! – восторженно воскликнул Аполлон. – Ну, вылитая бабёночка! Федора! Феклушенька-а! Мы же не в застенке с тобой живём, а в социалистическом лагере. То есть как бы на свободе. Кстати, среди всех тех, с кем ты встречался сегодня, столько беспредельно одиноких... Наша педагогика чревата этим...

– Ну, завёлся... Ладно... Пойдём!..

У ресторана «Алма-Ата» было светло и весело. Компании и компашечки кучились, покрикивали, повизгивали и предвкушали... Обговорив условия и скинувшись по... неважно какой сумме, они, вперемежку с застенчиво проскальзывающими парочками и деловыми одиночками, поглощались чревом стеклянной громадины, похожей на океанский лайнер, совершающий вольный круиз по прихоти пресыщенного магната. Интимное освещение, надменные официанты, парализующие и давящие интерьеры, многообещающие горбыли тиснёных прейскурантов манили и завораживали неискущённых и никак не воспринимались искущёнными. И если Аполлон относился ко второй группе, то Федя, естественно, к первой. Попав вовнутрь, он растерянно таранился на лениво проплывающих мимо «лордов – хранителей подносов» и испуганно шарахался, когда те цедили сквозь зубы, что эти столы не обслуживаются и эти – тоже...

Выбрав то, что его устраивало, Аполлон совершенно профессионально вписался в псевдороскошное креслице и выдернул из-под стола ещё одно. Пятясь и оглядываясь, Федя присел.

– Не обслуживается! – цыкнул очередной проплывающий «лорд».

Федя вскочил.

Аполлон досадливо поморщился.

– Велики парадоксы социальных завоеваний! – процедил он. – Того и гляди заставят на голове ходить, говорить за это спасибо и раскланиваться бог знает чем. Не дёргайся! Ты не в храме божьем – ты в кабаке!

– Действительно... – согласился Федя.

Аполлон порылся в карманах и извлёк на свет уникальный по художественному исполнению платиновый перстень с крупным бриллиантом. Федя икнул. Он много раз видел бриллианты в витринах ювелирных магазинов, но они почему-то всегда были больше похожи на битое стекло, чем на драгоценность. Тут же произошло что-то невероятное. Острые жала вспышек впивались в глаза и вышибали слезу.

Надев перстень на указательный палец левой руки, Аполлон начал небрежно постукивать им по прейскуранту. Нахальные искорки разбежались во все стороны. Секунду назад фланирующие в дальних углах ресторана и не реагирующие на отчаянные призывы клиентов «лорды» забеспокоились. Не так чтобы сильно, но основательно. Не отрывая глаз от источника зайчиков, они, с трудом сохраняя свой фальшивый аристократизм, делили между собой внезапно обнаружившую себя бриллиантовую жертву. Один из них уже было отделился от коллег, но тут из-за эстрадки выпрыгнул маленький, лысенький, улыбающийся в полный рот «головорез». Перехватив жадные взгляды нерасторопных «лордов», он, с билиардной скоростью, подкатил к сверкающему указательному пальцу.

Физиономии «лордов» сразу посерели и по-бульдожьки провисли.

– Что изволите? – прожурчал «головорез», пожирая глазами бриллиант.

– Два чая с лимончиком, голубчик! Сахарочек отдельно! – так же вежливо и так же в стиле начала века прожурчал в ответ Аполлон.

– Сей секунд! – уже совершенно по-лакейски угодливо проблеял «головорез» и, испарившись, почти тут же материализовался с заказом.

Блестящее обслуживание – сказка для тружеников и обыденность для “избранных” – продемонстрировало себя во всём своём профессионализме.

– Поль, я хочу кушать, – осторожно, чтобы не услышал бдительно маячивший неподалёку «головорез», проворчал Федя.

– Терпение, Феденька, терпение! Главное в достижении желаемого – выдержка. Наш кельнер ещё не дозрел!

– Зато я дозрел. Целый день на ногах...

– Ладно. Опередим события... Голубчик!

– Слушаю!

– Чёрной икорочки, балычку, грибочков, чужук, казы и лагман. Надеюсь, лагман у нас фирменный?

– Безусловно! Вот только чёрной икорочки... Может, красную?

– Что? Нет? Как?

– Есть! Конечно, есть! В личных резервах, правда...

– Вот и хорошо. Живее, любезный! Мы люди деловые! Нам некогда!

– Сей секунд! Коньячок не будете? Армянский!

– Что ты, голубчик! Алкоголь – враг бизнеса!

– Понимаю... Прекрасно понимаю... Уважаю... Приветствую... Сам, знаете ли, не потребляю...

«Головорез» снова испарился – и снова почти тут же материализовался с заказом.

При расчёте произошла небольшая заминка. Без всякой задней мысли «головорез» обсчитал друзей всего лишь на шесть рублей с копейками, и, к его великому изумлению, это было замечено.

– Я уже говорил, голубчик, что мы люди деловые! – усмехнулся Аполлон. – У нас деньгами сорить не принято.

«Головорез» побледнел и... не додал два рубля. Сытый и довольный Федя незаметно подтолкнул Аполлона, давая понять, что не стоит замечать такую мелочь, но тот не шелохнулся.

– Ай-я-я-яй! Как у нас с арифметикой! – ядовито выцедил он. – Не фирма! Нет, не фирма!

«Головорез» вздрогнул, извинился и, отсчитав трясущимися руками рубль пятьдесят семь, поспешно заявил, что мелочи у него больше нет.

– Мда-а... – как бы сдаваясь, буркнул Аполлон. – Если бы не принципы...

Он извлек из кармана металлический рубль и однокопеечную монету и, положив целковый на прејскурант, уткнул бриллиант в копейку и начал водить ею вокруг рубля.

– Что это, голубчик, а?

«Головорез» попятился.

– С-спутник... – пробормотал он одурело, и тут же понял, что не угадал.

– Копеечка рубль бережёт! – очень серьёзно объявил Аполлон и, совершив ещё два оборота, подчёркнуто аккуратно ссыпал символ бережливости в карман.

Никто и никогда не сможет объяснить того, что произошло в следующий миг. Не то старый анекдот подействовал, не то всё-таки бриллиант, но «головорез», с ловкостью, достойной знаменитых фокусников Акопяна-старшего и Акопяна-младшего, махнул рукой и, разжав кулак, выкатил на прејскурант потный полтинник.

– Ага! – ещё более серьёзно произнёс Аполлон и, скрупулёзно отсчитав семь однушек сдачи, впечатал их в ещё не успевшую сжаться ладонь «головореза».

– Ваш профсоюз нам, да и, откровенно говоря, вам, до большой фени, голубчик. Так что марасть бумагу благодарностями не будем. Обойдёмся светлой памятью!

Сняв с пальца перстень и сверкнув им в последний раз, герой небрежно бросил его в один из своих импортных карманов.

– Акулы!.. – с интонацией «ого-го!» восхищённо промычал «головорез» окружившим его через некоторое время «лордам» и дидактически добавил: – С и... део...логией!!!

Физиономии ёрзающих от нетерпения «лордов» провисли ещё больше. Величина предполагаемых чаевых, полученных шефом, была непостижимой...

УДАР В ПЕЧЕНЬ

Если в свой организм вслушиваться, то всегда можно найти в нём какой-нибудь дефект.

Иногда (так говорят медики) это просто необходимо (вслушиваться, а не находить!), но лучше всего просто хорошо себя чувствовать, что Аполлон с Федей и делали, спускаясь по инкрустированным трапам ресторанный лайнера на уличную сушу. Горячие волны здоровья разливались из их желудков, и так как здоровье и мироощущение весьма и весьма взаимосвязанные штуки, то вечер был великолепен!

Нервно снующие взад и вперёд автомобили, троллейбусы и жёлтые, как осы, мотоциклы с колясками; хозяйки, одурело-радостно пробегающие мимо с полными сетками костей (70 коп. за килограмм), случайно выброшенных в продажу во дворе гастронома “Столичный”; полные злой воли и энтузиазма глаза ещё не полупарализованных стационарных алкоголиков, сшибающих вечно не хватающие до суммы гривеники – всё это воспринималось сквозь призму трогательности и шарма. Всё было до боли родное, близкое и такое дорогое, что даже сердце пощипливалось.

Своего рода это было опьянение.

И мы простим героям их минутную слабость, так как через двадцать (а может быть, и двадцать пять) секунд необыкновенного наслаждения Аполлон получил оглушающий удар в ухо, а Федя был сбит с ног и, как окурок, выброшен в придорожный арык (он же – канава!).

Пусть успокоится читатель – автор не собирается баловать его детективом (хотя сама жизнь – чем не детектив!). И бриллиант тут ни при чём! Просто по уже ранее упоминавшемуся закону концентрации событий вокруг Аполлона друзья попали в самую гущу одной из очередных приресторанных групповых драк, где уже через минуту неясно, кто кого бьёт и за что.

Били всех!

Некоторые прохожие отбивались, увеличивая этим эффект массовости, кто поопытнее – бежали врассыпную.

Милиция выжидала...

Постоянно дежурившие у ресторана ППМ (машины патрульно-постовой милиции) не проявляли никаких признаков жизни.

Почти машинально отбрыкиваясь и отмахиваясь, отчего несколько нападающих (а может быть, и защищающихся) на время успокоились и уткнулись носами в газоны, Аполлон прыгнул к арыку и, достав оттуда Федю, потащил его в сторону. Гений был без сознания. Как только что прирезанный петух, он безвольно болтал головой и оставлял на асфальте грязные арычные пятна.

Аполлона лягнули по ноге. Он пошатнулся и, не оборачиваясь, тоже отпнул что-то мягкое. Его ещё раз лягнули. И ещё раз... Дерущиеся упорно не хотели замечать милосердных функций героя.

Такое наглое нарушение военных правил вынудило маэстро оставить на мгновение волочение друга и прорубить просеку. И, как бы в ответ на эти его энергичные действия, в эфире наконец-то рассыпались соловьиные милицейские трели. ППМ ожили! Как из десантных самолётов, из них так и посыпались бравые молодцы...

Теперь уже все бросились кто куда. Аполлон тоже. Подхватив Федю под мышки, он втащил его в первый подвернувшийся подъезд и начал приводить в чувство. Вот Федя открыл глаза... Вот начал подёргиваться, возвращаясь к жизни... И вот уже Аполлон заметил, что они тут не одни. У батареи центрального отопления ОН нацеловывал ЕЁ, и ОНА отвечала ЕМУ тем же. По ажиотажу, с каким это выполнялось, было похоже, что обрушья дом – ни один из них не вздрогнет.

– А любовь меж васильками и поныне среди пустыни! – патетически изрёк герой и начал ощущивать новый френологический бугор, вспухший на Фединой голове.

– Они что... це... целуются? – наконец изумлённо пролепетал раненый.

– И целуются и чешутся... Э-э, да тут как бы кровоизлияние не заработать...

Аполлон вскочил и ударил сразу по всем кнопкам звонков... Уже в машине скорой помощи он вдруг расхохотался, вспомнив физиономию парочки, которую саданул носилками полусонный водитель...

Пока Федю везли в первую клиническую больницу, пока искали место, пока то да сё, прошло немало времени. Поэтому, раздобыв халат и проводив друга до самого места, которое оказалось в коридоре, да ещё и у особо “любимого” на сегодня Федей туалета, Аполлон вынужден был сделать лишь хорошую мину:

– Ничего, Феденька, не дрейфь! Это просто замечательно, что «у», а не «в»! Спи спокойно, дорогой друг, а завтра...

– По рублю с носа – и оркестр Карабаса-Барабаса из Калининского Дома пионеров.

– Ну-ну-ну, без депрессий! На, бери! Отвлекайся! – Аполлон сунул Феде перстень.

– Что ты! Посею!..

– Сей на здоровье. У меня подобных – восемь!

– Восемь?

– Восемь! И почти все фальшивые! Ну вот, уже и разулыбался! Давай, спи! Утро вечера мудренее...

Аполлон сдал халат и вышел на улицу.

Благословенная тишина, прохладная свежесть, луна, классически пробирающаяся сквозь волнистые туманы, – всё продолжало быть великолепным, но уже особенно не радовало. Заныли ушибы, заныло в желудке, заныло всё, что способно было заныть, вплоть до души.

Ох уж эта душа! Века идут, а споры о ней не прекращаются. Одни говорят, что она есть, другие – что нет, третьи с помощью всевозможных наук пытаются примирить первых со вторыми, но факт остаётся фактом: ноет она, и нежная, и огрубевшая, плачет и смеётся и вообще, несмотря на оголтелый атеизм, вытворяет подчас такие фокусы, что попробуй не посчитайся – вмиг загремишь!..

– Помо... – лихорадочно выдохнуло со стороны законсервированной стройки очень по-женски и умолкло.

Аполлон насторожился.

– У-у, сука!.. – хрипло дыша, выцедил мужской голос, и, теперь уже совершенно чётко, послышались два тупых удара и стоны.

Кровь ударила в голову героя. Он сделал короткий энергичный выдох и ринулся в пролом покосившегося забора.

Истинно профессиональный спортсмен, Аполлон никогда не был первопричиной физических конфликтов, но как обладатель всевозможных природных даров, отточенных и доведенных до совершенства, не мог, да и не имел права, не использовать их по назначению. К тому же, в данном случае помощь требовалась женщине, и тут не стал бы раздумывать даже Федя, имеющий все шансы на полное поражение и ни одного на хотя бы мнимую победу.

Пробежав метров тридцать по весьма пересечённой разлагающимися строительными материалами местности, герой неожиданно остановился и вытащил из кармана милицейский свисток. Энергично сдерживая и успокаивая дыхание, не торопясь, он вошёл в проём очень будущего парадного подъезда. В глубине его копошилась и пыхла тёмная масса. Разобрать что-либо или кого-либо было практически невозможно.

– Ноги держи! Ноги!.. – раскалённо дыхнуло из массы.

– Не надо... не надо... мамочка-а-а... – безнадёжно-тоскливо и монотонно пульсировал женский голос.

Аполлон скрипнул зубами и вонзил их в свисток.

Пронзительная дробь ударила, как хлыст.

Масса вспучилась и распалась.

Выкатив невидящие безумные глаза, изрыгая перегар и звучно пуская ветры, на Аполлона накатывался человеческий шлак.

Герой посторонился и, когда топот и остальные звуки отдалились, подхватил на руки бредово отбивающуюся растерзанную девушку и побежал обратно к пролому.

– Не ходите вы, девицы, в тёмный лес одни гулять!.. Есть такие небылицы, что и в сказках не сказать!.. – выплёвывал он сквозь стиснутые зубы, стараясь не глядеть на окровавленное девичье лицо.

Наскочив на первый вывернувшийся из-за угла «москвичонок», Аполлон бросился под колёса и, рванув заднюю дверцу, кинул девушку на сидение.

– В «скорую»! Быстро! – рявкнул он, выбрасывая вперёд кулак, так как гладенько-гладенькая испуганная рожа водителя особого доверия не вызывала.

Мотор взревел... и тут случилось непредвиденное (а впрочем, что вообще тут было предвиденное?). Мощные лапищи вонзились в спину Аполлона и рванули его назад. Луна прыгнула, посерела и канула...

Раскрошив пару трухлявых кирпичей о голову героя, трое насильников (а это были они) втащили его обратно в пролом и, швырнув на археологического вида бетонную панель, начали рыскать по территории в поисках чего-то крайне необходимого.

– Легаш вонючий... Свистун... – хрипел самый мясистый гориллоподобный насильник.

Позор розыгрыша был для него особенно нестерпим, и он жаждал немедленной компенсации.

– Нашёл! – натуженно просипела тощая сутулая тень, и что-то глухо гроыхнуло под её костлявыми лапами.

Как раз в это время в ушах Аполлона зазвенело, и вновь появилось серое пятно луны, которое, отдрожав, просветлело.

Ни одним движением не выдав своего возвращения, Аполлон пустил по телу мысленного контролёра и, установив, что, кроме головы, всё пока в порядке и он не связан, скосил глаза.

Зрелище, представшее его взору, было не из весёлых. Три ублюдка, обхватив своими верхними манипуляторами бетонную урну для мусора, заносили её над его головой.

Время остановилось...

Как часто бывает в подобных ситуациях, оно включило так и не разгаданный пока наукой стоп-кадр. В мозгу героя мелькнула какая-то статья, где описывалось, как таким же образом, может быть, эти же уроды расплющивали череп какому-то случайному прохожему. Запестрели виды выпотрошенных обезображенных трупов на столах судмедэкспертов, чётко возник образ матушки, самые яркие картинки детства, юности и многое, многое другое, даже на осознание которого в обычных условиях ушла бы уйма времени.

Урна грохнулась!

Раздался тупой стук и хруст...

Бетона, граждане, бетона!

Увернулся наш герой, слава Аллаху!

Ирония иронией, а представьте себя на его месте – и вряд ли это удалось бы сделать некоторым... Да что там говорить, автор не смог бы. Это – точно!

Быстрая регенерация натренированного организма позволила герою не только вовремя выкатиться из-под урны, но и, сгруппировавшись, вскочить и тут же перейти в нападение.

Что такое трое для Аполлона? Ерунда! И они это почувствовали. Двое скукожились сразу, а третий... С третьим пришлось немного повозиться. Тем более что сразу же после первого удара он выдернул из-за пояса финку и, визжа, начал прыгать и выписывать такие кренделя, которым могли позавидовать многие закавказские танцевальные мужские ансамбли.

Наконец и тот успокоился, а финка, пустив лунный зайчик, улетела.

Аполлон снова выбрался через злополучный пролом в заборе и начал отряхивать брюки.

– Вот он! – раздался нервно-торжествующий голос, и резкий удар в печень поверг героя на тротуар.

Скрючившись от шоковой боли и подчиняясь инстинкту самосохранения, герой совершил кувырок через плечо и скатился в канаву. Канавой вечер неприятно начался для Феди, канавой он так же неприятно заканчивался и для Аполлона. Впрочем, к сожалению, ещё не заканчивался. Силён был бродяга и потому встал. За что и получил ещё. Сначала удар в грудь и опять в печень (чтобы опешил!), а потом двумя каменными лапищами по ушам. Хлопок и... Эффект был в прямом смысле оглушительный. Аполлону ещё повезло – у него не лопнули барабанные перепонки. Но об этом он узнал попозже. Сейчас же, теряя сознание и снова оседая в канаву, он лишь удивился столь специфическому профессионализму ублюдков.

– Ну-ну! Давай вылезай, шланг вонючий! – угрожающе прозвучало сверху.

Аполлон открыл глаза и облегчённо вздохнул. Над ним громоздились сапоги, форма и всё остальное облачение блюстителей порядка.

Приподняв голову, он разглядел ещё двух блюстителей, которые, посмеиваясь (а может быть, это только так показалось), благодарно жали руку гладенько-гаденькому. Тот же напряжённо тянул из «москвичонка» своё мёртвое рыло и с лютой ненавистью вглядывался в арык. Он расплачивался за испорченный чехол на заднем сидении своего «кадиллака» и если бы можно было, то с удовольствием и аппетитом попинал бы Аполлона. Но это при условии, что того держали бы за руки, за ноги и, желательнее, за голову тоже.

Вспомнив, что девушка была в полубессознательном состоянии, Аполлон понял, что из двух зол судьба преподнесла ему хотя и меньшее, но с не очень большим перевесом.

Однако делать было нечего.

Тем более что когда он начал выкарабкиваться из канавы, то почувствовал такую боль в левой ноге и с правой стороны живота, что чуть было снова не вернулся обратно.

Сделать это ему теперь просто не позволили. С хрустом вывернув руки, героя переломили пополам ударом под дых и, схватив за волосы, так пнули под зад, что оторвали от земли и вбросили в открытую заднюю дверцу жёлтого «бобика».

УБИЙЦЫ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ

«Моя милиция меня бережёт!», – сказал поэт сравнительно недавно, если, конечно, мерить мерками историческими. И он был прав! Особенно в то время, когда ещё очень

отчётливо и живо виделись гражданам ужасы и кошмары полицейского и жандармского разгула.

Сейчас милиция тоже бережёт.

А как же!

Иначе шагу нельзя было бы ступить без обреза или какого-нибудь более современного оружия (в данном случае – защиты, конечно, а не нападения!). К тому же, вопреки некоторым не очень глубокомысленным мнениям, государство деньги на ветер не бросает. Другой разговор, кто и как эти деньги использует, но чтобы швырять кредитки направо и налево, как Воробьянинов баранки по пьяни, – этого нет, не было и никогда не поверю, что когда-нибудь будет (ну, за исключением, там, этого случая... или того...). Так что бережёт меня моя милиция и сегодня, но... не дай бог, чтобы ей представился такой случай. И уж если вы туда попадёте, да ещё и по какому-нибудь подозрению, то, как говорят французы, когда им уже совершенно нечего сказать, – «ой-ла-ла!» (естественно, не в смысле восторга).

Трудно, конечно, сохранить человеческий облик, встречаясь каждый день с отребьем, отбросами, выродками, маньяками и тому подобным шлаком, но надо! Ой, как надо! Иначе даже такая бедолага, как Екатерина Вторая, сказавшая как-то (или повторившая чьи-то слова), что лучше оправдать трёх виновных, чем осудить одного невинного, вполне сможет лет этак через пятьсот претендовать на звание святой, а вот замордованный аксиомой «С кем поведёшься, от того и наберёшься!» наш защитник тоже лет этак через... неважно сколько предстанет перед потомками монстром-садистом, не знающим ни жалости, ни сострадания, ни, тем более, устава.

Слаб человеке, но если эта его слабость проявляется в форме совершенно неоправданного насилия, да ещё и бросает тень на абсолютно непричастных к данному действию лиц, а подчас и героев, то тут уж, как говорится, ещё раз – «ой-ла-ла!» (опять же не в смысле восторга).

Это к тому, что автор сейчас будет повествовать даже не про замордованных, а про самую что ни на есть погань...

Вы уже, конечно, заметили, что автор вообще вынужден в данном повествовании время от времени копать в... Ну, сами понимаете в чём! Как это отражается на его здоровье и уж насколько это приятно, сколько ни догадывайтесь – ни за что не догадаетесь!

А что делать? Приходится выгребать и за тех, кто ещё до сих пор придерживается того мнения, что сор из избы лучше не выносить.

Может быть, в отношении избы или квартиры эта пещерная философия и верна (хотя и тут вряд ли!), но когда миазмы и противоречия принимают масштабы государственные и не дают дышать даже тем, кто их же и породил, то тут уж извините!

И всё-таки пусть потомки не думают, что всё было так черно и неприглядно. В газетных подшивках, да и в некоторых (ох, если бы только в некоторых!) литературных произведениях что ни строчка, то сплошное «ура». И это не ложь. Сплошного «ура», правда, тоже не было,

но и «ура» было. Чаще, к сожалению, рефлекторное, а не осознанное. А как же! Ведь даже в самые мрачные для человечества времена были люди, которые смеялись от счастья, любили и радовались, искренне восхваляли царя, вождя, короля, королеву, фюрера, президента, премьер министра, председателя, секретаря, попа и бог знает кого ещё. И все неприятности, вплоть до чумы, холеры и войны, относили к временным. И не всегда это были плохие или слепые люди. Просто инстинкт самосохранения, величайший из всех других инстинктов, без которого ничего живого на земле нет, владел ими безраздельно. И кто знает, может быть, многие бунтари, гении и герои являются их прямыми потомками и обязаны своим существованием так ими теперь презираемому инстинкту. Жизнь сложна, проста и правильна и когда она игнорирует самоуничтожение, и когда она жертвует собой, но, опять же, для себя в других.

Так вот автор всё-таки, несмотря ни на что, за «ура». Но не за рефлекторное. А иначе зачем огород городить? Есть ли смысл упрекать безногого в том, что он хромой? Так что ближе к мусору, а не к отсутствию ног, рук и уж тем более головы!

В некоторых, не очень высококультурных, кругах этим термином, то есть “мусором”, называют всех без разбора служителей правопорядка. Это, конечно же, несправедливо. Но где, собственно, вы встречали справедливость в оценках огулом и, тем более, в наклеивании ярлыков? К сожалению, те, кто “пригласили” Аполлона в стратегическую легковушку с двумя ведущими мостами, не заслуживали даже такого бросового прозвища. Их было, как вы уже заметили, тоже трое (магическое число!). Трое таких же убийц и насильников, но уже использовавших своё служебное положение для безнаказанного удовлетворения потребностей, обозначенных в психиатрии такими терминами, которые, попав в историю болезни, обрекают пациента на пожизненную изоляцию от общества. И если бы не применение блюстителем силы как самого быстрого и эффективного средства для достижения любых целей, то и сидеть бы им там, а, скорее всего, быть бы приговорённым к высшей мере.

Именно оно – процветающее бездумное силовое давление, как дымовая завеса, стирало, смягчало и растворяло их действия. И тут уж, как говорится, из песни слов не выбросишь! Запинывали сапожищами или раздробляли крестцы (в народном варианте – “копчики”) о первые попавшиеся углы они обычно вместе, но каждый имел ещё и своё хобби.

Лейтенант любил тягать подвыпивших интеллигентов за галстуки и наслаждался последними хрипами умирающей от инфаркта жертвы, отчаянно сообщавшей, что она уже пятнадцать (или двадцать) лет в партии и такого не потерпит.

Старший сержант пробавлялся больше по половой части. Даже вид замочной скважины вызывал у него слюно... и всего остального течение, и когда он дорывался, то лучше не описывать, во что превращалась жертва.

Младший сержант был ещё сравнительно молод, и его хобби только-только проклёвывалось. Зато оно было изысканнейшим! Обладая абсолютным музыкальным слухом, он с некоторого времени стал замечать, что хруст ломающихся костей, стоны и произвольные пускания ветров образуют иногда удивительно благозвучные сочетания и действуют на него благотворнейшим образом.

Не каждый день эти «три богатыря» поставляли прямо в морги продукты своих увлечений, но когда это происходило, то вскрытие редко обнаруживало какой бы то ни было криминал, а если и обнаруживало, то в юридическом запасе всегда имелся ряд таких труднопроверяемых заключений, как «выпал из машины», «избит неизвестными», и так далее, и тому подобное.

Чем люди занимаются, в том они и совершенствуются!..

Дико ревя мотором, «бобик» бешено прыгал по ухабам и рытвинам осеннего асфальта. Из зарешеченного окошечка, отделявшего салон блустителей от двухместного приёмного покоя, куда обычно запихивали до пяти, а иногда и больше особей обоего пола, раздавался мат и гогот. Аполлон не мог знать личностных характеристик веселящихся, но был хорошо знаком с «санаторным» климатом данного ведомства. Ни стоны жалобы, ни звука протеста не издал герой, когда, уже в который раз в этот злополучный вечер (теперь уже ночь), пришёл в себя.

– Стоит на мосту дежурный мент... – одной рукой крутя баранку и до отказа выжимая газ, излагал очередной анекдот «истекающий» бугай. – Так вот, стоит он на мосту, а в это время плывёт по реке дерьмо и кричит ему: «Привет, коллега!..».

– Кто кричит? – не понял юный – «изысканный».

– Дерьмо, дерьмо! Ну, говно!

– А-а...

– Ну вот. Мент вежливый оказался... Из интеллигентов, видать... А может быть, и по комсомольскому призыву... Фуфло, одним словом. Этот... как его... Романтик, мать его... Вот... «Привет!» – отвечает он. – «А почему «коллега»?».

– Действительно, почему? – теперь уже спросил лейтенант – специалист по интеллигенции.

– «А потому», – отвечает дерьмо, – «что оба мы с тобой из внутренних органов!».

– Га-га-га-га-га!..

Аполлон шевельнулся и понял, что он в этом оперативном железном пенале на колёсах не один. – Г-геста-повцы!.. Фа-шисты!.. Эс-сесовцы!.. – свистя, выплёвывал кто-то рядом сквозь разбитые губы.

То, что губы были разбиты, и, по-видимому, не только они одни, догадаться было нетрудно по сложности, с которой формировались звуки, и особенно их дикционная часть.

– До т-телефона бы д-добраться! – вязко добавил неизвестный и вдруг с неожиданной силой забарабанил по железной перегородке и исступлённо закричал: – Я парторг! Сволочи! Сгною! Всех сгною!..

Аполлон понял, что его сосед безнадежно пьян, и расслабился.

«Бобик» взвизгнул тормозами, и задняя дверца распахнулась.

– Кто парторг? – ласково раздалось из тьмы.

– Я! Я! Бандиты! Извер...

«Ги» Аполлон не услышал. Схватив за ноги кричащего, лейтенант и старший сержант рывком выдернули его. Как бильярдный шар, голова парторга щёлкнула об асфальт. У Аполлона бешено застучало в горле, потом затошнило и... мир снова исчез...

Когда через неизвестно какое, но, видимо, не очень длительное время герой снова пришёл в себя, он в пенале был один, а парторг... Где находился парторг, сами можете догадываться и предполагать и уж точно не на любимом партсобрании...

От места, где взяли Аполлона, до ближайшего отделения милиции было рукой подать, но «бобик» (в компетентных кругах его называют менее ласково – «бобон») мчался совсем в другую и явно периферийную сторону. Это объяснялось тем, что изрядно не святая троица была приписана не к центральному загашнику и не имела привычки делить добычу с кем-то. Аполлону ещё дико повезло. Причём совершенно с непредвиденной стороны. Два трупа зараз, да ещё и взятых с разных мест (впрочем, это мелочь!), были более чем подозрительны, тем более, что у него хоть и гладенько-гаденький, но всё же имелся свидетель того, что в машину он был брошен недохлый (вот это важно!). При всём при том, вёл себя герой тишайше и взяли его по подозрению в изнасиловании, что вызывало хотя и небольшую, но всё же коллегияльную симпатию. Настоящих, а особенно матёрых, преступников «богатыри» щадили, и если и им слегка поддавали, то скорее по-дружески, чем из ненависти. Узнать же «своего» было нетрудно. До ничтожнейших нюансов изучив малоизвестную широким массам трудящихся кухню, те вели себя совершенно определённо – то есть как надо! Один из вариантов этого «как надо!» заключался, прежде всего, в перевоплощении в роль «шланга» (простачка). Меня, мол, ничего не касается, я ни при чём! Также на предварительном допросе «свой» никогда не садился близко к столу следователя, зная, что тот вполне может врезать ему в лоб чем-нибудь, мало оставляющим следы. Ну, например, пресс-папье, имеющим весьма невинный и антикварный вид (кто и где им теперь пользуется по назначению?). К тому же «свой» всегда садится боком к заднему, стоящему за спиной блюстителю, чтобы вовремя заметить, когда тот будет наносить удар, и руки у него этак скорбно согнуты и прижаты локтями к бокам. Эта полубуддистская молитвенная поза ни в коем случае не обозначает смирение – она просто предохраняет печень и почки. А этот ливер – любимейшее блюдо описываемых автором гурманов. Поэтому его отбивают и по делу, и просто так – от скуки, проходя мимо по коридору (неожиданно и коварно!). И «шуншуре» (мелкоте), а уж тем паче птичке покрупнее, это прекрасно известно.

Некоторые могут подумать, что автор, в целях остросюжетности, несколько сгущает краски (известны, мол, нам эти писательские штучки-приёмчики!). К сожалению, не только не сгущает, а лишь набрасывает штрихи... контуры... бледные тени тёмного царства, не в исключительном виде существующего, и где закон всегда что дышло – куда повернул, туда и вышло!... Другой разговор, что с понятием социализма и вообще любого приличного общества это совершенно не вяжется (про ЧЕЛОВИЗМ я тут вообще молчу!). И если вас

убивают, то какая разница – чем, где и при какой общественной формации. И от сапог, и от пули, и от пыток, и просто от кулаков насильственная смерть везде и всегда неприятна. Да и не насильственная, честно говоря, почти всегда тоже. Тут, правда, нас интересует именно насильственная, как самая обидная. Так вот при гниющем капитализме, феодализме, империализме или при развитом социализме это происходит – практически не имеет никакого значения. По крайней мере, для того, кого убивают. Смерть – она и есть смерть. Для неё словеса – пустой звук. И хотя она, безусловно, мучительница, но, к чести её, одновременно и избавительница.

Так что да здравствует смерть при жизни такой!..

Обидно, конечно, но что ещё можно сказать в данном случае?

Аполлон остался жив. Правда, по случайному стечению обстоятельств. Но это уже не столь важно, как сам факт. Во время «шмона» (это когда при оформлении в КПЗ снимают ремни, часы, забирают деньги и вообще всё, что есть) он, скорее от боли в ноге, чем сознательно заметил явное расхождение суммы в его бумажнике с суммой, зафиксированной в протоколе. За что и получил любезно по печёнке. И хорошо, что получил! Удар сразу привёл героя в чувство, а истина надолго заткнула свой дурацкий и весьма чреватый фонтан. Тем более что рожа у старшего лейтенанта, заполняющего на Аполлона бумажки (не лицо, а именно ро-жа!), была без мимики. При свете тусклой, загаженной мухами и ещё бог знает чем лампочки, плохо скрывающей серые грязные панели и всё помещение, имеющее вид избитого клиента, Аполлон наконец разглядел и рыла «богатырей», доставивших его. Те тоже были картонно-мёртвые...

– Где они их такие берут? – подумал Аполлон, тщетно пытаясь задержкой дыхания и самовнушением успокоить неутраченное сердцебиение.

Тупо уставясь в плотно сидящих за решёткой “обезьянника” граждан, он впервые за этот день чувствовал себя так плохо. Разношёрстные и разнополые арестованные громко сетовали на свою невиновность, и за первой вязнувшей мыслью поползла вторая, констатирующая, что громче всех наверняка орут барыги, а вот тот, молча и страдальчески скрючившийся, наверняка почечник. Следующая мысль о своём шваховом положении грязно поползла за второй, но тут в шеренге полирующих доску-сидение произошло движение и несколько человек соединили свои голоса в один.

– В туалет! В туалет! В ту-а-лет!.. – скандировали они хором.

Блюститель лишь поморщился.

– Мучители! – вдруг выкрикнул почечник и ещё сильнее согнулся.

Наступила тишина.

Блюститель положил ручку, спокойно встал, не торопясь вытащил из-за решётки почечника и прислонил его прямо напротив Аполлона.

– Ах, вы ещё и недовольны? Чем? – вкрадчиво спросил он.

– Я ни в чём не виноват! Я не пьян! У меня приступ почечной колики!.. – плачуще-отчаянно попытался объяснить почечник, но, не закончив, застонал и согнулся.

– Угадал... – безрадостно подумал Аполлон. Блюститель усмехнулся. Это первое движение на его лице было подобно улыбке «весёлого Роджера».

– Все вы так говорите, миленькие... – успокоил он почечника и, уложив его на пол ударом в обожаемую печёночку, вызвал помощника.

Вместе они сволокли лежащего направо, в помещение, где в двери поблёскивало небольшое окошечко. В полной тишине стали слышны тупые и вялые удары сапог и кряканья бессознательного тела. Это было так жутко, что даже барыги не выдержали. Тем более, что Аполлон снова потерял сознание и, сконвульсировав, вытянулся у стола, чем внёс дополнительный стимул.

– Поссать не вымолишь!.. Попить!.. – раздались одинокие выкрики. – Пока порог не переступил, чувствуешь себя хоть каким-то человеком, а тут хуже собаки...

Кто-то забарабанил кружкой о пустой бачок. Во избежание использования её клиентами в качестве орудия насилия, она была прикреплена к бачку железной цепочкой. В помещении поднялся невообразимый шум.

Дверь с окошечком распахнулась, а с улицы вбежали «три богатыря»...

КОШМАРЫ

Если Марк Твен сказал, что правду можно говорить только из могилы, то, наверное, многие многое бы отдали, чтобы бросить по лопатке землицы в мою сторону сегодня, дабы не услышать того, что я излагаю, завтра.

Хвала Марк Твену, не побоявшемуся бросить в лицо своим современникам и потомкам перчатку правды о правде! Хвала и одному безвестному шизофренику, начавшему в одну из своих творческих вёсен каждодневную побелку одной и той же стенки. Никакие ухищрения предприимчивой жёнушки не сломили его упорства, и дальше этой стенки ремонтное рвение не продвинулось. Но трижды хвала психиатру, проникшемуся сочувствием не к жалующейся, а к пациенту.

– Пусть белит! – сказал он, измученный нескончаемыми ремонтными происками своей до ненормальности нормальной подруги жизни.

Так будем же продолжать белить!

Как раз в то время, когда дверь с окошечком в чреве одного из периферийных отделений милиции распахнулась, а с улицы вбежали «три богатыря», ИЛ-62, совершающий рейс Москва – Алма-Ата, благополучно совершил посадку в порту прибытия.

Наум Аркадьевич был доволен: в Москве всё было в порядке. Имеется в виду, конечно, здоровье его сестры, а не кое-что другое, которое вместе с метеоусловиями оставляло желать много лучшего.

Добравшись до своего саманного “дворца”, благородный старец не стал растапливать печку и греть кофе. Он повесил в беседке свой любимый гамак и бросил на него, поверх матраца, спальный мешок. Забравшись в центр этого оздоровительного сооружения, Наум Аркадьевич вжикнул молниями и удовлетворённо устремил свой взор в ясное осеннее звёздное небо...

Утро было свежо и очаровательно!

Повторяется автор, но и природа не всегда разнообразит.

И пусть!

Особенно в смысле – ”Ах!”.

Будучи убеждённым, что всякие гимнастики и зарядки много проигрывают, исключая из своего комплекса элемент конкретной сиюминутной полезности, Наум Аркадьевич по утрам пел. Пел в полный голос, благо, что жил не в панельном улье, а в собственном... ну не в импортном, полностью благоустроенном коттедже, но всё-таки в мало мешающем соседям одноэтажном жильё. И это было немаловажно, так как голос у эскулапа был – ого-го! По крайней мере, эксплуатируя его на профессиональной безмикрофонной сцене, с голоду бы доктор не скукожился. Ввиду благоприятного расстояния, звук смягчался, гасился и мало раздражал. Репертуар же был подчас такой неожиданно разноплановый (от романсов и арий до самых легковесных песенок), что соседи чаще прислушивались, чем посмеивались. Единственная закономерность, присутствующая в репертуаре заключалась в том, что если от азиатской жары язык становился ватным и даже двигаться не хотелось, то доктор обязательно пел или «Ой мороз, мороз – не морозь меня!..», или что-либо в этом же роде, освежающее.

В манере Георга Отса (Наум Аркадьевич считал его образцом певческого, а значит, и самого здорового, дыхания и культуры исполнения) он весело и непринуждённо выдал в это утро несколько распевочных вокализов на легато и стаккато и лишь после этой разминки позволил себе перейти к основной части.

– “Под солнцем знойным изнывая, на пляже встретился он с ней. И ракушками бросая, попал куда-то больно ей!” – выдал он «на-гора». – “Она так строго посмотрела, как будто это не шутя, и вымолвить что-то хотела, но рассмеялась, как дитя!” – продолжил Наум Аркадьевич и шумно, через нос, всосал очередную порцию обжигающего воздуха (перед самым рассветом на землю выпала снежная крошка).

Хлопнула калитка, и раздалось хрумканье шагов.

– Наконец-то! – облегчённо подумал эскулап и зажмурился. – “Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился, и шестикрылый серафим на перепутье мне явился!” – трубно продекламировал он предполагаемому приближающемуся Феде.

– “Глупец! Хотел уверить нас, что Бог гласит его устами!”. Вылезай, пророк! – прозвучало в ответ, и благородный старец удивлённо отверз свои зеницы, так как голос был не Федин.

Дело в том, что гений уже много лет квартировался у Наума Аркадьевича и расплачивался за амортизацию жилплощади и скарба угольками нескончаемых скандальных диспутов и ведением хозяйства, которое сам доктор называл не иначе как хреновым. И это была истина! Из всех благородных плодоносящих садовых и огородных культур на его усадьбе хорошо рос только хрен. Сейчас же перед доктором стоял не квартирант, а Абрам Моисеевич.

– А-а, белой акации цветы эмиграции! – пропел Наум Аркадьевич язвительно. – Как там с землёй обетованной? Маячит, а? Дуй в Израиль, дуй! “А я остаюсь с тобою, родная моя сторона. Не нужен мне берег турецкий! И Африка мне не нужна!”.

К ещё большему удивлению доктора, Абрам Моисеевич не взвился, как обычно, а лишь устало вздохнул и, смахнув снег со скамейки, расположенной в углу беседки, подстелил газетку и присел.

– Э-э! Да ты, никак, ехать раздумал? Ну, брат, от тебя я это ожидал всегда. Рад за тебя! И за себя тоже! Вот оно – истинное лицо вечно мятущегося русского интеллигента, неважно, что иудейского происхождения! Вот она – гордость нации, в смысле всего человечества, а не какой-то там малочисленной носатой кучки! Вот она – наша социалистическая победа! Евреи больше не бегут, как крысы с тонущего корабля. Они борются!

– Кончил?

– Ну!

– Вот и “ну”! Бей жидов – спасай евреев! Причём всех времён и народов!

– Ну, это конечно! Давай дальше, черносотенец махровый! Тебя с твоими лозунгами там только и ждут...

– Даю-даю... Федя в первой клинической, а Аполлон в КПЗ по подозрению в изнасиловании и ограблении.

– Что-о? – Наум Аркадьевич подпрыгнул, от чего доски, к которым был прикреплён гамак, опасно взвизгнули.

– У твоего гения сотрясение мозга, а насчёт Аполлона надо звонить Соломону, иначе дело совсем дрековое. Я сейчас прямо из отделения милиции, и там сказали, что взяли его с места совершения преступления уже сильно покалеченного.

– Ой-ё-ё-ё-ёй! Да для этого же взвод десантников нужен!

– Обошлись без взвода!

О-ох, соколики вы мои шизокрылые... – беспорядочно дёргая молниями, запричитал Наум Аркадьевич.

– Не дрыгайся! Я уже и за тебя и за себя надрыгался. Кто-то из нас должен быть в форме. Вот тебе номер телефона Соломона. Никак дозвониться не могу. Придётся, видимо, к нему прямо на дом шуровать.

– Когда они влипли-то?

– Сегодня ночью.

– Это когда я... А откуда ты-то узнал?

– От Феде медсестра позвонила, а на Аполлона я наткнулся совершенно случайно. Мужичонка один подвозил меня в больницу и так ругался, что, когда я его спросил: «Что случилось?», он всё и выложил. Так, мол, и так – с бандитом ночью встретился и сдал его милиции. Нет, что-то сверхъестественное существует! Кое-какие детали вдруг заставили меня прямо похолодеть от мысли: “А не Аполлон ли это?”. Стал спрашивать подробнее – он! Еле отыскал нашего директора. Ох, и в дыру его запекли! Ох, и в дыру!..

Через десять минут Наум Аркадьевич был при полном параде. Когда он, облачённый в свои самые блестящие ширпотребовские латы, вошёл в беседку, Абрам Моисеевич клевал носом. Разбудив оппонента, доктор решительно всунул ему связку ключей.

– Вот что, эмигрантус вульгарис, забирайся на моё место и спи. А я пошёл... Да не сопротивляйся! Когда я вернусь, ты должен быть как огурчик. Возможно, сменить меня придётся. Больница и милиция – учреждения аховые.

– И о-оховые... – добавил Абрам Моисеевич, зевая.

И на этот раз он не стал спорить с эскулапом. Молча облачившись в шерстяную спальную олимпийку доктора и забравшись в мешок, Абрам Моисеевич вжикнул молниями.

– Что ж ты не позвонил мне перед отлётом в Москву? Я бы тебе передал кое-что.

– Так ты же передал. Забыл, что ли?

– Это когда ты во Фрунзе уезжал. А потом я вспомнил про ещё одно лекарство...

– Здравствуйте! Как бы я его взял, если прямо из Фрунзе в Москву улетел.

– Да? А ребята говорили, что в Алма-Ате тебя встретили?

– Ерунда! Как это может быть, если у меня был прямой билет Фрунзе-Москва? Они что-то путают. Неврастения проклятая!

– Ну, хорошо... У тебя кофе-то есть?

– Какой кофе? Сон – твой кофе. Спи! – припечатал Наум Аркадьевич и быстро зашагал к калитке.

Абрам Моисеевич вяло дёрнулся и, поняв, что лучше не связываться с опрокидывающим моментом гамака, закрыл глаза.

Первый сон был – СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ!

Второй – КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ!

Третий – ЭМИГРАЦИОННЫЙ!

Четвёртый – РЕВОЛЮЦИОННЫЙ!

Сон первый (социалистический)

Вначале было собрание, на котором все, вплоть до оратора, связывали сами себя по рукам и ногам и засыпали. На папке с докладом оратора сидела огромная зелёная муха. Она сучила махровыми лапками и визжала, как пила-циркулярка. Это соло и мертвец бы не выдержал, но спящие лишь блаженно причмокивали и время от времени дружно голосовали «За!».

Тишь, гладь да божья благодать!

Потом было производство, где те же граждане продолжали так же крепко дрыхнуть, но теперь уже каждый на своём рабочем месте и в самых вычурнейших позах. Над головами спящих витало электронное табло, на котором бесшумными зарницами вспыхивали призывы. Вспышки сопровождались вечерними ударами колокола, от чего спящие передёргивались и, выполнив очередное балетное коленце, снова застывали.

И, наконец – парад, в котором Абрам Моисеевич уже сам принимал участие. Сначала он увидел себя среди демонстрантов. Удивительно, но колонна состояла из тех же граждан, которые теперь не спали, но зато были мертвецки пьяны. Вместо транспарантов, флажков и шаров каждый высоко и параноидально гордо тянул вверх наполовину опустошённую бутылку с водкой и дурным голосом тянул нескончаемое перекатное “Ура-а-аа!..”. “Экстра”, “Пшеничная”, “Столичная”, “Охотничья”, “Московская”, “Анисовая”, “Сибирская”, “Посольская” и так далее пузатились и плыли над толпой. Наряду со знакомыми наименованиями попадались и незнакомые. “Стахановка”, “Насущная”, “Патриотическая”, “Аппетитная” и так далее мелькали и там и тут.

Вдруг Абрам Моисеевич заметил совершенно уж невообразимое. Какой-то, видимо, не до конца осмуревший, а потому, наверное, и свирепый донельзя деловой дядька врезался в колонну и начал пырять в демонстрантов массивным фанерным портретом Карла Маркса. Бары-бер! Только выше взметнулись бутылки, и лишь какой-то верзила, приняв портрет за закусон, вцепился в него зубами и вырвал из верхнего левого угла изрядный ломоть. Опилки так и посыпались... Верзила запрокинул голову и, издав утробное голубиное урчание, благодарно похлопал дядьку по плечу. Тот же совсем осатанел. Огненно взбрыкнув, он поскакал прямо на Абрама Моисеевича, который и глазом не моргнув, как просел от портретной тяжести. Ухнул барабан, запела труба – колонна двинулась. Задние напирали, с боков стояли солдаты – деваться было некуда. Шатаясь под с каждой секундой тяжелеющей ношей, Абрам Моисеевич потопал вперед. Дядька же смахнул пот со лба, вытащил из-за пазухи поллитру, опорожнил её до половины и, высоко взметнув полупустую тару над головой, слился с толпой. Абрам Моисеевич выглянул из-за портретного древка и открыл рот от изумления. На бутылки алело знамя, пересечённое по диагонали плакатной надписью «Партейная». Абрам Моисеевич знал, что какой-то найдешёвейший и наиядовитейший сорт портвейна алкаши называют «Партейным», но чтобы такое было пропущено цензурой, да ещё и красовалось на товаре суперширокого потребления – это было невероятно! Тем более, что портрет Карла Маркса натёр руки и плечи до кровавого безобразия и давил так, как будто был отлит из единого бруска червонного золота.

Воспользовавшись заминкой, благодаря которой колонна на мгновение остановилась, Абрам Моисеевич “закусил удила” и с криками «По-маленькому! По-маленькому!» прорвал армейскую цепь и выбежал на тротуар. Осторожно прислонив портрет к какому-то усохшему на корню чахлому продукту зеленостроя... он вдруг оказался на трибуне.

Отсюда, сверху, всё выглядело в наирозовейшем свете. Алел кумач. Там и сям среди красного марева громоздились объёмные шедевры наглядной агитации и пропаганды. Величаво проплывали над ликующими массами плоские пиджачные пары с конторскими лицами и одной, двумя или несколькими звёздами на выпуклых молодецких грудях. Всё было – о’кей!

Абрам Моисеевич огляделся. Боже мой! Те же рожи, но не молодецкие, а дряхлые, принадлежащие лысым старцам в накрахмаленных стандартно-деревянных костюмах-гробах, окружали его. Все они как будто бы стояли, а на самом деле сидели на высоких стульчиках-кочках. По проходу ползком-ползком по-пластунски пробиралась мороженщица с подносом. На подносе лежали... шприцы! Как только очередной старец начинал сползать со своей кочки, мороженщица делала ему в одно знаменитое место укол. Старец сразу выпрямлялся и тут же начинал приветственно... а может, и укоризненно... а может быть, и предупреждающе покачивать пальцем в сторону народа. Толпа вздрагивала и сразу же закручивала хоровод и пела про кру-кружочек, красненький флажочек.

От ещё большего изумления Абрам Моисеевич тоже пополз, за что и получил укол, от которого подпрыгнул до облаков.

Тучки небесные приняли его как родного. Уже с такой высоты всё происходящее внизу казалось совершенно совершенным. Герой даже умилился, но тут же вспомнил про высотное кислородное голодание, вызывающее эйфорию, и, через силу, немного нахмурился. Результат не заставил себя ждать.

– Бух! Бух! Бух!.. – это лопались разноцветные шарики, шары и шарищи, и привязанные к ним флажки и лозунги камнем летели вниз.

Абрам Моисеевич попытался нахмуриться посильнее, представляя, как эти обрывки тюкают кого-то по макушке, но не тут-то было. Совершенно идиотское веселье разрывало каждую его клеточку. Теперь и шары не омрачали расфокусированного, а потому идеального торжества. И в небе и на земле всё плясало, прыгало и пело... Шары же лопались всё яростнее. Наконец, самый толстый красный и нахальный тюкнул уже тоже пляшущего и поющего во всё горло Абрама Моисеевича по носу и, разлетевшись в клочья, поверг его через безвременье небытия в другой сон.

Сон второй (капиталистический)

Действие во втором сне началось с того, с чего закончилось в первом, – с небес. Мало того – с закатных небес! Великолепие было бы полным, если бы не безобразная в своём неживом постоянстве неоновая латинская надпись. Она перечёркивала, как шрам, живой природный калейдоскоп с запада на восток, с юга на север, от края земли и до края крест-накрест:

НОМО НОМІНИ – NEMO EST!

(ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ – НИКТО!)

Моисеевич прочёл и... начал проваливаться. Чем ниже он падал, тем темнее становилось сверху и светлее внизу. Облегчённо вздохнув, Абрам Моисеевич взглянул под ноги и... похолодел. Он летел прямо в жерло огромной, раскалённой добела и ревущей, как Ниагарский водопад, мясорубки.

– А-а!.. – попытался бежать он, но члены ему не повиновались.

Да и зачем им было повиноваться в свободном падении! Вот уже пахло жаром... Вот технический рёв перекрылся хрустом перемалывающихся косточек летящих на огонёк таких же, как и он, граждан... Вот уже...

Очнулся Абрам Моисеевич в медленно, но от этого особенно жутко сжимающейся одновременно со всех сторон камере-прессе. Удовольствие не из лучших, но, как оказалось в дальнейшем, и не из худших. Когда пресс выдавил счастливец, тот был выжат как лимон и раздроблен до мелкой крошки, но... ещё двигался. Двигаться он перестал тогда, когда прошёл операцию, напоминающую «пятый угол». Толпа безликих граждан в добродетельнейших улыбающихся масках приняла его и, не давая коснуться земли, начала пинками перебрасывать по кругу.

– Человек человеку – никто! Оставьте меня!.. – отчаянно заверещал Абрам Моисеевич, тыча тем, что осталось от пальца, в небо.

Тщетно! Даже хуже! Теперь после каждого пинка с него срывали что-либо из одежды. Трах – пиджак! Трах – жилет! Трах!.. Последний пинок был особенно сильным, а главное – в запрещённое энное место. Плавки (последнее из одежды) затрещали и... лопнули. Счастливец не почувствовал боли (где уж там было что-нибудь чувствовать!), но сознание потерял. Это он понял умом, так как каким-то образом продолжал ещё некоторое время видеть себя со стороны. Как белый лебедь, парил он над разъярённой толпой премилых масок и презрительно покачивал... неважно чем!

Наконец и это видение растворилось в надвигающейся и клубящейся, как дым, тьме...

Снова увидел себя Абрам Моисеевич в роскошном многоячеечном клозете. Судя по восседавшим «орлами» на инкрустированных драгоценными камнями золотых унитазах жрецам бизнеса, клозет был для избранных. Белки закатившихся от удовольствия глаз восседавших указывали на то, что наконец-то они достигли блаженства, к которому стремились из поколения в поколение. На Абраме Моисеевиче, как и на других присутствующих, был смокинг и котелок, а также он снова обрёл способность к самостоятельному передвижению. Однако на этом кажущееся просветление и закончилось. Мучительное желание не замедлило пронзить счастливца снизу. Он ринулся к свободной драгоценной ёмкости и... был остановлен очаровательной леди.

– Мани, мани, мани! – пропела она и потёрла перед наливающимися кровью глазами счастливца пухленькими пальчиками.

Лихорадочно сунув руку в первый попавшийся карман, Абрам Моисеевич извлёк из него горсть советских монет, на что леди лишь кисло сморщилась. В другом кармане оказались деньги соцстран. Леди даже не среагировала. Распираемый естественнейшим желанием, Абрам Моисеевич в третий раз погрузил руки в карманы – и они наполнились советскими значками. Отчаяние ударило в голову, но неожиданно леди улыбнулась и, приняв значки, испарилась. В мгновение ока герой вспорхнул на насест. Но не успел он сделать то, что ой как нужно было, как...

– Ай эм сорри!.. – раздалось у его уха, и всё та же, невесть откуда снова появившаяся, леди профессиональным ударом спецаргента скинула героя с унитаза.

– Что? Что ещё? – завопил счастливец.

– Мани, мани, мани! За смыв! – опять пропела леди и щёлкнула пальчиками.

– Проклятый капитализм – взревел Абрам Моисеевич, на что все благополучно восседающие тут же широко распахнули свои горящие от восторга очи и ткнули в счастливца обсыпанными бриллиантами перстами.

– Чтоб у тебя все зубы выпали, а один остался для боли! – обрушилось многоголосое проклятье, и Абрам Моисеевич тут же выплюнул все зубы и взвыл от боли в оставшемся.

Мало того! Шею бедняги опоясала массивная золотая цепь с огромным, с куриное яйцо (рубль двадцать – десяток!) бриллиантом. Цепь скрутилась в петлю, а бриллиант, вытянувшись в электродрель, впился в кадык. Муки, казалось, достигли своего апогея. Но нет! Не достигли! Тьмы! Спасительной тьмы не наступало! Всё вокруг и внутри, вопреки всякой логике и науке, светлело и сверкало всё более и более. От нестерпимого сияния и жары слёзы вроде бы хлынули, но тут же высохли, и веки запузырились от ожогов.

– Ой-ё-ё-ёй! Освободи, Господи! Освободи!.. – совершенно бесцветно и безнадежно взмолился Абрам Моисеевич и... через спасительное безвременье небытия попал в следующий сон.

Сон третий (эмиграционный)

Первое, что увидел герой тут, – это чемодан. Огромный кожаный чемодан без ручки (откуда же ручка в кошмарах!). Но главная неприятность была не в отсутствии ручки, а в том, что чемодан всё время терялся. В нем же было – всё! Ежесекундно обливаясь волнами холодного пота и жара, Абрам Моисеевич метался по бесконечным вокзалам, портам и аэродромам, находил, в конце концов, чемодан, причём на самом видном месте, и тут же снова терял его лишь для того, чтобы снова найти и снова потерять.

Наконец путешественника прозвездило. “Одолжив” у случайного (а может быть, и не случайного!) клюющего носом альпиниста верёвку, он несколько раз перехватил ею блуждающую ёмкость и себя, и тут начался совершеннейший мультфильм. Чемодан вздыбился, отчего пришлось изрядно протравить конец, и... ринулся на владельца. Удар! Ещё удар!..

– «Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а так! Если сразу не разберёшь – плох он или хорош!..» – хрипло выкрикивали вслед убегающему вокзальные динамики.

Вот уже от тупых ударов стало совсем невмоготу, вот беглец упал и закрыл голову руками, вот... Разверзлась пропасть, и, увлекая за собой строптивного напарника, Абрам Моисеевич начал падать.

Кто достаточно часто падал во сне, тот знает, что удовольствие это скорее философское, чем физическое. Падал герой ровно столько, сколько требуется для того, чтобы совершенно успокоиться, смириться и плюнуть на всё и вся. Казалось бы – чего лучше? Но только-только он словил этот вселенский кайф, как плюхнулся в ледяную прорубь. Чемодан отвязался и, нырнув вслед за хозяином, также вслед за ним и всплыл. С левого края (а может быть, с правого) прямо на срезе льда было написано огромными красными буквами – «СССР». С правого (а может быть, с левого) такими же огромными и тоже красными – «Не СССР». Тяжело дыша и толкая впереди себя чемодан, Абрам Моисеевич поплыл слева направо (а может быть, справа налево). Несмотря на явно зимнюю декорацию, жара стояла нестерпимая. Подплыв к правому краю проруби (а может быть, к левому) и понюхав лёд, который надменно и совершенно перпендикулярно возносился на неприступную высоту, путешественник метнулся туда, метнулся сюда и... поплыл по новой, то бишь обратно.

Чемодан не выдержал, булькнул и ушёл на дно. В ушах зазвенело и лопающимися пузырями защёлкало:

– Не мотайся, как фиалка в проруби! Выбирай, где лучше!

– Внутренний голос подключился. Потусторонний! – неожиданно очень спокойно проконстатировал Абрам Моисеевич и тут же так же спокойно и мысленно ответил: – И там дерьмо, и тут дерьмо!

– Выбирай! – настойчиво и зло повторил голос. – Выбирай, или...

Боль! Нестерпимая боль оттолкнулась от ушей и взрывной волной ринулась внутрь. Абрам Моисеевич выпучил глаза, глотнул воздух и вдруг заорал во всё горло:

– Но какая пересадка в Париже!

– Буль-буль-буль! – закипело вокруг, и прорубь превратилась в гейзер.

– Анекдоты травишь, зараза! – рявкнул голос, и вода вспучилась.

На столбе шипящего кипятка Абрам Моисеевич метнулся вверх и... через безвременье небытия попал в последний – самый короткий сон.

Сон четвёртый (революционный)

Мир возник от приятного прикосновения прохладного железа к раскалённым телесам. Париж! Это, конечно же, был Париж со своей неизменной, торчащей, как заноза, Эйфелевой башней. Об одну из её опор и тёрся разбитым и обожжённым лбом Абрам Моисеевич (не всё исчезло бесследно из предыдущего сна).

О Париж – колыбель революций и мод и изысканейших фом любви и её удивительных комбинаций, жрец утончённости, легкомыслия и победного взлёта раскованного разума! О Париж!.. Толпы людей кричали, плясали, пели, отчаянно ругались, дрались и вообще вели себя крайне шумно и безалаберно. И всему этому можно было бы лишь снисходительно улыбнуться, как детской шалости, если бы не кровь. Настоящая маслянистая тёмная и алая человеческая кровь струилась под ногами толпы и мазала подошвы и платья.

С башни тоже капало. Сначала Абрам Моисеевич не сообразил – что, но когда стёр очередную каплю со лба и взглянул на руку, то обмер. Кровь! Везде была кровь!

– Лишь бы не зря! Лишь бы не зря!.. – запричитал он в ужасе.

Испуганно зажав себе рты, все сдвинулись и образовали коридор, в который торжественно вступила процессия жрецов в красных куклуксклановских балахонах и с банными тазиками в руках. В тазиках весело плескались розовощёкие младенцы. Дойдя до

башни и окружив её, жрецы отрешённо и холодно пропели: “И-ид! Иде-я! Иди-от!” и одновременно выплеснули содержимое тазиков. Детские тельца, отчаянно вереща, конвульсируя и трупно расплзаясь, облепили Абрама Моисеевича.

Солнце вспыхнуло.

– А-а!.. – дико взревела толпа.

Солнце погасло.

– У-у! – жалобно застонали те, кто ещё мог стонать.

Солнце опять вспыхнуло.

– А-а!.. – ударило снова.

Солнце погасло.

Стонать было некому...

Абрам Моисеевич открыл глаза. Он лежал под гамаком. Сквозь ещё вздрагивающую сетку весело прыгали солнечные зайчики. Был полдень – было жарко.

– Сверзился! – удовлетворённо отметил про себя счастливец и вслух добавил: – Так тебе и надо!

– Здравствуйте! – робко и испуганно прозвучало рядом.

– Здравствуйте! – машинально ответил Абрам Моисеевич и, скосив глаза, увидел ангела.

– Чёрт знает что! – буркнул путешественник и толкнул подбородком молнию спального мешка.

Кошмары явно не хотели покидать его: ангел не исчезал.

– Вы – Наум Аркадьевич? – ещё более тихо прошелестел ангел и начал пятиться.

– А что, похож? – довольно грубо гаркнул лежащий и тут же сам себе ответил: – Ну да, все евреи – родственники!

– При чём здесь евреи? – уже смелее пропел ангел. – Я только что из психдома!

– Самое место для вас... А я, как видите, из гамака! – просипел Абрам Моисеевич и, наконец-то справившись с молниями, вжикнул ими.

– Я Света! Федина подруга! Я от Феди! – уже сердито и в голос сказал ангел и освободился от сияния ауры и крыльев.

Тут автор опять предоставляет гению возможность блеснуть перед человечеством своими талантами, а заодно и познакомить вас со Светой.

Итак, рассказ Феди:

Дух атамана Дутова

Что могут человеки с их несчастными пятью чувствами, жизненным мизером и слабостями? Некоторые скажут – много, некоторые – мало, Света же убедилась, что – ничего! Ничего не могут, так как всё, что ни делают, – топтание на одном месте с видимостью движения.

Такая достаточно зрелая философия посетила Светлану уже в достаточно зрелом возрасте – в восемнадцать лет. Мало того, в самом, казалось бы, не подходящем для этого месте – в лагере пионерского и комсомольского актива «Олимпиец».

Собственно, лагерь этот был спортивно-оздоровительный – отсюда и название, но последний заезд предоставили активистам, и отсюда, естественно, возникло и новое содержание.

Затрубили горны, забили барабаны, из репродукторов вместо «Ты под знаком Скорпиона родилась» запульсировали пионерские марши, повара испугались и впервые за лето вложили в обед всё, что положено.

Сезон начался!

Грандиозные планы были у Светланы. Как новый методист районного Дома пионеров она должна была сразу доказать, что вступила на эту нелёгкую стезю по призванию.

Счастливая и возбуждённая, она разводила знаменную группу, когда около неё остановился мужчина лет тридцати, с фигурой тяжёлоатлета, элегантно облачённой в фасонное изделие индопошива.

– Ты кто? – игнорируя печатающих шаг знаменосцев, спросил он.

– Как кто? – растерялась Света.

Манекенная причёска, янтарный обволакивающий взгляд и обильная маслянисто-чёрная кудрявость, пробивающаяся сквозь отвороты спортивного покроя рубашки, как-то сразу ударили.

– Ну, пионерка или вожатая?

– В-вожатая... А вы кто?

– Шварц! – многозначительно изрёк атлет и, игриво подмигнув, поднял указательный палец.

– Светка, не бери в голову! Эту заразу я не переношу органически! – брезгливо объяснила вечером сущность Шварца старшая вожатая Галина Александровна – методист того же Дома пионеров, но с очень внушительным стажем. – Самец! Племенной бык и лабух!

– Музыкант! – перевела для себя Светлана и покосилась на матовый от пыли аккордеон «Веллътмейстер», громоздящийся на одной из тумбочек пионерской комнаты...

Открытие лагеря прошло на уровне.

Только в самом конце, когда от костра осталась грудка магически вспыхивающих углей и все, зябко поёживаясь, сдвинули ряды теснее, запланированный Галиной Александровной порядок несколько нарушился. Посыпались шуточки, импровизации и песни под гитары старшеклассников.

– Ах, не по сценарию!.. – заволновалась Галина Александровна. – Ах, аккордеон бы!..

Более опытная, а значит, и мудрая начальник смены Нина Ивановна Шабанова – добрейшей и нежнейшей души человек и именно поэтому бессменный директор Дома пионеров Ленинского района – оттеснила Галину в сторону, и через несколько минут над лагерем поплыло фанфарное «Спать, спать по палатам пионерам и вожатым!»...

Расположен был «Олимпиец» у подножья двух горных складок с родниковой речушкой, воздвигшей вокруг себя почти субтропические заросли. Заросли начинались сразу за туалетами, а значит, и за незримой чертой, отделяющей цивилизованный рай от дикой сельвы. И над всем этим сверкали совершенно особенные звёзды – августовские. Особенности потому, что, во-первых, их в этом месяце всегда слишком много и, наверное, поэтому они без конца падают, а во-вторых, в августе эти светила не имеют никакого отношения к астрономии, так как высыпаются на небо исключительно для лирики и поэзии.

Так вот, в эту ночь, кроме начальника смены, старшей вожатой и двух-трёх семейных воспитателей, в лагере никто не спал. Сразу же после двух часов все поднялись, оделись и, завернувшись в шерстяные одеяла, освобождённые от стерильного плена пододеяльников, углубились в ущелье.

Странная это была процессия. Бесшумная и очень организованная.

– Активисты! – гордо и восторженно выстукивало сердце Светланы.

Как и все вожатые, она шла во главе своего отряда и думала:

– *Какая же это замечательная традиция: вот так – всем вместе – продолжать открытие лагеря где-то в почти джунглях, у какого-то загадочного «Чёрного камня»!..*

Ветки хлестали, досточки, перекинутые через речушку, выскользывали, тропинка была невидна и временами, забираясь на гору, опасно скособочена – от всего веяло романтикой и приключениями. А впереди, у огромной базальтовой глыбы, уже давно горел костёр, и несколько ребят вытряхивали из рюкзаков картошку...

Всё было здесь хорошо!

До тех пор, пока не заухала какая-то ночная птица.

– *Дух атамана Дутова! – сделав страшные глаза, пошутил физрук.*

– *Какой дух? Какого Дутова? – так и посыпалось со всех сторон.*

– *Того самого! Ну, который удрал от наших в горы. Там, где теперь арка, красноармейцы засаду устроили, а он в это время у этого камня был. Отсюда и подался... Говорят, сосна, что у столовой, его руками посажена.*

– *У-ух! – опять крикнула птица, и Света пододвинулась поближе к костру.*

– *Удивительные дела... – подумала она. – Ни атамана давным-давно нет, ни засады, а сосна растёт. И кора у неё не белого цвета, а, как и положено, красного. А вот камень как был чёрным, так и остался...*

Уже под утро, когда все вернулись в лагерь и, разойдясь по палатам, моментально уснули, Света, невесомая от впечатлений и необыкновенного душевного подъёма, ещё раз выбежала за границу лагеря и взглянула на небо. Целая группа звёзд как будто только и ждала этого момента – и тотчас скатилась.

– *Что загадать, что загадать? – запоздало подумала Светлана и, проследив за полётом раскалённых брызг, обмерла.*

Из сельвы на неё глядели жёлтые глаза Дутова.

– *Мя-у! – сказал атаман и, превратившись в Шварца, добавил: – Кис-кис-кис-кис!..*

Кусты затрещали, и вслед за предводителем из них вынырнул ещё один жрец богемы и всех её пороков. Жрец был, в противоположность Шварцу, тонок до прозрачности и хрупок, а руки его судорожно сжимали фирменную отливающую золотом эстрадную трубу.

– *Саша, труби поход! – скомандовал Шварц.*

С трудом поймав губами выписывающий замысловатые фигуры мундштук, жрец мощно заиграл.

Консерваторское образование сказывалось...

– У-ух! – крикнула птица.

– Пора по бабам! Пора по бабам! – рявкнул предводитель и, подхватив трубача, строевым шагом прошествовал мимо Светы обратно в сельву.

– Плюх! Плюх!.. – послышалось со стороны речушки.

– Ой! – вскрикнула Света.

– Ассолом алкогелейкум, родные! – раздалось из противоположных кустов, и круглый и сияющий, как полная луна, Дулат (третий жрец) протянул руки утопающим.

– Ч-чертовщина! – выплёвывая мусор, выругался Шварц.

Трубач стоял по колено в воде по стойке «смирно» и прижимал к губам огромную кость. По вылетающим из-под неё весьма неприличным, но очень узнаваемым по ритму звукам было ясно, что он пытается сыграть «Неаполитанскую песенку» Чайковского.

Венеция! Вокруг него, конечно же, была Венеция!

Уже днём, в археологического вида куче мусора, выросшей среди прибрежных зарослей, юные следопыты обнаружили злополучную трубу. По мокрым, ещё очень свежим, следам они доставили её в трёхместную палатку, которая, казалось, вздрагивала от полифонического храпа водолазов...

Через несколько дней все трое были назначены ночными сторожами. На лагерь стали совершать набеги граждане призывного возраста из непередовых слоёв местного населения, и настоящим мужчинам предоставили настоящую работу.

Ясно, что без Дутова здесь не обошлось. Дух атамана был большой стратег – он знал, что должно было произойти.

Жрецы начали действовать!

По ночам в лагере запахло шашлыками и какими-то особо дразнящими специями. Может быть, от них, а может, и от чего другого у Нины Ивановны тут же разыгралась жесточайшая аллергия, совершенно выбившая её из актива, а Галина Александровна так надрывала за день горло, что по ночам спала, как бревно.

Запах же распространялся...

Прибавившиеся к нему звуки чоканья стаканов, лихие песни под аккордеон типа “Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить! С нашим атаманом не приходится тужить!” и рассказы о подвигах бурной юности довершали картину. Только ржания лошадей не хватало, и устоять против этого не мог никто. Бесполезно было сопротивляться такому искусству, да ещё и на природе.

Вскоре целый табор сидел ночами у костра, а днём все спали в очередь и ходили в сомнамбулическом трансе, оживляясь лишь к вечеру, в предвкушении грядущего веселья.

Какие уж тут дети с их пионерскими делами!

Единственный, кто не принимал участия в этих компаниях, – это интеллектуал Кеша. Замкнутый, с умно поблёскивающими сквозь эсеровские очки глазами, он был по призванию диверсант, а по профессии повар. В лагере – не простой повар, а шеф. Кеша первый учуял перемену погоды, и теперь его аналитический ум был занят точными расчётами. Набивать желудок, да петь у костра было для него детской забавой. Кеша занимался более серьёзным делом – он крал!..

У костра же всё развивалось своим ходом. Разговоры, в основном, велись вокруг меню, где тон задавал Саша-трубач, он же Пак Сан Вон. Кореец по национальности, он сыпал редкостными и экзотическими названиями блюд, которые сам и готовил. Апогеем и высшим кайфом было блюдо, произносимое на энергичном выдохе тибетского карате, – «Х-хе!».

Трава джюса-ай, выговаривающаяся врасяг и с закатыванием глаз, жгучий перец, толчёный чеснок, редька, уксус и нейтрализующая и всё смягчающая со-о-оя являлись альфой и омегой кухни, будоражащей бог знает что.

Чувствовалось, что трубач в этом деле собаку съел!

Впрочем, о собаках! Когда Саша рассказывал о них, все тут же начинали плотоядно поглядывать на огромного жирного дога Ларика, обременённого, как и они, сторожевой вахтой. Дог был собственностью Галины Александровны и, наверное, поэтому благополучно дожил до конца сезона. Сан-Вон же мысленно его уже давно приготовил и еженощно живописал всем о прелестях собачьего деликатеса.

– Что вы в своей жизни кушали? Вы же, кроме манной каши, ничего не ели! – возмущённо выкрикивал он, облизываясь, и вождельно добавлял в сторону дога: – Рагу ты моё-ё!..

У Дулата тоже была работа. Всё свободное от сна дневное время он бегал со списком, куда аккуратно вносил фамилии скинувшихся по «кто сколько может». Когда необходимая сумма сколачивалась, Дулат будил Шварца, и оба исчезали из лагеря. Возвращались жрецы усталые и злые, но с полными сумками. Чего только не сделаешь для компании, чего только не достанешь...

Света ещё ходила от корпуса к корпусу и щебетала о спартакиадах, КВНе, «Весёлых стартах», но никто и ухом не вёл. Содержание стремительно ринулось из одной формы в другую и потому всё расплзлось и летело в тартарары.

Зажигательные разговоры об инсценированных песнях и других не менее интересных мероприятиях вдребезги разбивались о непроходящее голодное жжение в желудках и чувственную жажду в сердцах.

– Приходи на огонёк!.. – зазывно вышёптывали уста полусонной паствы гоп-компани, и Света поёживалась.

Наконец, когда даже семейные променяли спокойный сон на алтарь чревоугодия и разгула, не выдержала и она. Подойдя к костру, Светлана выпила штрафную весьма объёмистую рюмочку и снова увидела сверкающие августовские звёзды. Из поплывшего перед глазами тумана появилось улыбающееся лицо Шварца и ароматнейшая восточная закуска.

– Ха-ха-ха-ха-ха-а! – по-птичьи расхохотался атаман Дутов, и очередной, но уже псевдокоммунистический Рим пал!..

МИЛОСТИ ПРОСИМ!

Абрам Моисеевич извинился и начал выпрыгивать из мешка. Если бы он это делал помедленнее, то достаточно было бы и одного прыжка. Но великое смущение так сильно охватило счастливец, что мешок вздыбился, сморщился, покатился и, сбив с ног девушку, ударился о единственную трухлявую подпорку добротного садового стола. Подпорка хрястнула, и на затылки обоих рухнуло килограмм пятнадцать отсыревшего дерева.

Природа предусмотрела всё. Клавдия Ивановна и тут была права. Дойдя до своего апогея, «чересчур плохо», как правило, трансформируется в «хорошо», и иногда это бывает даже сама смерть (автор уже упоминал о ней, всех нас ожидающей!). В таких случаях замечательно начинает работать гениальная народная догадка «Чем хуже – тем лучше!». И правильно! Если путь назад «заказан», то остаётся двигаться только вперёд, пусть даже лбом об стенку или что-то в этом роде.

К счастью, в данном случае лбы, а вернее – затылки, шмякнулись лишь о садовый стол. Вернее, стол их шмякнул. И когда, через некоторое время, оба весело смеялись и пили на нём же, наскоро отремонтированном, кофе, то кто бы мог представить себе всю невероятность произошедшего только что.

А если прибавить к этому, что вскоре к ним присоединился и сам владелец ранчо, то налицо хоть и временный, но всё же хеппи энд.

– Всё в ажуре – лампа в абажуре! – прямо с порога объявил доктор. – Аполлона перевезли в больницу. Ну, не в совминовскую, конечно, но всё-таки это не кутузка. Простите... Вас, кажется, зовут...

– Светлана.

– Правильно. Слышал я о вас, слышал. Значит, вы прямо от гения. Очень хорошо. Ну, и как там наш свет очей?

– В психушке твой свет! В жёлтой боевой раскраске! – опередил Светлану Абрам Моисеевич.

– Уже-е?... – от неожиданности Наум Аркадьевич даже попятился.

– Да не пугайтесь! Я только что оттуда, – подтвердила Светлана и подала эскулапу чашечку с дымящимся кофе. – Ему там очень нравится...

– Мда-а... – совершенно растерянно протянул неугомонный эскулап и поставил чашку.

Ах, «жёлтый дом», «жёлтый дом»! Сколько о тебе слышано, сколько ещё услышим, сколько... Впрочем, если вы ещё не побывали там, разумеется, не в порядке посетителя, а пациента, то милости просим и добро пожаловать! Ах, извините, вы, конечно же, считаете себя вполне нормальными гражданами, и это действительно так. И неважно, что то, что нормально тут, совершенно ненормально там, и уже совершенно непереносимо ещё где-нибудь и когда-нибудь...

Федя не знал, что ему отомстили. Он радовался как ребёнок и даже восторгался возможности познакомиться со всегда интересной для мыслящих средой изнутри. Знаменитый и беспощадный зуд, требующий всё испытать на своей шкуре, до всего дотронуться собственноручно и везде иметь своё собственное мнение, охватил его всецело и поглотил разум. Так что где-то как-то Федя попал по назначению.

Отомстил Феде некий Усов – врач уже знакомой психбригады «скорой помощи», который заехал в больницу по случаю и очень обрадовался, увидев Федю. И если Аполлон подшучивал, говоря, что гениям место именно в психушке, то Усов только и мечтал о том дне, когда все они окажутся там и перестанут мозолить нормальным гражданам глаза и сбивать их с панталыку. Ненависть к особо одарённым питалась у Усова (о чём он сам вряд ли догадывался) от безнадёжно рухнувшей истовой веры в собственную незаурядность, которая на поверку оказалась мыльным пузырьём, раздутым тщеславными родителями для собственного удовольствия. И опять же, если сам Федя лишь подтрунивал над своими притязаниями, то Усову временами казалось, что они не так уж и далеки от истины.

Дело в том, что когда-то Федя уже имел дело с сим врачевателем больных душ. Правда, не как пациент, а как коллега рангом пониже. Последствия общения одного несостоявшегося, а другого ещё не разочаровавшегося не заставили себя ждать. Тем более, что нестандартное, а подчас и просто поперечное поведение гения всегда производило довольно странное впечатление. В общем, Усову без особого труда удалось в то, не очень далёкое, время создать определённое мнение среди коллег о Фединой психической неуравновешенности и соответственной оценке всего того, что эта неуравновешенность производила на свет.

Оставив медицину, Федя и не подозревал, что избежал второго этапа игры Усова – провокации и препровождения в психлечебницу с малоперспективным на излечение диагнозом.

Теперь же, узрев гения в довольно беспомощной ситуации и воспользовавшись своим ведомственным авторитетом и обычной в неведомственных больницах суматохой и

неразберихой, Усов без особого труда перебазировал Федю в «жёлтый дом» якобы на консультацию.

– Куприн просто не вылезал из психушек и других злчных мест! – аргументировал психотерапевт, подготавливая пациента к закланию.

– Да, да... – блаженно улыбаясь, кивал Федя.

– Ты прочти в приёмном покое свои стихи о самоубийстве! Помнишь? «Я покончить с собою хочу! Хватит эти мученья терпеть! С горьким смехом я вихрем взлечу в ту страну, где не надо хотеть!».

– Да-да! – встрепенулся Федя. – «К чёрту счастье, страданье, любовь! К чёрту всё, что нас манит дышать! Мне в виски бьёт безумная кровь – хватит думать, стремиться и ждать!». Смотри-ка, ты – помнишь!

– Ну, дорогой мой, у меня память разведчика! У тебя там есть ещё про это... как его... А! «Свинцовое небо, свинцовый асфальт. В колёса под небо, чтоб больше не встать!..». Мы суицидальные мыслишки присобачим, и ты в такую палату загремишь – пальчики оближешь! А как надоест – скажешь мне, и всё! Я же каждый день заскакивать буду...

В приёмном покое Федю узнали.

– Феденька, какими судьбами? – воскликнула дежурная медсестра, перешедшая сюда из «скорой помощи» ради процентов за вредность.

Сразу возникшая дружелюбнейшая, почти домашняя атмосфера совсем расслабила гения. Правда, он продиктовал медсестре номера телефонов Абрама Моисеевича и своей подруги и попросил сообщить им о своём новом месте пребывания, но это лишь для того, чтобы друзья и сослуживцы не беспокоились. Усов же, видя, что мероприятие может сорваться и дать нежелательный крен в его сторону, заявил, что привёз Федю на консультацию к профессору Русакову, и если того нет, то он может отвезти его обратно.

– Нет-нет! Что вы! – вскричал гений. – У меня же мания самоубийства. Я ж покончить с собою хочу!..

И он выдал всё, о чём было договорено.

И Федю приняли!

А для того, чтобы он поменьше боялся себя и, чего доброго, не вздумал напасть на других, ему дали таблетку аминазина, которая погрузила слишком эмоционального гения в такую нирвану равнодушия, какую испытывают лишь йоги да фольклорные боги.

Два “архангела” с бычьими шеями и броневыми рылами переодели экспериментатора во всё местное, подхватили и вознесли на второй этаж в третье отделение.

Дверь отделения была закрыта!

Отперев её увесистой ржавой железкой, напоминающей ручку от дверцы старого грузовика, “архангелы” пронесли Федю в палату и уложили почивать... ну не на парчовую кровать, но всё-таки на койку.

– Пещера... – равнодушно проконстатировал Федя.

Поражённый лекарством мозг хотя и с трудом, но ещё работал, так как, действительно, узкая комната без окон смахивала если и не на пещеру, то уж на грот точно. Выход из грота, называемого «палатой наблюдения», был перегорожен столом, за которым и днём и ночью стоял страшный стук от костяшек играющих в домино дюжих медбратьев и «здоровых» больных...

Почти всю ночь провёл Федя в интересном наблюдении этого гогочущего содружества. И когда его вызвали к Свете, раньше всех узнавшей о его новом местопребывании, то он и высказал ей все свои восторги по поводу такого необычного ракурса.

Вообще в отношениях Светланы и Феди просматривался перст Божий. И хотя гений всем говорил, что она не его любовница и тем более не невеста, а просто друг и копия ангела из Зазеркалья, но сама девушка так не считала.

– Я его люблю... почти как мама! – лукаво объясняла она недоумевающим подругам. – Он же такой беззащитный! Такой талантливый!..

Первая ночь на новом месте всегда адаптационная. Но к грохоту домино у самого уха, наверное, и за десять ночей не привыкнешь. Мало того! С большим трудом, уж за полночь, погрузившись в полубредовую дрёму, Федя, весь в холодном поту, проснулся где-то в четыре утра оттого, что впереди лежащий мужчина истошным голосом вопил «Вижу цель! Вижу цель!» и бился головой о спинку кровати. Тридцать процентов пациентов взрослого мужского контингента психлечебницы, расположенной на Сейфулина и Абая, составляли свихнувшиеся или симулирующие военнослужащие...

Утром Федю повели...

На разбор!

Может быть, на этом разборе и закончилось его пребывание в «безумной» больнице, если бы не лекарства. Перед разбором Федю подвели к входной двери, где за маленьким столиком сидела полусонная тётя со шпателем в руке. Согласно лежащему перед ней списку назначений, тётя выковыривала из многоячеечной кормушки соответствующие пилюли и всовывала их в рот тому, кому они были назначены. Счастливчик делал глотательные движение и тут же подвергался обыску. Ловко орудуя шпателем, тётя одним махом пропахивала все закоулки привычно широко и бездонно распахнувшейся пасти и, не обнаружив пилюль, таким же цыплячьим способом кормила следующего.

Против Фединой фамилии красным карандашом временных назначений было указано то, что он и получил. Несколько пилюль исчезли в его недрах и тут же замечательно начали своё беспощадное действие. Гений сразу почувствовал, как невидимый дворник опять принялся

выметать из его головы всё, что ему ни попадалось. Вскоре из Фединога чердака вылетело почти всё, а язык стал тяжёлым и неповоротливым, как полено.

Вот тут его и повели окончательно.

И довели!

Восемь весьма справненьких мадамов-психиатров сидели за длинным столом и без тени любопытства взирали на нового психа. Благодаря отсутствию халатов мадамы были очень похожи на членов гражданского трибунала. Сообразив (какой всё-таки талантище был у гения!), что взаимопонимание при таком количественном и качественном неравенстве вряд ли возможно, Федя, с трудом ворочая языком, попросил лишь отменить пилюли до обследования его Русаковым и перевести в другую, более светлую палату.

К чести представительниц прекрасной половины человечества, и та и другая просьба были удовлетворены. Хвала женщинам! Впрочем, кроме чисто женской доброты и интуиции, тут сработали ещё кое-какие пружины. Во-первых, вмешиваться в дела профессора из-за такого пустяка, как Федя, было бы, по меньшей мере, нерезонно, а во-вторых, именно в этот момент у всех восьмерых дыбились причёски и трещали черепа от предыдущего освидетельствования на психическую полноценность одного из участников угона автомобилей.

– Я же ничего не ворую! – всё время посмеиваясь, заявлял тот. – Я же только делаю слепки с ключей! Вот наше правительство ворует – это да!..

Да и журналист-иностранец, который по звонку сверху был взят вчера прямо в гостинице во время трапезы, слишком уж возмущался и обещал вывести всех на чистую воду. Псих! Кому он это говорил? Зачем? Его потому и взяли, чтобы не ляпнул чего лишнего. Тем более – на международном симпозиуме...

В новой палате была благодать! Занавесочки! В горшочках цветочки! Соответственно, окошечки. Соответственно, зарешеченные... Но главное – это всего четыре койки и весьма внушительного вида двое больных – самоубийц. Палата была элитарно-специализированная!..

Когда действие лекарства закончилось и бедная голова кое-что засоображала, Федя начал оглядываться. А посмотреть было на что. Федя даже обрадовался несказанно, когда в вернувшемся из туалета третьем аутомокрушнике узнал одного из бывших директоров ДК АРО. То, что случилось с ним и начало регулярно приводить в эту обитель скорбей, очень правдиво и точно было в своё время отлито гением в художественную форму. Так что встреча писателя с одним из прототипов своих героев была как нельзя кстати.

Мда-а... Мир тесен! И если на ловца и зверь бежит, то и тут, в человеческом тупике, гения действительно захлестнуло море интереснейшей и откровеннейшей информации. И всё потому, что благодаря своей интеллектуальной мощи самоубийцы занимали особенное положение среди рядовых свихнувшихся. А главное, они внимательно слушали, что очень ценили окружающие. Как в Мекку (или к Стене Плача, или к Гробу Господнему, или ещё чему-нибудь, тоже для некоторых значительно), сюда никогда не зарастала народная

тропа, и исповеди, одна удивительнее другой, звучали дённо и ночью. Чего только не услышал Федя, кого только не узнал! Не рассказать хотя бы о некоторых было бы преступлением перед потомками, да и перед своей совестью тоже.

Самое яркое впечатление производил, конечно же, Еремей Григорьевич Эстрин (в простонародье – Еврей Гонорарович Экстренный). Как раз тот, который когда-то был директором и место которого теперь занимал Аполлон. Кроме мании самоубийства, на его совершенно гладком и блестящем челе пышным цветом пылала мания маній – мания величия. Может быть, поэтому он и называл себя последним из могикан, хотя этого добра, как старого, так и нового, было предостаточно. Прочтём же рассказ Феде и с аппетитом познакомимся:

Последний

Еремей Григорьевич Эстрин мог всё.

Когда-то!

Сейчас же он только думал, что может, а на самом деле – увы!

Уже много лет Эстрин колесил по родной стране в поисках женщины-паука или, на худой конец, бородатой русалки, но всё тщетно. Его явно не понимали и, мутно подмигивая, предлагали совсем не то...

– Было же, было! Совсем недавно было! – вздыхал Эстрин, вспоминая золотые времена НЭПА, когда он – совершенно дикий и юный конференсье и администратор, ещё не имевший ни одной судимости, потрясал просторы эстрадных площадок страны недвусмысленными шуточками и феноменальной чечёткой.

То есть не просто феноменальной, а совершенно феноменальной!

Чечётка – это было всё!

Как начищенный гривенник, Ерёма выкатывался на сцену и, небрежно перебирая двумя, уже в то время пухленькими пальчиками рукова ослепительно модной рубахи, начинал...

Ах, как он начинал!

Публика замирала. Мастер, что называется, сразу брал за душу. Минута – и всем окончательно становилось ясно, что денежки здесь если и зарыдают, то только от радости. Темп и ритмы чечётки, стремительно нарастая и меняясь, доходили до немислимых. Временами даже казалось, что вот-вот ног и рук не хватит и в дело пойдёт голова.

Но это только казалось. Голова своё место знала. Каждый удар штиблета об пол выщёлкивал в её недрах денежный знак. Знаки суммировались – бурной волной в кровь

выплёвывалась очередная порция адреналина – итиблеты становились ещё невесомей, а публика – неистовой. В финале Ерёма, как киношный диверсант, попавший в плен, лихорадочно ловил зубами край воротничка рубахи и рвал его, чем доводил публику до полного изумления.

“Юноша-фейерверк!”, “Мужчина-Везувий!” называли его.

Это когда-то!

Теперь же Ерёма был лыс, а главное – безнадёжно стар. Люлюкать бы ему с внуками и правнуками, писать бы мемуары, да законных детей у него не было, а для незаконных его не было. С мемуарами же связываться было не только невыгодно, но даже опасно. Непечатную жизнь прожил Ерёма! Непечатную!..

Впрочем, почему прожил? Жив Курилка, то бишь Ерёма! Не тот, правда, но всё-таки... Совсем недавно директором был. Дома культуры!..

– Это, конечно, не филармония, но тоже дело денежное, ежели с умом взяться, – думал Ерёма, просматривая финансовые доходы Народных театров. – О-ох, горе народное! – продолжал он мыслить, морщась. – Разогнать бы вас да взять одну, самую что ни на есть заваливающую, русалку – народ бы валом валил. Не-ет! Нет размаха! Нет денежной бури! И русалки перевелись. Правда, в газетах пописывают, что идёт могучий отряд на смену. Не то экстрасенсами зовутся, не то экстрасексами. И правильно! Свято место пусто не бывает! Жаль, что их здравоохранение прикарманивает, а то можно было бы закрутить население...

Старый жук был явно на мели, но ещё трепыхался. Голова работала, идеи плодились. Старые идеи, но испытанные. И выбор пал на концерт. Концерт – потрясение! Концерт – удар!

Большой бизнес – большие вклады. В искусстве, в основном, – в рекламу. Через две недели рулоны многоцветной рекламы, выполненной по лучшим импортным образцам, туго забились мало кому известную каморку под сценой. Деньги на рекламу были взяты... Неважно откуда – важно, что не из собственного кармана. «Дислокацией финансов» называл Ерёма этот метод добывания первичного капитала из ничего и не у себя, но для себя.

В рекламе значились: “Юный факир шпагоглотатель и пламяпожиратель», «Танец на ножжах или девочка – голубь мира», «Супервокал виртуоз – абсолютная копия Энрико Карузо, Матиа Батистини, Фёдора Шаляпина, Ивана Козловского, Леонида Утёсова, Георга Отса и Муслима Магомаева” и, наконец, “Разговорный жанр и куплеты”.

За исполнителями дело не стало. Все непризнанные периферийные гении, от которых за версту разило артистизмом, поддерживали с Еремеем постоянный всесоюзный контакт. И лишь только он начинал раздувать свой финансовый мангал, как тут же на запах жареного слетались невесты откуда взявшиеся гастролёры.

Слетелись они и на этот раз. Теперь вместо танцующих детишек и поющих бабушек по коридорам, фойе и залу Дома культуры слонялись такие типажи, что у встречных только

челюсти отпадали. Тем более что последним прилетел здоровенный толстый дядька, похожий на людоеда из страшной сказки. Он держал за руку бледное некормленное дитя в огромной чалме с бутылочным изумрудом.

Своё дело прибывшие знали! В глубинных совхозах и заповедниках, на неухоженных столичной культурой выпасах горели они святым огнём искусства... выколачивания денег из ближнего...

Но прежде чем идти воевать глубинку, Еремей решил провести генеральный прогон на "земле обетованной". С непостижимой скоростью были распроданы дорогие гастрольные билеты, не зафиксированные ни в одном финансовом документе, но снабжённые надлежащим фиолетовым факсимилье, и в положенный час пчелинный рой публики приятно-бархатно загудел, свет в зале погас, а занавес пополз в стороны.

На сцене стоял Еремей!

Ослепительный свет прожекторов каким-то непостижимым образом сфокусировался на его лысине и, многократно отразившись, образовал над ней что-то вроде нимба.

Публика ахнула!

Наэлектризованные рекламой люди восприняли столь редкий даже в природе оптический эффект как первый запланированный сюрприз.

Грохнули аплодисменты!

Еремея как шилом ткнуло! Не давая публике опомниться, он тут же выдал на-гора несколько коронных анекдотов из своего неувядающего фонда.

Публика рассмеялась...

Библейской древности анекдоты и библейский вид исполнителя растормаживали донельзя. Тем более, что, объявив следующий номер, Еремей дружинно оттолкнулся от сцены и, как солист балета, несколькими прыжками пересёк расстояние до кулис. Этот полёт Бога-отца (а никто в зале уже не сомневался, что почтенный старец работает в его амплуа) вызвал бурю восторга. Произведённый эффект был настолько велик, что, когда Еремей вышел во второй раз, его встретили как родного.

– «Анатомическое отделение» – юмористический рассказ! – объявил он, и зал опять грохнул аплодисментами.

– С пол-оборота завелись! – подумал Еремей и поехал: – При каждом бродячем паноптикуме в старое время на ярмарках имелось анатомическое отделение. Вход – двадцать копеек, дамы только по пятницам, а дети вовсе не допускались. Когда собиралось пять-шесть человек, объяснитель читал маленькую анатомическую лекцию. Он говорил, сильно акцентируя по-малоросски.

Зал внимательно слушал.

Юмористическая «терра инкогнита» продолжала демонстрацию своих прелестей.

– О це пэрэд вами восковая фыгура вполне сформированной жэнишыны. Конечно, вона здесь стоит не для того, чтоб вы хихикали, видя ея наготу. Вона здесь стоит специально для изучения по ей анатомии.

Все радостно рассмеялись. Однако большинство смотрело не туда, куда показывал Еремей, а на него.

Еремей поёжился...

– Перво-наперво – голова! – сказал он. – Прошу смотреть поперешный разрез. Я кажу – голова, а ты куда дывылся? Як вона была б живая, вона б тебе придывылась.

Публика опять рассмеялась.

Похоже было, что теперь уже по существу.

Еремей продолжил:

– Как видно из поперешного разреза, голова у жэнишын нэ пустая. Там находится нешто вроде мозгов, которыми жэнишына иногда думает...

Это место понравилось всем. Какой-то мужчина даже заржал, как конь, чем несколько выделился из общего ансамбля.

Еремей же чесал дальше:

– С другого боку головы у жэнишын находятся глаза – оптический орган. Глазами она снабжена специально для рассматривания на проходящую публику мужского полу.

Мужчина опять заржал так, что на него зашикали.

– Далее идут лёгкие, – вещал Еремей, взяв мужчину на заметку.

Это был тот редкий экземпляр, у которого чувство юмора никогда не дремало и включалось по любому поводу и вообще без повода.

Зная, к чему это может привести, Еремей начал рассказывать только ему.

– Лёгкие служат жэнишынам для различных лёгких надобностей, как например: воспаление лёгкого, лёгкой походки, лёгкого поведения и так далее... Под буквой «Р» мы видим сердце – орган очень важный, бо без него не может жить ни одна жэнишына. Сердце служит жэнишынам для различных сердэшных надобностей, как то: сердцебиения, порока сердца, сердэшных припадков и прочее... По последним расследованиям медицины, попадаются жэнишыны бессердэшные. У таких жэнишын вместо сердца находится кукиш!

Мужчина ржал безостановочно. Смех был такой искренний и заразительный, что на него уже не шикали, а лишь рефлекторно вторили, и с каждой секундой всё сильнее. Когда Еремей закончил чтение, весь зал сотряснулся от хохота. Смеяться продолжали даже тогда, когда в страшном танце на ножах прошла девочка – она же голубь мира. Возраст девочки давно уже перевалил за стадию молочно-восковой спелости. «О голубка моя!» – весьма кстати надрылась скрипка, из которой тянул жилы мрачный гривастый цыган с ревнивым взором.

Всё шло как по маслу.

Скандал разразился неожиданно!

Нет, не кассу опечатали народные контролёры и, тем более, штатные фининспектора. Ничего подобного с Еремеем давно уже не случилось. Фининспектора уже много лет подряд трясли педагогов средних школ, а местный районный штаб народного контроля постоянно находился в засаде у мясного отдела очередного продмага. Приехал родитель мальчика-шагоглотателя, которого Еремей планировал дать на закуску. Родитель кричал, топал, грозил судом и вообще вёл себя неприлично.

– Бабушка отпустила ребёнка! Бабушка! Она клялась, что это была мечта всей её жизни! – пытался объяснить Еремей.

– Не знаю я никакой бабушки! – почти не слушая, кричал родитель и наскакивал на Еремея. – Пока я жив, тёща не имеет никаких юридических прав на ребёнка!

В воздухе повисли такие страшные слова, как «Профанация!», «Эксплуатация!», «Жулики!».

– Сколько раз зарекался связываться с пионерами, – думал Еремей, мысленно отгоняя от себя первые симптомы нехорошего предчувствия.

Оттерев плечом родителя, он лихорадочно вертел головой, выискивая дядьку с мальцом. Очередной номер кончался и пора было выходить ему – гипнотизёру от сохи, обнаружившему свои недюжинные способности на первом рандеву со следователем.

Видя такое небрежение к своей персоне, родитель даже онемел на мгновение.

Воспользовавшись этим, Еремей махнул рукой цыгану.

– Заводи вольнку! – крикнул он и стремительно выбежал под прожектора.

Как у всякого авантюриста, выдержка у Ерёмы была железная!

Мрачный цыган, не говоря ни слова, одним махом убрал скрипку в футляр и с той же стремительностью извлёк из другого футляра гармошку. Рванув меха и зычно гаркнув русское «Э-эх!», он двинулся к Ерёме, вышлёпывая на клавишах незамысловатый вензель частушечной мелодии.

– Ку-плеты! – объявил Еремей, и сатирическая телега тронулась.

Первая партия частушек была ничего – не очень старая. Публика весело хмыкала, но не более.

Однако такая дохлая реакция на “модерн” не огорчила Еремея, а лишь вызвала на лице саркастическую ухмылку. Обмелчание современного сатирического пера было для него фактом абсолютной очевидности.

И он решил показать класс!

Вторую партию частушек он выдал такую, что зал снова дрогнул. Ещё раз подтвердилась поговорка о хорошио забытом старом, тем более, что Ерёма уже не выпускал вожжей.

– Жена коль разоряет

На тряпки иль духи,

К тому же изменяет –

Тут шуточки плохи!.. –

выдавал он, не забывая при этом зло зыркать за кулисы.

Коль гражданин ты слабый

И полномочий нет,

Не связывайся с бабой,

А выслушай совет:

Отдай жену товарищам,

И больше – ничего!..

Бог знает сколько времени низвергался на массы этот частушечный водопад, а “людоеда” всё не было.

Наконец он появился. Истошный крик родителя возвестил об этом.

– Ну, наконец-то! – облегчённо вздохнул Еремей, но цыган, у которого манёвренность, а соответственно, и видимость были намного шире, склонился к его уху и, перекрывая не прекращающиеся ни на мгновение стоны гармошки, выкрикнул такое, от чего шеф осел, как проколота шина.

– Ши-то-о? – выдавил он, не забывая улыбаться залу и слегка приплясывать.

– Накрылись! Коронные номера накрылись! – выкрикнул ещё раз цыган, как корсар, ворочая бельмами.

Беда пришла!

Крик родителя, рёв мальчика и вопли дядьки быстро удалялись.

За кулисами стало тихо.

Часы тикали – деньги текли!

Всё это нужно было отрабатывать.

Правая рука Ерёмы произвольно дёрнулась.

Один раз... второй... От внезапного страха похолодело нутро. Такое с ним происходило впервые, но отступить было некуда.

– Продолжаем! – отчаянно бросил Еремей, и волынка снова завелась.

Если вас один раз пощекочут – вы хихикнете. Если второй – засмеётесь. В третий – захочете. В сотый – будете рыдать.

То же самое произошло и с публикой – она рыдала. В голове же Ерёмы образовалась каша, и в зал низвергалось что попало:

А старик свою старуху

Поменял на молодуху!

Это не чудачество,

А борьба за качество!..

Зал плакал! Теперь, чтобы начать следующую частушку, нужно было ждать, пока люди отойдут от смеха. Мало того! Смех начал разрывать саму ткань частушки:

В магазине продавица

Назвала меня свиньёй!..

Зал надрывался! Люди вповалку падали друг на друга и, вяло отталкиваясь, стонали.

Все подумали – свинина!

Встали в очередь за мной.

Петь было некому! Вместо смеха в зале стоял сплошной клёкот, а несколько человек, переломившись в поясе, коротким перебежками пробирались к выходу.

Цыган ещё продолжал раздувать меха, но Еремей уже молчал. Страшное подозрение, что смеются над ним, а не над репертуаром, обожгло его. Он неожиданно очень чётко увидел себя со стороны – старого, нахального, жалкого...

И тут где-то вверху раздался треск.

Это в одном из прожекторов лопнула лампочка.

Нимб над головой Ерёмы погас.

– Рраз, два – щёлк, щёлк! Рраз, два – щёлк, щёлк!..

Сам себе подпевая, Еремей танцевал чечётку.

В зале стоял великий плач...

Второй сосед хотя и был самой заурядной и типичной личностью, но, может быть, именно поэтому о нём тоже стоит сказать пару слов. А так как Федя ещё не успел написать ничего гениального по поводу его и ещё кое-кого, то автор, лукаво улыбнувшись, позволит себе несколько зарисовок в его стиле.

Райком снимает стрессы

Был поздний вечер.

Телефон надрывался.

Трубку сняла жена.

– Тётя Мадина?.. Здравствуйте! Это я, Гоги!

– Здравствуй, Гоги! Здравствуй, дорогой! Откуда ты звонишь?

– Из Тбилиси, тётя Мадина. Что вам привезти в подарок?

– Какой подарок, Гоги? А «санаторий»?..

– В отпуске я, тётя Мадина!..

– А-а... Понятно... – глаза тети Мадины заискрились.

Восемь лет в колонии строгого режима для Гоги и для многих других, материально и номенклатурно не обойдённых Господом, были бы слишком обременительны без отпуска и прочих весьма приятных и нелишних мелочей.

– Когда к трудовым подвигам, Гоги?

– Скоро, тётя Мадина! Готовлю документы. Как вернусь, так с чистой совестью и на свободу. Дядя Мурат дома?

– Нет, Гоги! Он на банкете!

– Ну, передавайте ему привет. И насчёт характеристик напомните.

– Передам, Гоги! Обязательно передам и напомню...

Дядя Мурат тоже принял привет из Грузии как радость. Придя домой и напевая «Ах, денежки! Как я люблю вас – мои доллары!..», он тут же достал из портфеля уже готовые характеристики и начал составлять письмо. В Грузию, естественно! Впрочем, если некоторые думают, что только там да ещё лишь кое-где, говоря «документы», подразумевают доллары, а говоря «доллары», подразумевают всё, то таким людям можно лишь позавидовать. Их блаженство граничит с абсолютным счастьем, а не к нему ли стремится человечество? Давным-давно уже опять стала притчей во языцех поговорка «Всех и всё можно купить – дело только в сумме!», и от этого трудно спрятать голову в песок, аки страус африканский, или прикрыться помертвелой от столкновения с жизнью утопией. Всё, несмотря на происки... возвращается на круги своя. На сегодняшний день – по диалектической спирали, естественно.

Так вот, дядя Мурат работал в райкоме партии секретарём. Первым! Должность была широкозахватная и потому надо было вкалывать. И он вкалывал! А глядя на него, вкалывали и остальные. А как же! Маяк – он и есть маяк. Его далеко видеть. Особенно его свет. Так что грех некоторым родителям винить своих детей в тех или иных пороках – пусть на себя посмотрят! И если на коммунистических субботниках регулярно вывешивали фототранспарант с изображением вождя мирового пролетариата, подставляющего своё революционное плечо под бревно, то нормальными людьми это воспринималось в лучшем случае как недоразумение, а в худшем – как издевательство над светлой памятью гения.

Да и как по-другому, если уже много десятилетий подряд никто из куда меньших партийных гигантов не только не подставлял свои плечи, но и вообще не считал нужным снисходить даже до неотредактированного контакта. Пресса же надрывалась от штампов, в основном панегирических, что вносило уже совершенный хаос в умы желающих верить. Что-то и тут было, но разобрать – что, не было никакой человеческой возможности. Наиболее отчаявшиеся и плюющие попросту перелистывали первые страницы любой центральной газеты, ибо все они были клонами изначального клише, и переходили к последней – занимательной.

В райкомах же, исполкомах и других госучреждениях резкое несоответствие желаемого с действительным сеяло стабильные скандально-склочные ситуации, которые, в свою очередь, пожинали стрессы. А их, как известно, надо снимать. Иначе – сами понимаете... И большинство снимало. Каждый по-своему. Дядя Мурат – любил. Естественно, – деньги, естественно – блага. Но в основном – женщин. Прямо на столе, покрытом красным сукном. Прямо в рабочее время, но чаще всего – в обеденный перерыв. При закрытых на ключ дверях и обесточенном селекторе.

В этот вечер, как раз в тот момент, когда он сел за письмо в Грузию, ему пришлось несколько отступить от своих конспиративно-дневных правил. Телефон снова зазвонил, но уже не из того прекрасного грузинского далёка, а из этого, не такого прекрасного, но очень близкого, – из райкома. Нет, не дамбу прорвало! Не сель ринулся на город! Просто одна из очередных служебных гурий вышла замуж и потому давала прощальный внеплановый сеанс любви...

И всё бы было, как и всегда, ничего, если бы наутро ему не подали материалы на так честно вышедшую из игры «ласточку». Слегка недоумевая, дядя Мурат начал знакомиться и через пять минут возблагодарил Бога за существующий порядок. По жалобе в ЦК материалы были собраны и спущены из ЦК в обком. Там они были зарегистрированы и спущены в горком, который, как сами понимаете, был почти кровно заинтересован в самом пристрастном их разборе, так как в своё время рекомендовал «ласточку» на ряд стремительно повышающихся торговых постов.

Благодаря такому, очень удобному порядку (ну и ещё кое-чему!), неисчислимое количество имеющихся и непрестанно нарождающихся мафий и других теснейших содружеств, в основном партийно-торговых, быстро приобретало масштабы государственные и разве что ракеты в космос не запускало (а впрочем – кто его знает!). Народу же, как и триста, и тысячи лет назад, талдычили о бдительности, честности, трудолюбии, совести и подобном таваре бросового среди самих талдычников спроса.

– Видать, здорово кому-то насолила моя «ласточка», – пробормотал дядя Мурат и, перевернув очередную страницу, начал наливать вишнёвым соком.

В свои сорок два года «ласточка» выглядела не больше чем на тридцать пять. Постоянно ухоженная, с блеском одетая, всегда подтянутая, со здоровьем и энергией сверх всякой меры, она тоже была типичной представительницей своего времени и, главное, круга. Её мораль, честь и достоинство – полное отсутствие оных – открывали все пути и дороги к возможностям неограниченно вделывать и выделять. Естественно, что вделывала «ласточка» нечто добротное, а выделяла – сами понимаете...

Беспроектная сексуальная стратегия тоже помогала...

Быстро выбившись в директора райпищеторга, цветок душистых прерий тут же развернулся и начал источать амбре...

Из документов явствовало, что «ласточка» понаставила директорами магазинов опытных торгашей с разнокалиберным, но обязательно уголовным стажем и ежемесячно собирала с них многотысячную мзду.

Другую контору доил её муж – некий Андриасян, которому далеко смотрящая супруга за месяц сварганила какое-то образование и с ним же и пристроила. Дядя Мурат о муже знал лишь то, что тот совсем недавно, как последняя рвань, очертя голову, носился по хозрасчётам (то есть магазинам) и спекулировал лифчиками. Теперь же, судя по занимаемому посту, о котором тоже было оговорено в материалах, сей муж имел машину с шофёром и, естественно, партийный билет.

Но не это возмутило дядю Мурата. Кровь бросилась ему в голову, когда он вдруг обнаружил, что “Ласточка” за один и тот же период времени, помимо него, спала ещё с шестнадцатью гражданами, обличёнными властью и полномочиями. Это было невыносимо... и через полчаса новоиспечённая Андриасян явилась пред грозны очи первого секретаря.

– Ты что ж это, с..а (собака женского рода), г..о (экскремент) развела!.. – начал было дядя Мурат (автор и в дальнейшем будет стараться, по возможности, заменять нехорошие слова хорошими!).

– Кто с..а (собака женского рода)? Я? – сразу обрезала «ласточка» и тут же ринулась в контратаку. – Да я тебя, б...а (гулящего задарма), посажу! Я дойду до ЦК! Я скажу, что ты со мной спал! Что ты меня изнасиловал в своём кабинете за то, что я стала директором торгова, и после этого я была вынуждена с тобой спать! А теперь я вышла замуж и отказалась с тобой спать, потому что у меня ребёнок!

– Ребёнок?

– А ты как думал!

– Откуда?

– Оттуда!

– Оттуда?

– Да не оттуда, а из роддома. Усыновила, чтоб вонючая прокуратура особенно не рыпалась. Да ты, п...к (приближённый к женскому половому органу) ё...й (изнасилованный), знаешь, что я с тобой сделаю?..

Два часа такая покорная вчера, а сегодня свирепая и бешенная «ласточка» сыпала матом так, что секретарша даже устала от этого кайфа, пробивающегося сквозь плохо закрытые двойные дубовые двери.

О великий, богатый и мощный русский язык! Даже мат у тебя обладает такой действенной силой, что многие и многие народы предпочитают пользоваться им, в ущерб своим, не менее убийственным залежам.

Дядя Мурат был ошеломлён, повержен и растоптан. И немудрено! Что такое заурядный райком против незаурядной «ласточки»? Тьфу! И то, что снимало стрессы, перешагнуло через них и породило гораздо большее. Минут двадцать после ухода своей вчерашней возлюбленной секретарь райкома неподвижно сидел, прокручивая перед собой киноленту своего многотрудного и запутанного существования. И хотя он инстинктивно пытался припомнить что-либо приятное, но даже «любви счастливые моменты» неожиданно представляли в жёстко реалистическом животноводческом ракурсе.

Наконец ленту заклинило одним из последних кадров из серии «Город – селу!». Несомненное социальное завоевание предстало перед глазами секретаря как живое.

Солнце в кадре палило нещадно. Научные работники, не разгибая спины, часто дышали сельскохозяйственным воздухом. Широкомордый сытый абориген недовольно морщился. Продуктивность неквалифицированного энтузиазма учёных его явно не удовлетворяла и даже злила.

– Давай, давай! – говорил он всё громче и громче, а когда видел, что кто-то выпрямляется, растирая поясницу, добавлял: – Рано ещё отдыхать! Рано!..

Так продолжалось до тех пор, пока один из сильно лысеющих, да ещё и с животиком, не выдержал. Распрямившись, он буркнул в сердцах что-то про потогонную систему.

Что тут произошло!

– Молчи, лысый! – закричал широкомордый так, что все обернулись. – Я вас всех на весь день купил!

– У кого? – неожиданно мягко и покорно проворковал «лысый».

– У Мурата... – начал абориген и замолчал.

Но было поздно. Через минуту все знали, что батрачили «не за фиг собачий» во имя светлого коммунистического будущего на частной плантации...

– Дзинь! Трах! – раздалось в воздухе, и дяде Мурату показалось, что на него рушится потолок.

Довольно крупный булыжник грохнулся об угол стола и скатился на пол.

– Что?.. Кто?.. – заорал дядя Мурат и подскочил к разбитому окну.

Снизу, с тротуара, на него спокойно и трезво глядели два представителя класса-гегемона в замасленных спецовках. В одном из них дядя Мурат с ужасом узнал одного из депутатов местного Совета.

Это была уже мистика. До корней волос материалистическая кора больших полушарий первого секретаря не выдержала. Он пошёл вешаться...

Третий сосед, простой советский труженик, влип как кур в ощип, но уже не по политическо-сексуальным, а только лирическим мотивам. Он уже третий раз проходил полный курс лечения и наконец-то начал слышать голоса и потихоньку общаться с потусторонним миром. Итак:

Шерше ля фам!

И в этот раз солнышко тоже палило, но не нещадно, а ласково.

Птички, к тому же, пели...

И вообще – жизнь ощущалась!

По самому центру асфальта катил велогонщик. На его спине вспучивалось нечто вроде огромного рюкзака, который при более близком знакомстве оказался женщиной. Мадам, видимо, специализировалась в метании молота, диска и ядра, так как полностью накрывала своим мускулистым телом тоже далеко не тщедушную спину друга. Её наипрекраснейшая и необъятнейшая филейная часть проплывала перед прохожими в изумительнейшем развёрнутом ракурсе. Мало того! На своей спине эта очаровательная амазонка двадцатого века держала набитую до отказа спортивную сумку.

Чудеса мужской самоотверженности, да и только!

Такое предзнаменование должно было остановить Юру, но он в приметы не верил и потому купил букет цветов и торт «Подарочный».

– Женщины существа мягкие, – думал он. – Им сюрпризы делать надо!

Полный счастья, Юра тихонько открыл дверь своей квартиры, на цыпочках прошёл в комнату и сразу же наткнулся на валяющиеся на полу женины трусы и чужую майку.

Что бы вы сделали на его месте? А? Автор спрашивает только мужчин, так как женщины в таких случаях более сдержанны. Впрочем, и среди них встречаются...

– Убью... убью... – побелевшими губами вышепнул Юра и тут же замечательно громко заорал: – Убьюу! Сволочи-и!..

Совершенно банально грохнулась ваза.

В щепки разлетелся стул.

Юра крушил!

После совместного десятилетнего проживания крушить было что, и шум был соответственный. Виновница же торжества не стала ждать своей очереди. Оперативно одев своего одуревшего от страха запасного игрока, она вытолкнула его на лестничную площадку, предварительно умудрившись засунуть ему за пазуху ту самую майку, которая так не понравилась Юре.

Тот же, совершенно не обращая на них внимания, продолжал своё дело.

– Убью!.. Убью!.. – кричал Юра, но убивать, кажется, и не собирался.

День был рабочий, и зевак было немного.

Но всё-таки они были!

Зеваки и рассказывали потом, как к подъезду дома подкатила пресловутая «девятка» и из неё выбежали два санитара, врач и добродушная, как матрёшка, тётя. Как только Юра бросился к санитарам, возможно, лишь затем, чтобы выплакаться на их белых и могучих, как Гималаи, плечах, матрёшка, не переставая улыбаться, накинула на его горло удавку...

Когда же через сорок дней (срок классический для христианского поминания) Юра возвратился к так пекущейся о его здоровье супруге, та встретила его как родного.

– Пришёл, унитазное поколение? – сами понимаете, с какой интонацией проворковала она и, вероломно вертя своим большим дразнилом, на другой же день уже специально инсценировала ещё одну измену.

– Убью-у!.. – опять завёлся бедняга и снова, но уже с большей скоростью, был доставлен сами понимаете куда.

Иван-дурак до трёх раз прыгал к своей царевне. Видимо, здесь есть какая-то общечеловеческая закономерность. После третьего раза Юра и начал беседовать с давным-давно преставившимися гражданами, и в родной дом его уже тянуло не очень. Прогресс был заметен и по ещё одному признаку. Теперь вместо «Убью!» он, в момент наивысшего

эмоционального подъёма, выкрикивал «Убивают!», что лишь цементировало диагноз, принимающий совершенно хрестоматийную форму.

Та-ак... Об обитателях палаты кое-что сказано. Теперь о проходящих на «разговоры». Самым ярким из них оказался новенький – прапорщик Парашкин, к которому сразу же прилипла кличка «Вижу цель!». Федя с ним познакомился в «палате наблюдения», а мы позволим себе рассмотреть его поближе сейчас. Тем более что «Вижу цель» свихнулся совсем не на напряжённом ожидании термоядерных атак противника или садомазохистских копаний в самом себе.

Итак:

Ловушка

Ну ладно, на гражданке – бардак, зато в армии – порядочек! Тем более при современной технике и жутких кнопочно-истребительных возможностях. Конечно, иногда встречается такое, что волосы дыбом, но это не рекламируется, а потому как будто и не существует. И можно было бы и в этой области сделать какое-нибудь существенное анатомическое вскрытие, но пока обойдёмся лишь двумя лёгкими царапинами. Тем более, что Ярослав Гашек пропахал тут довольно основательно и надолго.

Э-эх!

По колхозной усадьбе, стреляя, как зенитное орудие, катил трактор «Беларусь», модернизированный под экскаватор для мелких земляных работ. В ковше системы «прямая лопата», лихо размахивая гимнастёркой, сидел сам прапорщик Парашкин.

– Я не то, что некоторые из современных офицеров, – заявлял он о себе в подпитии. – Задницы большие. Ножки тонюсенькие. Головы из-под фуражек не видать. Тьфу!.. А солдатики? Сопли зелёные! Пояски висят... Тьфу!.. Не-ет! Армии нужны мышцы! Вот как у меня! – и прапорщик надувал весь свой мяскокомплекс.

Сами понимаете – надувать было что!

Лихо развернувшись перед чайной и грохнув ковшом о крыльцо, «Беларусь» вытряхнул прапорщика, и тот, лихо болтнув ногами в воздухе, встал прямо в проём двери. Обрато Парашкин вышел с четырьмя пузырями «Таласа». Погрозив бормотухой водителю трактора, он, уже осторожнее, влез обратно в ковш и запрыгал по ухабам...

Намедни удалось загнать комплект электропитания и радиолампу, и можно было приступить к главной операции под кодовым названием «Ловушка».

Комплект Парашкин всучил чабану.

– Ну, отец, ты даёшь! – возмущался прапор скупости и неосведомлённости обтрёпанного «степного миллионера». – Это же стратегическая штучка! В воду положишь – год можешь цветным телевизором пользоваться!

С лампой дело обстояло проще. Покупатель, хитрый мужичок с китайским разрезом глаз, только взглянул на маркировку – и тут же отвалил требующуюся сумму. На лампе мог работать целый радиоузел, и мужичку это было в самый раз.

– Может, тебе «та-та-та-та!» нужно? По частям, конечно! А? Для охоты... – почуввав сведущего покупателя, предложил Парашкин.

– Не-е... – сделав глупое лицо, отвечивал тот. – Я животных люблю... Я вегетарианец...

– Как Гитлер, что ли? – хохотнул прапор.

– Зачем Гитлер? Гитлер капут!

– Ну, смотри! Надумаешь – знаешь, как меня искать!

– Знаю-знаю... Спасибо... – торопливо пятась и кланяясь, успокоил мужичок.

– Мао чжу си ван цуй! – выкрикнул ему вдогонку Парашкин и громко заржал, когда тот вздрогнул и исчез.

Приняв с друзьями недостающую до полного счастья долю «Таласского» допинга, Парашкин принялся за дело.

А дело было гениально просто и беспроегрышно!

Ах, барханы! Ах, сайгаки! Ах, джейраны! Это раньше на вас ходили по тропам, утыканным верблюжьей колючкой. Теперь охотничьи тропы имели две земные колеи и бесчисленное количество воздушных. Вот на одну из них и вышел Парашкин. Два часа ночной работы – и один бархан был перенесён левее, другой правее, а дорога стала прямее.

Результат не заставил себя ждать. Первая же машина, радостно подпрыгнув на новом ухабе, сразу увязла по самый капот. Громко крича от страха, из неё поползли охотники.

– Караул! Спасите-е! – говорили они.

И армия пришла на помощь. Из-за рукотворного бархана раздалось приятное урчание, и изумлённым глазам погибающих предстал бронетранспортёр ещё неизвестной модели. На его крыше, в трусах, офицерских ботинках и с биноклем на груди, восседал Парашкин.

Обдав подползающих дизельной струёй копоти, бронетранспортёр замер, и из него вылезли ещё два спасателя в спортивных гетрах и трусах. За ними, в полном взрослом обмундировании, вскарабкался мальчик лет двенадцати.

Все четверо победно озирали азиатские горизонты.

– Спасите!.. – хрипло повторили потерпевшие.

– Спасём! А как же! – успокоили спасатели. – За трёшник!

Охотники, а их было как раз трое, сразу же, не отрывая животов от раскалённого песка, скинулись по рублю, и малолетний солдатик полез в чрево технического авангарда за тросом.

Ровно сто метров тянулась зыбучая ловушка, и если некоторые пытались обойтись собственными силами, то только усугубляли своё положение.

К полудню спасательные работы достигли апогея. Не успевали доблестные воины выкатывать на тракт одну машину, как ещё две уже тревожно сигналили.

– Вижу цель! – командовал генералиссимус пустынь, и бронетранспортёр лихо разворачивался.

И то ли отсутствие головного убора и присутствие излишнего алкоголя и солнечного тепла, то ли зелёно-жёлтое море денег было виновато, но в этот день Парашкин и тронулся. Оглашая окрестности особенно громовым «Вижу цель!», он схватил вещмешок с советской валютой и побежал в пустыню закапывать.

– Вижу цель... Вижу цель... – без конца повторял прапорщик и ничего уже не видел.

Об остальных «прихожанах» автор расскажет вскользь...

Конечно, все окружающие Федю были по-своему больны (или симулировали искусно!), и каждый говорил о своём, подчас логически мало связанном и малопонятном. Но было одно, объединявшее всех, – это то, о чём говорил Юра. Он же, о чём ни говорил, всё сводил к бабам. И неудивительно, что эта, всегда животрепещущая для настоящих мужчин, тема втягивала в дискуссию всех без исключения. Даже Фантомас – здоровенный детина с бритой головой – приходил послушать. Раньше он спал на Федином месте и очень обиделся, когда его перевели в другую, двенадцатикоечную палату. Однако щекотливые разговоры и великосветское общество оказались выше всяких обид. Мало того! Фантомас стал прихватывать с собой Кубик Рубика. И тот и другой, независимо от количества посещения в течение дня, каждый раз на полном серьёзе разыгрывали у порога свой образ.

– Внимание! Внимание! Сейчас вас посетит Фантомас! – обычно начинал первым детина. – По проспекту Коммунистическому, бывшему проспекту Сталина, бывшей Кладбищенской, несётся чёрная «Волга». Наперерез ей выбежал человек в чёрном... – продолжал он и, прокомментировав ещё некоторое время в том же чёрном духе, не переводя дыхания, в тяжёлом медленном темпоритме, начинал петь аккомпанемент к жуткому в своей потусторонней правильности притаптыванию: – Пам папапам папапам папапам...

– Я Кубик – вершитель! Кубик – Око! Реактивно-мыслящий! – подхватывал эстафету мужчина с лицом Ломоносова. – И как это вы обо мне ничего не знаете? Меня вся больница

знает! Всё отделение! Вся планета! Уважают меня! Преклоняются! Эх вы! Кубики вы все! Бело-зелёно-сине-краснооранжево-жёлтые!

Высказав последней фразой своё глубочайшее презрение к миру, Кубик садился рядом с Эстриным.

После этого Фантомас тяжело и невыносимо медленно подходил к подоконнику, брал из двухкилограммового пакета с монпансье один леденец (конфеты Феде передала через дежурную медсестру приёмного покоя Света), вкладывал его в рот и направлялся к двери. Пока он доходил до неё леденец рассасывался и, ещё более обиженно улыбаясь, детина поворачивался и путешествовал за новым. И так без конца и края...

Что можно сказать о женщинах? «Я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты!» – можно. «Твои глаза, как два тумана! Как два прыжка из темноты!» – можно. А можно и другое... Перечисленные выше герои говорили только про другое. Гений пытался поворачивать разговор к чудному мгновению, однако ничего путного из этого не выходило.

– Схватил бы я тебя и улетел бы куда-нибудь в синейшее ничто! Там на границе звезд одно хотел бы – чтоб я, да ты, да лет счастливых сто! – обычно после пессимистического вступления Юры начинал он, но дальше начала не двигался.

– Не надо! – хлопал рукой о его колено дядя Мурат. – Бабе нужен хрен стоячий да горб ишачий!

– Правильно! – подхватывал Юра. – Чтобы женщина налево не смотрела, регулярно надо щупать её тело!

– Скверно! – морщился Эстрин. – Верно, но скверно! Рифма дохлая. И поэзии – шиш!

– Регулярно надо мацать её тело! – догадывался «Вижу цель».

– Совсем что-то чавкающее, – с уважением поглядывая на Эстрина, презрительно вставлял Кубик Рубика.

– Ну и что? – садистски и со знанием дела ухмылялся Фантомас. – Не поваляешь – не поешь!..

– Похабники! – очень спокойно и интеллигентно заканчивал разговор Эстрин. – Мечта поэта – девочка с кишмишинкой. Бывает, всю булочку расковыряешь, пока до кишмишинки доберёшься. Наслажде-е-ни-е...

– Ох, граждане! – сокрушался Федя. – Голова у вас на заднице!

– Пацан ты ещё, – умилялся Фединому наиву дядя Мурат и, вскакивая, зло выкрикивал: – Если я сейчас же не совершу этой пошлой процедуры, называемой любовью, я буду не я!..

– Куда он? – испуганно спрашивал Федя.

– В гадюшник, – мрачно бурчал Кубик Рубика и, как бывший работник отдела пропаганды и агитации ЦК, выдавал свою самую любимую и светлую фразу: – Буржуазный онанизм – разрушает организм! Наш, советский онанизм – укрепляет организм!

– Боже, секретаря храни! – скрипуче смеялся Эстрин, и компания на некоторое время рассредотачивалась...

Всё повторялось настолько мистически одинаково, что после очередного раза Федя задумался... и вдруг вспомнил, что со времени поступления в отделение ни разу не посетил по серьёзному вопросу то самое место, куда царь пешком ходил. В обычных условиях он не придал бы этому особого значения, тем более что сообразил бы, что дело тут, скорее всего, в тормозящем действии лекарств и стрессе, но тут такой факт показался чем-то слишком уж ненормальным.

После ряда безуспешных попыток, уже далеко после отбоя, гений, не на шутку встревоженный, обратился к дежурной медсестре за советом. Та рассеянно глянула, вздохнула и высыпала на протянутую ладонь десять таблеток пургена.

– Не много ли? – ужаснулся Федя.

– У нас иногда и это не действует, – сонно успокоила его сестра.

– А если подействует – когда ждать? – заморочено спросил Федя.

– Почувствуешь! – безразлично буркнула женщина в белом и выпроводила гения.

И Федя почувствовал. В четыре утра он весьма поспешно катапультировался с кровати и в энном месте по-чёрному вычистился. Довольный и легкий как пёрышко, гений двинулся к своей палате, но, не дойдя и половины пути, сделал гримасу и побежал обратно. Что-то вроде лекарственной холеры приключилось с ним, и через час в туалет его носили на руках.

Нет, не санитары, медсёстры и врачи, а больные.

В частности, Юра и Фантомас, которого Федя начал называть Валерой.

Ещё через полтора часа выжатый до отказа организм отключил свой реактивный двигатель и подарил гению резкий упадок сил. Он почувствовал, что умирает. Вдобавок ко всему, окружающая обстановка начала действовать отрицательно. То, что раньше вызывало жгучий интерес, теперь лишь раздражало и угнетало. «Психи! Вокруг одни психи!» – ударило в мозг, и глубокая депрессия чёрным облаком за клубилась по слабеющему телу.

– Сестра! – позвал Федя.

Никто не отвечал.

– Сестра! – уже громче снова позвал он.

Тишина.

– Ох, Федя, Федя, – вздохнул Эстрин. – Тут тебе не лазарет. Юра, позови!

– Убива-ют! – истошно заорал Юра.

Тишина.

– Убива-а-ют! – уперев ноги в спинку кровати и ковыряя в носу, ещё истошней гаркнул Юра.

Тишина.

– Давайте все вместе! – поменяв пальцы и ноздрю, предложил Юра.

– Убива-а-а-а-ют! – словно «ура» запульсировало по третьему отделению, и в палату ворвался разъярённый медбрат.

– Ты кричал? – процедил он сквозь зубы Феде и сжал свои бандитские кулаки.

– Нет. Мы! – сказал Юра и демонстративно показал свои, тоже чудовищной величины, сжатые пролетарские мозолистые ладони.

– Парню плохо, а другим способом вас не дозовёшься, сэ-эр! – совершенно нормальным голосом дообъяснил Эстрин.

Пощупав пульс и убедившись, что Федя действительно кончается, медбрат вызвал дежурного врача – единственного на всю огромнейшую психлечебницу. Заспанная и сердитая тётя тоже пощупала пульс, смерила давление, и Феде сделали внутривенное вливание. Стало немного легче, но сердце продолжало биться до ужаса медленно. С каждым новым ударом Федя вместе с ним замирал и с сомнением ждал следующего...

Дальше события начали разворачиваться в темпе всё убыстряющегося аллегро. Утро понедельника было, как всегда, хлопотным, и генеральная уборка вытрясла всех больных в коридор. Привычно покорно, и строго соблюдая диагностическую субординацию, они выстроились вдоль стенок. Призраки уголовной демократии витали и тут...

Лица... Ну что можно сказать? Некоторые даже лекарственно улыбались, а несколько клинических идиотов искренне и во всю ивановскую пускали от пузыри счастья, и слюна капала и капала...

Федю Юра и Валера вынесли и положили на коридорный топчан. Кубик Рубика, узрев ввалившиеся Федины щёки, принёс печенюшку и приземлил ее на грудь гения.

Почин был тут же подхвачен.

Да ещё как!

Строй у стенок коридора нарушился! Как бы в пику чёрствости и махровому равнодушию медперсонала, больные выражали молчаливое сочувствие своему товарищу

небольшими подношениями. Скоро внушительная горка из конфет, печенья и других съедобных предметов, шурша, осыпалась на бедной и многострадальной груди. Когда же Валера, вчерашний Фантомас, принёс тапочки и, впервые забыв исполнить свой жуткий танец, аккуратно поставил их около Фединога одра, тот расстроился окончательно. Две слезинки выкатились из его усохших и ввалившихся глаз.

Умирать не хотелось!

И Федя, смяв депрессию, начал молиться. А так как традиционных молитв он не знал, то обращался к Господу очень конкретно и по существу.

– Господи! – шептал гений. – Если ты есть, покарай этих помощников смерти в белых халатах – бывших моих коллег! А ещё лучше – покарай тех, кто придумал этот уголовный мир! А меня вызволи отсюда, Господи, и я не одурею от счастья, а опишу весь этот жёлтый рай по обе стороны решётки...

По коридору стремительно прошёл старший медбрат – суперсволочь в отутюженном чёрном костюме и при галстукe.

– Русаков! Русаков приехал! – объявил он, и персонал забегал в два раза быстрее.

– Вы бы не были против, если бы вас отсюда выписали? – без тени чувств неожиданно спросил суперсволочь Федю.

– Я?! – Федя даже привстал, от чего гора лакомств посыпалась. – Не-ет... Я не против...

– Хорошо, – так же безжизненно промолвил суперсволочь и ушёл.

Дверь третьего отделения распахнулась.

В её проёме показались Наум Аркадьевич и Света.

Психи, увидев живую девушку с воли, сначала оторопели, а потом сгрудились вокруг...

– Кыш, бледнолицые, кыш! – ласково отогнал их Наум Аркадьевич и, не выпуская локоть девушки, пошёл к уже сидящему и сияющему Феде...

ВАМ ТАРАКАНЫ НЕ НУЖНЫ?

Больных не любит никто.

Родственники – особенно.

Им больше всех достаётся!

Помните? “Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог. Его пример другим наука; но боже мой, какая скука с больным сидеть и день и ночь, не отходя ни шагу прочь! Какое низкое каварство полуживого забавлять, ему подушки поправлять, печально подносить лекарство, вздыхать и думать про себя: когда же чёрт возьмёт тебя!”.

Бывают, конечно, исключения, но они, как и всегда в таких случаях, не в счёт. Да и кому он нужен – больной? Самому себе – и то не нужен. Так что не болейте, граждане! А если почувствуете что-то не то, то не торопитесь к медикам. Природа редко ломается по-крупному, и чаще всего сама себя калечит, сама себя и лечит. Не зря же приговаривают в народе, что все болезни от нервов, и лишь один генерал фон Триппер – от удовольствия. Морковно-свекольно-сельдерейно-яблочным соком полакомились с месячишко, поголодали хотя бы сутки раз в неделю, да к этому попостились с месяца полтора, да вечерним клистиром умеренно побаловались, а потом трусцой побегали или просто погуляли - воздушком подышали, да на работу не походили, да йогой позанимались – глядишь, и выздоровели!

Но если вас потащило, то держитесь! Тут вам дадут... дозу! Тут вас пошлют... к узким специалистам от греха подальше! А как вы хотите? У медиков в собственном-то организме не всё в порядке, а у кого ещё и родственник какой парализованный уже восьмой год как лежмя лежит, чтоб ему... прости Господи, а тут вы!

Нет, может, конечно, и повезти. И без очереди примут, и не отфутболят, и то, что не надо, не назначат, и вы выздоровеете, но это уже как выигрыш по лотерее или пятьдесят лет безоблачного счастья в законном браке.

В этом плане бывают и совсем феноменальные случаи. Возьмёт какой-нибудь эскулапишко – и отменит все новейшие, суперэффективнейшие, супермассивнейшие и супердефицитнейшие назначения. А чтобы вы не скучали назначит в пику коллеге, какую-нибудь паршивенькую и безобидненькую микстурку. Что-то вроде валерианки или пустырника. Вот благодарный организм и выкарабкался! Настроился, голубчик! Заработал как надо! Так что вы думаете – везунчик поклоны бьёт или свечи святым ставит? Ничего подобного! На второй же день после выздоровления на улице мимо пройдёт – не поздоровается. А как же! Какой-то водичкой поили! Вот если бы кромсали, резали, системами обставляли и через синхрофазотрон пропускали – тогда конечно! Тогда – низкий поклон! А так – и сам смог бы...

Вот поэтому медики так на профилактику и напирают. Надоели им эти стонущие и неблагодарные хуже горькой редьки. К тому же клятва Гиппократата давно уже в побасёнку выродилась, и всем стало как-то очень очевидно, что масла на неё не купишь, а мяса – тем более, даже при условии, что и то и другое в свободной магазинной продаже появится. Опять же, встречаются, конечно, и святые подвижники, которые работают с утра до вечера на совесть и практически задарма и получают от этого удовольствие. Но, в основном, вокруг и везде люди нормальные. А нормальные – ведут себя нормально. То есть так, как им позволяют себя вести. Или вынуждают! Так что и сегодня, и, видимо, далеко назавтра, если мы все не сгорим в синем или жёлтом пламени, прав один из великих, сказавший много лет тому назад, что об успехах медицины кричит мир, а неуспехи скрывает земля.

В день поступления Аполлона в двенадцатую клиническую больницу там говорили, конечно же, только об успехах. Причём не только говорили, но и фиксировали, дабы не оставить широкие массы в неведении. Огромные автотяжки республиканского телевидения затемняли окна первого этажа и добрый кусок второго – конечно же, хирургического отделения. Почему конечно же? Да потому, что очень уж зрелищна хирургия. И главное – сиюминутно результативна!

Толстые резиновые шнуры чинили препятствия для не от хорошей жизни шаркающим. Камеры, прицеливаясь, бесшумно скользили туда-сюда. Медперсонал делал святые лица и представлял само милосердие.

По случаю такого торжественного и очень нужного для главрача события некоторым, мучающимся запорами, даже сделали клизмы, что было в высшей степени гуманно и неожиданно. Кроме этого, двух безнадежных и одного скандального быстренько выписали. Кстати, из палаты, куда положили Аполлона. Потом хирургу – алкоголику и наркоману, Найзабеку дали отгул, и... И в отделении воцарилась репортажная атмосфера.

Однако в этот день телевизионщикам не везло! Сначала был таракан. Огромный, черный и блестящий он сидел на самом видном месте – на сигнальной лампочке телекамеры. Как только лампочка вспыхнула, таракан встрепенулся и скульптурно застыл, чем вызвал совершенно ненужную панику.

«Вы букашечки! Вы милашечки! Тара-таратарара, таракашечки! – сказал замечательный детский писатель, но оператор эти к месту строчки почему-то не вспомнил и отскочил. В результате в кадре оказалось почти пустое судно и тапочка, а в наушниках оператора задребезжали непечатные характеристики его личности.

Одна старшая медсестра не растерялась. Привыкшая ко всему, она очень спокойно подцепила букашку и гордо подняла её над головой.

– Пришелец! – с достоинством сказала медсестра и, заметив злые ужимки заведующего отделением, пояснила: – Аборигены будут поменьше и порыжее. Про них мы давно уже забыли...

Правда! Это была абсолютная правда! Из тапочки и больничной параши, в лихорадке поданной на монитор крупным планом, беспокойно выглядывали и дёргали усиками брошенные и оставленные без внимания рыжие сироты...

Вторая заминка возникла в самый разгар репортажа. Вместо того чтобы подойти к третьей койке справа от двери, ведущая направилась к третьей койке слева. Больной, у которого в полости живота забыли корцанг и штопальную иглу, был явно не готов к беседе. На вопрос о преимуществах нашего бесплатного здравоохранения перед не нашим платным он сразу же заявил, что теперешние медики – мерзавцы и продажные шкуры, и ту тысячу, что его родственники выкинули во его спасение, он всё равно отсудит.

Неблагодарный! Операция была сложнейшая, и если бы не злополучные железки, то он бы уже бегал. Да за такую же операцию не у нас с него бы последние штаны стащили! Кстати, «струмент» вытащили на вторые сутки, и уж если и остались кое-какие кишечные

свищики и из них, простите, вываливается... так уж как-нибудь и они заживут. А за деньги – тем более. Да и что важнее в конце концов – кошелёк или жизнь?..

Третья заминка была техническая и к здравоохранению никакого отношения не имела, если не считать трансформаторной гари, от которой минут пятнадцать все чихали и кашляли.

Наконец, когда от усталости и от напряжения всем всё стало «до лампочки», запись кое-как была накарякана.

Аполлон не мог знать всего того, что вы уже знаете, но чихал и кашлял он тоже. Благодаря стремительным и эффективным действиям Наума Аркадьевича, нашедшего гладенько-гаденького, давшего злобные, но всё-таки правдивые показания, а главное – из-за звонков Соломона куда следует и кому следует, он был реабилитирован. Не было около его койки охранника-сержанта в накинутом на плечи халате, а следовательно, бравый молодой нахал, даже назвал его героем. Правда, это в конце допроса, в течение которого он провоцировал, шантажировал, запугивал, брал «на арапа», и так далее и тому подобное...

Естественно, что всё произошедшее не прошло для героя бесследно. Автор имеет в виду не ушибы, синяки, внутренние кровоизлияния и прочие немаловажные, но всё-таки лишь исходные стимулы (некоторых хоть до смерти забей – не простимулируешь!). Целый рой чувств всколыхнулся и вызвал за собой цепь ещё подсознательных, но уже достаточно целевых установок. Сначала это была досада! Потом – злость! Потом – ненависть! И, наконец – ярость! Та самая благородная ярость, что вскипает, как волна. Можно сказать, цунами поднялся из вулканических недр и, в противоречие всем законам природы, зафиксировался.

– Что же делать-то? – спокойно сказал герой, раздавливая тапочкой очередного таракана.
– Будем бороться!

– Бороться? Они же неистребимы... – бесчувственно вымолвил сосед справа, тоже с перебинтованной ногой.

– Кто? Тараканы? – тапочка накрыла ещё одного рыжего. – Тараканы – ерунда! Это хоть конкретно. И сопротивления никакого...

Вторая тапочка взлетела и... угодила во входящую медсестру.

– Больной! Не нарушайте режим! – сказала медсестра. – У нас тихий час!

– Извините! Подчиняюсь! – тут же ответил Аполлон и, дождавшись ухода хозяйки, пристукнул ещё одного нахала, бегущего по спинке кровати в сторону уха соседа. – Ну, как! Будем копить силы?

– Я уже сплю! – сказал сосед и действительно тут же захрапел.

Утро следующего дня началось с заведующего, совершающего подвальный обход. Выглядело это так: дверь в палату слегка приоткрывалась, и появлялась его говорящая голова.

– У кого температура тридцать восемь и пять? – грозно гроыхала голова, и все замирали.

Заведующего боялись ужасно! Все были в его лапах, и всё было в его власти!

– У кого тридцать восемь и пять? – выполняя динамический оттенок «крещендо», раздражённо повторяла голова, и чёрная ненависть почти физически была по несчастным лежащим.

– Неужели и вы не знаете, у кого тридцать восемь и пять? – рыкнула голова в палату героя и осеклась, встретившись с блеском многоградусных Аполлоновых очей.

Сосед героя лежал неподвижно, как мумия...

– Ну, как нам знать, доктор... – ласково начал Аполлон. – Да вы зайдите полностью – мы не против! Или ваша вторая половина недостойна первой?

Голова зашла, предоставив на обозрение всю остальную систему своего жизнеобеспечения.

– Вы так нас озадачили, доктор... – убивая таракана, жалобно продолжил Аполлон. – Я просто испугался, что я должен что-то знать. Я простой человек, доктор, – откуда же мне знать? И потом, у меня на голове бобошка. Вот, пощупайте! Кирпичиками хулиганистыми, да сапожками милицейскими намозолили. Очень приличная и кондиционная гуля. Может, пырнём, а? Чик – и вместе с головой!..

Заведующий попятился.

– Нехорошо, что вы не знаете! – буркнул он и поспешно хлопнул дверью.

– Что значит заведующий! – торжествующе воскликнул Аполлон вслед. – Обход хороший сделал!..

– Теперь вас быстро выпишут, – с сочувствием проговорил оживший сосед-мумия. – Зря вы его так задели. Хам ужаснейший...

– Ничего-о! – очень весело и тонусно пропел Аполлон. – Смерть – одно из условий жизненной игры, но банковать сейчас буду я. Хотите присоединиться? Гарантирую отличное лечение и прекрасное обращение! В основном, правда, в будущем, но не это ли главное?

– Нет... Я лучше так... сегодня...

– Ну-ну... Победители – вдохновляют, проигравшие – разочаровывают?

– Я сплю, – сказал сосед-мумия и, к удивлению героя, опять заснул.

Сосед не ошибся – заведующий побежал знакомиться с историей болезни героя.

– Больные-е! Идите кушать! – гаркнуло по коридору густое контральто, и с разных сторон зашаркало и застучало.

Сосед-мумия сразу проснулся, неожиданно бодро сел, потом встал, взял ложку и чашку и, не забыв предложить свои услуги Аполлону, на что тот лишь отрицательно мотнул головой, ушёл. Дело в том, что Аполлон был лежачий и кушать ему в постель, естественно... не принесли.

– Зря вы отказались от моих услуг, – облизывая ложку, начал просвещать после завтрака сосед. – Это только в цековской, совминовской или ещё какой ненародной больнице вам принесут. Да ещё и не остывшее.

– Ничего... Злее буду...

– А зачем? Всё равно – бесполезно!

После завтрака сосед уже не хотел спать – он хотел говорить.

– Если мы с вами не вымоем пол, то будем задыхаться от пыли и грязи, – вещал он. – Если я не вынесу вашу “утку”, а вы, когда я слягу, мою – никто не вынесет. Если после вашей операции я не буду ухаживать за вами, а после моей вы за мной, то за нашу жизнь никто не даст и дохлого таракана.

– Положено... – начал Аполлон, но сосед-мумия так разошёлся, что только хмыкнул:

– Кому положено, тому наложено! И даже переложено! Да вы, видимо, только по газетам знакомы с больницей. Ни разу не лежали, что ли?

– В детстве разве что...

– О-о! Когда читаешь – такие успехи! Такие успехи! Я даже хочу собрать газеты и сделать по ним доклад, – обрадовался сосед. – А я всё думаю – чего это он? Все молчат, а он вдруг в бутылку полез. Бросьте! Тут такое творится... Ха-ха! Недавно бал какой-то в подвале устроили. Ну и, видимо, деньги, что на лекарство полагались, пустили на другое. Для нас остался один аспирин. Смотрю, всей палате дают одно и то же. Ну и я жевал... Так здорово помогало! Мне тут недавно про Кампучию статья попала. Палата тогда была набита до отказа, и все лежачие. Просят меня – почитай что-нибудь! Ну, я и прочёл. Тяжёлая история. Привозят больных в больницы, а те разграблены. Так больных, подумайте, какой ужас, кладут на землю! А? Я говорю – какой ужас! Какой ужас! На землю кладут!.. А вы знаете, спрашиваю соседей, земля чистая была? А я бы с удовольствием на чистой земле полежал. Да ещё если травочка есть. Почему не полежать? Чем лежать на той простыне, на которой мы лежим. На чистой земле – всё-таки ничего страшного. Так что мне после этого кампучийцев жалеть? Что мы их жалеть будем? Нас кто жалеет? Америка? Чёрта с два! Ну ладно! – неожиданно закончил свою речь сосед-мумия. – Я сплю!

И он, действительно, опять расслабился...

Странно полагать, что Аполлон был не в курсе всего того, с чем столкнулся. И если сам он в стационарах не лежал, то, прежде чем похоронить свою матушку, натерпелся от здравоохранения достаточно. Однако сейчас герой не хотел терпеть. Тем более, что только свою жизнь ставил на карту. Когда пришла сестра и всунула ему в руку горсть таблеток и драже, он вызвал заведующего. Тот хоть и стиснул зубы, но явился. В истории болезни было указано, что герой положен в больницу по личному распоряжению главврача, и эта маленькая пометка обязывала терпеть.

– Вы знаете, доктор милый, ведь сейчас уже десять часов, – начал Аполлон.

Заведующий молчал.

Медсестра, не понимая, что с ним, изумлённо хлопала ресницами.

– А я лежачий, – продолжил Аполлон. – Завтрак был в девять. А сейчас уже – десять. Я голодный, доктор! Почему мне не принесли завтрак? Пусть манная каша! Пусть шматочек хлеба, но пусть!

Сосед-мумия, оставаясь неподвижным, как полено, открыл глаза и уставился в стенку.

– Как не принесли? – ещё мало что соображая, сказал заведующий.

– Так. Не принесли – и всё! А тут ещё ходят слухи, что если бы и принесли, то обязательно холодное. Почему? Мне, например, доктор, такое нельзя – у меня язва.

Сосед-мумия зажмурился, почувствовав спиной испепеляющий взгляд заведующего.

– И потом, знаете, доктор, мне ещё кое-что у вас не совсем нравится.

– Ч-что вам ещё не совсем нравится? – бешено играя желваками, вежливо спросил заведующий.

Медсестра икнула, а сосед-мумия опять разверз свои зеницы.

– Ну, во-первых, извините, букашечки явно превышают десантное количество, – ответствовал Аполлон, демонстративно раздавливая таракана. – И потом, мне кажется, что когда сестра-хозяйка ходит по коридору и кричит, как ефрейтор: «Больные, идите кушать!» – это нехорошо. Мне кажется, что всё-таки это не казарма. Нельзя ли, чтоб она как-то нежнее говорила? А то, знаете, как она гаркнет, так меня ну просто подбрасывает. А у меня, говорят, тромб в ноге образовался. Не приведи господи оторвётся, и поминай как звали...

– Принести! – процедил заведующий в сторону медсестры. – Горячее! А тараканы у нас выводятся по плану.

– Ага... – задумчиво оценил Аполлон. – Значит, не по мере поступления, а, так сказать, регулярно. Ну, спасибо, доктор! Но я бы хотел, чтобы сестра пока не уходила. У меня есть ещё кое-какие претензии.

– Ещ-щё-ё?... – удивлению заведующего не было границ. – Давайте, сначала примите вот эту таблетку, а потом – «ещё»!

И заведующий, точно так же, как и медсестра, всунул в уже полную ладонь героя ещё один беленький кружочек.

Аполлон разжал ладонь и улыбнулся.

– Вот-вот! Как раз по этому поводу я и хотел высказаться.

– Вы принимайте, принимайте!

– Ну, нет, милый доктор! Я хочу знать – что я принимаю! Что вы мне даёте?

– Пуррген.

– Да-а? А с чего вы взяли, что мне нужен пуррген?

– Слушайте, больной, чего вы спрашиваете? – наконец не выдержал заведующий. – То, что я даю, – то даю!

– Но я имею право знать? – жалобно сказал Аполлон. – Вот, смотрите, у меня в этой руке уже восемь пилюль. Среди них и ваша. Их как принимать – после еды или до? Я же не знаю!

– Слушайте, больной, вам дали лекарство – вы должны его пить! – с трудом сдерживаясь, выпалил заведующий.

– Я, конечно, выпью... – заверил медперсонал Аполлон и убил ещё одного таракана. – Но только я не знаю, какое лекарство до еды, а какое после.

– Знаете... Вы вообще очень много говорите, – оборвал героя заведующий. – Раз получили лекарство – надо все их пить!

– Все сразу? Сразу все выпить?

– Сразу!

– Видите ли, милый доктор... Нехорошо всё-таки получается... Например, когда других врачей спрашивают больные, что за лекарство, – они говорят. И потом, кое-где как-то принято заворачивать лекарство. Ну, вот это жёлтенькое драже – витамин. Я его приму. А остальные, простите, вон туда! – и Аполлон великолепно выбросил всю горсть в форточку.

– Ой! – сказала сестра.

Заведующий ничего не сказал.

Он испугался...

Впервые за всю свою практику...

– Кого поставять вместо меня? – лихорадочно гадал он, почти вбегая в ординаторскую. – Найзабека? Вполне возможно. У того премохнатейшая лапа в ЦК... И в Минздраве... И в...

Следующая раздача лекарства состоялась в бумажечках, а лежачим обед был подан в горячем виде и прямо в постель.

Сосед-мумия был так потрясён, что после трапезы обнаружил у себя бессонницу.

– Не понимаю!.. – приговаривал он, хмыкая. – Ничего не понимаю!..

К вечеру обслуживающий персонал совсем расстарался и накормил больную после операции на кишечнике гречневой кашей. Больная чуть не лопнула, а Аполлон саркастически заметил, что удивительно, почему это ей не дали борщча-а?..

Через два дня герой был обследован Наумом Аркадьевичем и его знакомым специалистом по сосудистой хирургии, и они обнаружили, что угрожающий жизни диагноз был ошибочным. Кроме синяков и разной степени тяжести ушибов, ничего у больного не было. На этот раз медицина ошиблась в пользу пациента, но ещё пару дней пребывания в стационаре было желательно.

– Как твоё сердечко? – спросил доктор, когда осмотр был закончен.

– Как из милиции забрали, так ни одного приступа.

– Ну, будем надеяться... Воздухом надо дышать, молодой человек! Свежим воздухом! – нарочито строго сказал неугомонный эскулап и довольно улыбнулся. – Дядюшка был?

– Был. Тут они с тётушкой столько снеди понаставили...

– Вот и чудненько! Еду дели с друзьями, а вот воздух можешь вкушать в любом количестве!

Совет врача-универсала из светлого прошлого медицины не канул в бюрократические и никому не нужные записи. Сразу же после обследования Аполлон встал, всунул ноги в тапочки и вышел на воздух.

На воздухе было хорошо.

Прохладно, но хорошо.

И тут же, как бы узнав, что герой может обойтись без здравоохранения, судьба включила свой форсаж. Не успел герой как следует прокислородиться сам, как был вынужден разделить эту радость с ещё одним пациентом больничного городка. Это был младенец. Жалкий, уже не кричащий, но ещё реагирующий. Аполлон вытащил младенца через фрамугу детского инфекционного бокса и передал мамаше, измученный вид которой взывал к

действию и ещё раз к действию. Мамаша плакала и не знала, как благодарить спасителя, а младенец, с исколотой донельзя головкой, очутившись на воздухе, сразу зачмокал и заснул.

Бросив в ту же злополучную фрамугу расписку, написанную танцующим от радости почерком, и провожая счастливую мадонну, Аполлон слушал её горячечные излияния по поводу благ, справедливостей и высокого профессионализма современной младенческой педиатрии.

Мамаша знала, что говорила. Одного ребёнка она уже потеряла, и именно на первом этапе его знакомства с волевой медициной...

Дело в том, что все дети любят поносить, температуричь, плакать, кричать, кашлять и писать. Что поделаешь – у каждого возраста своё хобби. Взрослые, например, любят... Ну, что любим мы – мы знаем, и по качеству вряд ли этот товар будет приятнее, а подчас и гораздо... сами понимаете какой.

В детской первой клинической больнице, расположенной на том же географическом меридиане и на той же территории, что и двенадцатая взрослая, у всех носящих младенцев любили находить дизентерийные палочки. Где их брали в лабораториях – профессиональная тайна, но, судя по стабильности весёленького диагноза, запасы были неисчерпаемы и успешно складировались. Бедняги новорождённые, в том числе и недоношенные, с обременёнными палочками историей болезни тут же переправлялись в боксы, где некуда было не только плюнуть, но и выдохнуть. Мамаша, спавшие тут же на полу в позе свернувшихся аскарид, мало способствовали увеличению жизненного пространства, но если бы и их тут не было, то тогда смертность наверняка была бы стопроцентная. А так помирали гораздо реже, но всё-таки достаточно хорошо. И поскольку дизентерийная палочка на вскрытии не всегда давала сколько-нибудь эффектную, а главное – необходимую для списания картину, так как чаще всего это был банальнейший перекорм и диспепсия, усугублённые радикальным лечением, то у всех срочно обнаруживалось роковое и злокачественнейшее воспаление лёгких.

Ох уж эти воспаления легких! Сколько вас (и не только вас!) на совести патологоанатомов, прикрывающих своих благодарных коллег, регулярно подающих к столу свежатинку? И если кое-какие сомнения и мучали героя до разговора с мамашей, то теперь он был спокоен и уравновешен.

– Дома авось и выздоровеет, а тут... – отчаянно закончила свой торопливый рассказ советская мадонна и тяжело села в такси, остановленное Аполлоном.

В тот же вечер в соседнюю женскую палату потупила больная, кричащая и плачущая навзрыд. Что у неё было – никто не знал, но женщина просила то, что бесполезно было просить, – судно!

Почти час кричала бедняга – никого! Наконец больные не выдержали и вызвали Аполлона. Да-да, именно его! То, что Аполлон врач, и, возможно, даже с нелиповой степенью, так как его слушается даже заведующий, было известно всем.

И герой не стал разочаровывать товарищей по несчастью правдой. Заведённый на всю катушку, он тут же подхватил под микитки дежурную сестру и, обнаружив в листе назначений выписанную для кричащей клизму и всё, что полагалось в том же роде, просто осатанел.

– Ты видишь мой кулак? – сказал он голосом инквизитора.

– Ви-жу... – испуганно проверещала медсестра.

– Так вот, если ты сейчас же не поставишь больной клизму, то я тебе скажу, что я с тобой сделаю, – продолжал герой. – Я с тобой не буду по-интеллигентному говорить. Я вот этим кулаком с тобой поговорю. Эта больная сейчас умрёт, и ты понимаешь отчего. Так вот, если ты сейчас же не сделаешь ей клизму и не поставишь катетер, то...

Тут же судно было подано и всё было сделано, но Аполлон не успокоился. Когда ещё кто-то из другой женской палаты начал стенать на всё отделение по поводу всё того же, совершенно не морского, лайнера, он прижал медсестру так, что та взвизнула.

– Ты что ж это, голубушка? – сказал герой. – Если санитарок нет, так ты не можешь подать судно? Ты не можешь этого сделать? Ты думаешь, я не подавал судно?..

Красивый и сильный мужчина жал и требовал совсем не то, что полагалось при его данных. А главное – он требовал не для себя! И это ему простить не могли. Наутро медсестра закатила такую некрасивую истерику, что заведующий тут же побежал к главврачу. Выяснив, что Аполлон не такой уж и бластной, чтобы терпеть от него столько, он тут же выписал героя.

Однако эстафета была подхвачена.

Больные вдруг перестали бояться.

А как только перестали бояться они – стали бояться заведующий и его свита.

Но самое интересное то, что сильнее всех выступал сосед-мумия. Впрочем, и неудивительно. Он был ближе всех к Аполлону и, следовательно, наэлектризовался соответственно. И не просто наэлектризовался, а, можно сказать, сменил заряд. Он уже не спал. Он... выводил тараканов! Причём достиг в этом деле столь же великого совершенства, что и Илья Муромец в деле истребления врагов...

Lapidusya@mail.ru